

ИСТОЧНИК

1998 5-6

ДОКУМЕНТЫ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

9 июля 1935 г.

Новый социальный слой! Новый класс! - Да, здесь
наглядно, непосредственно ощущается его пришествие и
восхождение. Разительно переменяется облик городов. Новый
тип лиц, больше "пригороды". Да, рабоче-крестьянская
эра, пролетарская революция. Нет и помину о праж-

Дорогие читатели!

С опозданием, но Вы держите в руках № 5/6 за 1998 год. Финансовый кризис катастрофически повлиял на многие журналы, в том числе и на «Источник». В одночасье почти в три раза обесценились деньги подписчиков. Возникла угроза дальнейшему выходу издания. В этих сложных условиях редакция «Родины» решила выпустить сдвоенный номер «Источника» за счет собственных сэкономленных средств. Мы надеемся на понимание и поддержку. Чтобы как-то компенсировать Ваши потери, мы публикуем в этом номере уникальный материал — дневник видного русского политического деятеля и ученого Н. В. Устрялова, который долгие годы лежал засекреченным в сталинском архиве.

Обращаем Ваше внимание, что в нынешних условиях мы вынуждены изменить форму подписки. Со II полугодия 1999 года на «Источник» можно подписаться только через редакцию. Как это сделать подробно объясняется на следующей странице. Будущее журнала в Ваших руках. Подписывайтесь на «Источник»!

All written material, unless otherwise stated, is the copyright of «Istochnik»

© Редакция журнала «Источник». 1999.
Перепечатка разрешается только по соглашению с редакцией.

Главный редактор
Сергей Кудряшов

Ответственный секретарь
Татьяна Лещинская

Художник **Евгений Марков**

Компьютерная верстка
Амина Кольцова

Корректоры
Ирина Данилина, Лидия Потравко

Набор и верстка произведены
в компьютерном центре
журнала «Родина».

Вниманию зарубежных читателей!

Стоимость годовой подписки для иностранных подписчиков — 78 долларов США. Вы должны заполнить абонемент, четко и правильно написать адрес, по которому Вы желаете получать «Источник», и выслать этот абонемент вместе с чеком на 78 US \$ в адрес редакции. Чек может быть заполнен на сумму 78 US \$ в валюте Вашей страны.

Справки по тел.: 203-45-36, 203-74-82.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати
Пер. № 012124.

Адрес редакции:

103025, Москва, ул. Новый Арбат, 19.
Тел.: 203-45-54.

Подписаться на журналы «Источник» и «Родина» через редакцию выгодно и удобно!

1. Подписаться через редакцию на журналы «Источник» или «Родина» может любой читатель. Причем, начиная со II полугодия 1999 г., подписаться на «Источник» можно только через редакцию. Независимо от места вашего проживания стоимость **одного номера «Родины» составляет 29 рублей, «Источника» — 28 рублей.** В эту сумму входит и стоимость доставки журналов до Вашего почтового ящика.
2. **Оформление платежного документа.** На лицевой стороне бланка разборчиво впишите свой почтовый индекс, подробный адрес, а также фамилию, имя, отчество. Напротив выбранного вами журнала укажите общую сумму подписки (например, вы подписались на «Родину» на **3 месяца**, значит, нужно поставить цифру — **87 рублей**). На обратной стороне бланка — клеточки с цифрами, каждая из которых соответствует порядковому номеру журнала. Зачеркните (x) нужные (например, вы зачеркнули клеточки с цифрами 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12 значит, что редакция пришлет вам номера за май и все номера журнала II полугодия).
3. **В соответствии** с договором между Сбербанком России и журналом «Родина» **никаких денег** за выполнение перевода по данному платежному документу с вас **не взимается** — эти расходы взяла на себя редакция. Платежная квитанция остается у подписчика и в редакцию не высылается.
4. **Если вы** не располагаете необходимой суммой для полугодовой или годовой подписки, то оплачивайте журналы по мере возможности — на 1, 2 месяца (бланк платежного документа **будет печататься в каждом номере**). Но помните: **подписная цена на журнал может измениться**; тогда, возможно, за последующие номера придется платить дороже.
5. **Деньги** должны поступать на счет **не позднее 25** числа месяца, предшествующего тому, с которого вы оформляете подписку.
6. **Указанные** цены вводятся с **1 марта с. г.** Для тех, кто подписался на журнал ранее, никаких доплат делать не нужно.

Контактный телефон по адресной подписке: **(095) 203 45 36**

ИЗВЕЩЕНИЕ

Редакция журнала «РОДИНА»
получатель платежа
 расчетный счет № 40503810500000000219
 в «Внешторгбанке» г. Москва
(наименование банка,
 к/с № 30101810700000000187 в отделении № 1 при ГУ ЦБ РФ
другие банковские реквизиты)
 лицевой счет № БИК 044583187 ИНН 7704042384

фамилия, имя, адрес плательщика

Подписка на:	Сумма
Журнал «Родина»	
Журнал «Источник»	

Кассир

Плательщик

Редакция журнала «РОДИНА»
получатель платежа
 расчетный счет № 40503810500000000219
 в «Внешторгбанке» г. Москва
(наименование банка,
 к/с № 30101810700000000187 в отделении №1 ГУ ЦБ РФ
другие банковские реквизиты)
 лицевой счет № БИК 044583187 ИНН 7704042384

фамилия, имя, адрес плательщика

Подписка на:	Сумма
Журнал «Родина»	
Журнал «Источник»	

КВИТАНЦИЯ

Кассир

Плательщик

Заполните этот бланк и оплатите подписку в любом отделении Сбербанка.

«СЛУЖИТЬ РОДИНЕ ПРИХОДИТСЯ КОСТЯМИ...»

ДНЕВНИК Н. В. УСТРЯЛОВА 1935–1937 гг.

На титульном листе своего дневника, начатого 20 мая 1935 г. по пути из Китая в Россию, Н. В. Устрялов написал «Хлам дум» и поставил — «т. VI (и последний?)». Эта запись имела для автора глубоко личный и, возможно, символический смысл: в мае 1935 г. для Николая Васильевича Устрялова действительно начался четвертый и последний этап его жизни.

В 30-е годы политика большевиков в отношении интеллигенции изменилась. Изгнав в предыдущее десятилетие за пределы Советской России всех «неисправимых», власть потянула домой тех, кто при известной перековке мог ей пригодиться. С разных концов мира стали стекаться на родину «сменившие вехи» эмигранты. Среди них был и Н. В. Устрялов, ехавший из Харбина навстречу своей изменившейся родине.

Будущий юрист, публицист, общественный деятель Н. В. Устрялов родился 25 ноября (6 декабря) 1890 г. в Санкт-Петербурге. В 1913 г. окончив юридическое отделение Московского университета, в 1916 г. стал приват-доцентом. В том же году вступил в партию конституционных демократов и опубликовал свои первые статьи в кадетском журнале «Проблемы Великой России» и журнале «Русская мысль», руководимом талантливым публицистом, ученым и общественным деятелем П. Б. Струве. После Февральской революции 1917 г. возглавил Калужскую кадетскую организацию, но начавшаяся гражданская война за-

стала его уже на юридическом факультете Пермского университета. Так завершился первый этап жизни Н. В. Устрялова.

В декабре 1918 г., переехав в Омск, он возглавил ЦК партии кадетов Сибирской республики. Начал службу юрисконсультom при управлении делами Правительства А. В. Колчака, затем

принял руководство Пресс-бюро Отдела печати и приступил, наряду с сотрудничеством в местной «Сибирской речи», к редактированию проправительственной газеты «Русское дело». В своих статьях Устрялов говорил о несомненной перспективности белого движения. Живя в столице Сибирской республики и описывая события второго этапа своей жизни, он продолжил вести дневник, начатый в Перми.

В начале 1920 г. Устрялов эмигрировал в Китай и поселился в Харбине, где после окончания гражданской войны оказалось более 40 тыс. выходцев из России. В этом русском городе действовали русские институты, издавались русские газеты и журналы, ставились русские

классические оперные и драматические спектакли. Сюда на гастроли приезжали Ф. И. Шаляпин и А. Н. Вертинский. Здесь создавали свои творческие объединения русские художники, писатели, музыканты.

Среди русских профессоров в Харбине был и Н. В. Устрялов, преподававший государственное

Н. В. Устрялов. 1908 г.

право в местном университете. Так начался самый продолжительный и плодотворный третий этап его жизни. Устрялов успешно совмещал преподавательскую работу со службой в советских учреждениях Китайской Восточной железной дороги. В 1925 г. он возглавил Учебный отдел КВЖД, а в 1928 г. стал директором Библиотеки КВЖД продолжая вместе с тем активно сотрудничать в русской эмигрантской прессе. В 1920–1924 гг. вместе с Г. Диким Н. Устрялов издавал альманах «Русская жизнь». Его статьи появлялись и на страницах московской газеты «Россия».

Репутацию Устрялова как общественного деятеля и политика в этот период составила идея национального возрождения России посредством неизбежной трансформации диктатуры пролетариата в демократическое государство. Она была вдохновлена поворотом большевиков к нэпу, воспринятым им как переход к цивилизованным формам общественного управления. В свете этой концепции группа кадетов-эмигрантов (А. В. Бобринцев-Пушкин, Ю. В. Ключников, С. С. Лукьянов, Ю. Н. Потехин, Н. В. Устрялов) выпустила в середине 1921 г. сборник статей, носивший название «Смена веков». В статье «Patriotica», вошедшей в эту книгу, Н. В. Устрялов призвал русскую интеллигенцию старой формации к «смене веков» — «возвращенчеству», сотрудничеству с советской властью на благо России. Этот лозунг, выдвинутый Н. В. Устряловым и поддержанный авторами других статей, воодушевил рассеянную по всему миру русскую эмиграцию, продолжавшую внимательно следить за судьбой родины. Тезисы сменовеховства широко пропагандировала харбинская газета «Новости дня», редакцию которой с 1920 по 1934 г. возглавлял Н. В. Устрялов.

Однако к середине 30-х гг. стало ясно, что теория перерождения Советской России теряет силу и сторонников. Для самого же Н. В. Устрялова высказанная им мысль о возвращении на родину и сотрудничестве с советской властью, вероятно, сохранила свою актуальность и ценность.

Получив в феврале 1935 г. разрешение на въезд в СССР и готовясь к отъезду, он привел в порядок свой харбинский архив и переправил его в США. Скорее всего, среди бумаг было и несколько следующих за пермскими-омскими тетрадей-дневников.

В России Н. В. Устрялов предполагал продолжить преподавательскую работу, а также подготовить и издать публицистическую брошюру «Десять лет в Харбине». Кроме того, он надеялся выступить как пропагандист достижений СССР во время своих поездок с лекциями по европейским славянским странам.

По дороге в Москву, еще в поезде, Н. В. Устрялов начал день за днем записывать свои мысли и впечатления. Отражение им в дневнике глубоко индивидуального восприятия советской действительности и своего места в ней проходит как бы

между двумя полюсами: «я так ценю свою жизнь на родине» — с одной стороны, и «грустно, что служить родине приходится не разумом, знаниями и опытом, а костями» — с другой.

Сказать, что дневник богат фактами, мыслями, чувствами, напоен духом 30-х годов — это значит не сказать о нем почти ничего. Эмоциональный строй записей таков, что не может оставить зрелого человека безучастным ни к событиям тех дней, ни, главное, к личности автора этих заметок.

Устрялов не мог не ощущать в Советской России зажима индивидуальности, искусственно-го умаления престижа интеллигенции, страшной тоски вынужденного бездействия: в записях присутствует некоторая недоговоренность, легко читаемая зашифрованность, прозрачная затуманенность выражения мыслей и чувств. Однако в искренности его дневниковых записей не позволит усомниться краткая записка к жене, датированная 7 июля 1937 г.: «Милая Наташа, пожалуйста, пришли с посланным дневники...» (АП РФ, Ф. 3. Оп. 59. Д. 32. Л. 80). Именно на их ежедневное и красноречивое свидетельство его лояльности к советской власти он надеялся после 6 июля 1937 г. — дня его ареста.

14 октября 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 58 пп. 1а, 8, 10 и 11** Н. В. Устрялов был приговорен к расстрелу.

В начале декабря 1938 г. в информационно-ознакомительных целях НКВД направил дневник Н. В. Устрялова в ЦК ВКП(б).

При публикации были бережно сохранены все особенности подлинника. Он представляет собой тетрадь без обложки в четверть, листы которой исписаны различными чернилами с двух сторон «вечным» пером. То, что дневник, скорее всего, прошел не через одни руки, явствует из карандашных подчеркиваний частей текста, которые при публикации набраны курсивом. Авторские подчеркивания воспроизведены аналогично подлиннику.

В комментарии не введена информация об общеизвестных людях, фактах и географических названиях. Не прокомментированы фамилии лиц, о которых не удалось установить сведений больше приведенных в самом дневнике. Особо оговорены в комментариях данные, установленные непосредственно по документам архивного дела.

* Пермский и Омский дневники («Дневник колчаковца» и «1919 год») были опубликованы в альманахе «Русское прошлое» (1991. № 2; 1993. № 4).

** Статья 58 УК РСФСР предусматривала преступления против государственного порядка: п. 1а — измена Родине (в данном случае — пребывание в эмиграции), п. 8 — террор, п. 10 — пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению советской власти, п. 11 — организованная групповая подготовка к любому из действий, направленных на ослабление советской власти.

Н. В. Устрялов реабилитирован посмертно 20 сентября 1989 г.

20 мая 1935 г.

Едем. Скоро Чжалантунь¹. Скоро — новый период жизни, можно сказать, «третья жизнь».

В сердце — еще отзвуки прошлого, вчерашнего дня. Наш солнечный садик² в долине белых черемух и слив, розовых вишень. И — последние встречи, и лица близких людей на вокзале; как же за долгие, длинные годы не отсеяться горстке близких людей?

Сумбур чувств и мыслей в душе...

(около 6 ч. утра)

22 мая 1935 г.

Скоро Чита. Вчера переехали границу. Радужные встречи, изобличающие всю глупейшую ложь харбинских «информаций»³. Хорошие беседы. Едем. «Неприятно и бедно в тебе...»

30 мая 1935 г.

Стоим перед Воронежем. Жарко. По дороге — прекрасный лес разнообразных деревьев и запахов. На родине.

Еще как-то не переварил всего этого. Слово сон, фонтан впечатлений, *elan vital**. Еще не дошло как следует до сознания...

Сегодня выходной день⁴, и из Воронежа направляется в предместье струя публики, желающая провести праздник на чистом воздухе. Приоделись. Как в былое время, десятое августа в Подзавалье⁵.

Сколько повидали! Прокатились за казенный счет⁶ в прекрасных условиях по всей России...

Рассчитывали попасть в Москву сегодня, но вместо того, чтобы отцепить наш «московский» вагон в Рязьке и направить его непосредственно в Москву, — его отправили вместе со всем составом поезда в Воронеж. Приедем в Москву с опозданием, — должно быть, завтра, 31 мая. (12 ч. дня)

* Энтузиазм, порыв (*лат.*).

Примечание.

На самом деле, приехали в Москву 2 июня, так как пришлось задержаться в Воронеже по техническим железнодорожным основаниям.

6 июня 1935 г.

В Калуге⁷. Воскресшее детство, живое прошлое. «Все родное на этих страницах...»⁸

И прежде всего — эти запахи, подлинная машина времени. Брожу с детьми по окрестностям — был за рекою, в бору и Анненках⁹, на кладбище¹⁰, в роще... И цветет детство в душе, вот как эти полевые незабудки, как васильки! А береза: как мастерски умеет она пахнуть, особенно вечером, ночью; словно в этом аромате — прямое касание мировой тайны...

А земляника? — то же самое. Какой-то сложный, синтетический аромат, претворяющий собою субстанцию этих полей, этих лесов, соки сердца этой земли с ее цветами, травами, росами. Даже захватывает дыхание перед душистым синтезом этим и его чудесною, красною с нежнейшими переливами, плотью. И эти лукошки березовой коры, и эти бабы, и телега — что за дивная гармония, которой имя: — Родина? — Природа? — Детство? Впрочем, *Nome ist Schule und Bouch** (14 ч. дня)

7 июня 1935 г.

«Переходное время». Закрываются и сокрушаются церкви¹¹, — а рядом:

Помер муж... Сглазили!..

Дохнет корова, еще бы: сколько тут людей-то... Конечно, глаз!..

На колхозном базаре — плакаты о торжестве социализма и науки, а тут же слепой старик в лоптях и с длинной бородой, словно из пятого акта «Царя Федора Иоанновича»¹², — поет по древнему сказанию о Богородице¹³... И так — на каждом шагу.

Любопытно, что и тот и другой миры — реальны, что не лгут плакаты, что социализм, действительно, — факт., но факт — и вот эти наши соседки, приписывающие гибель коровы злему глазу, и стильный старик на торговой площади. Контрасты красочны и ярки...

Нужен бы художественный взор, чтоб их подметить и отметить, — закрепив для истории этот любопытнейший, неповторимый быт!

(3 ч. 10 м. дня)

* Имя этому Школа и Книга (*нем.*).

11 июня 1935 г. Москва.

Вчера, в экскурсии с Ю. В. Рудым¹⁴ и товарищами по КВЖД¹⁵, осматривал знаменитый шарико-подшипниковый завод¹⁶. Прекрасное впечатление!

Отличные машины. Отличные люди. Радостно ощущать всесторонний рост страны. На таких огромных современных заводах постигаешь своеобразную эстетику техники, — эту самую, о которой писал некогда Шпенглер¹⁷, воспевая красоту океанского парохода и т. п. Непонятно, почему он через несколько лет отрекся от этой филиации идей и предал технику анафеме...

Был в театрах: в Большом на «Евгении Онегине» и в Художественном на «Мертвых душах»¹⁸. Конечно слоняюсь по улицам, вдыхая воздух Москвы. «Воздух цвел мерцанием багряным...»

Завтра из Калуги приезжает мама с Левочкой¹⁹. Симфония сильных впечатлений, целая радуга переживаний. Сразу не освоить, не переварить...

(7 ч. вечера)

15 июня 1935 г.

Замечательные ночи! Как это раньше я не видел всей их несказанной красоты! Прекрасное северное небо — летнюю ночью! Темно-голубое, неопишимо, волнующего цвета. Какая-то вдохновенная глубина. Светится оно разлитым повсюду внутренним светом, и на этом перламутровом фоне рассеяны редкие звезды, тоже прекрасные, — божественный орнамент!

Шел вчера домой из Малого театра в одиннадцать часов — и любовался²⁰, и вся душа насквозь дышала счастьем, торжественным подъемом, и словно музыка наполняла ее до краев. Огни, огни, широкие площади, в которых прошлое сливается с будущим, веселое оживление, трамваи, а наверху — это небо, серебриющиеся на восходящей луне облачка, ночная лазурь в серебре: «Пронизана лазурью серебрястой...»

Какое счастье, что вновь довелось под вечер жизни увидеть эти родные ночи: эту родную красоту, дышать этим цветущим, неизреченным воздухом!.

(8 ч. 30 м. утра)

19 июня 1935 г.

Советская торговля²¹ — Невольно поражаешься ее размаху, ее организации. Разве не казалось всегда, что труднее всего наладить именно государственную торговлю, социалистическое распределение? И, однако, эта задача решена. Несомненно решена.

Москва полна товарами, магазинами, и магазины полны людьми. Радостно видеть это растущее благополучие — на новой, социалистической, — да, да, социалистической — основе. «Большевики научились торговать»²².

Убеждаешься воочию, вплотную, что «генеральная линия»²³ победила». Сомнениям, оговоркам — конец.

Шатобриан²⁴, возвращаясь из эмиграции на революционную родину, замечал повсюду лишь знаки страшных разрушений и воровства. Нынешний возвращенец на советскую землю увидит повсюду образы лихорадочной и молодой творческой работы — воистину, восстающий новый мир. И скажет, что «радостно жить в такое время!».

(8 ч. утра)

24 июня 1935 г.

Жаркие, душевные дни. Особенно мятно в этой черной коробке нашего дома, да еще при закрытых окнах, из-за детской кори. Жарко.

Получил трехлетний московский паспорт²⁵. На днях соберемся в Калугу, а там видно будет: осень лета мудреней. В голове бродят разные планы, — хочется иногда «взяться за перо» и написать политическую статью об основном: от устряловщины²⁶ к генеральной линии. Но — как это сделать? Не получится ли, что генлиния в моем изображении вдруг подернется устряловщиной? — Но это не дело, и, разумеется, тогда нечего и браться за статью. Нужно до конца преодолеть в себе все запахи ереси.

Любопытная вещь: встречаясь с разнообразными людьми, настоящими «советскими», — я ощущаю себя сплошь и рядом более, так сказать, советским, нежели они. И это вполне понятно: им «дерева» зачастую заслоняют «лес», они за все эти годы непосредственно ощущали трудности процесса, но в беседах и они единодушно влекутся к тем же оптимистическим выводам, тому же «приятною» генлинии, что и я ...

(11 ч. вечера)

9 июля 1935 г.

Новый социальный слой! Новый класс! — Да, здесь наглядно, непосредственно ощущается его пришествие и восхождение. Разительно переменялся облик городов. Новый тип лиц, бывшие «пригороды». Да, рабоче-крестьянская эра, пролетарская революция. Нет и помина о прежнем буржуазно-интеллигентском с дворянско-аристократической прослойкой городе²⁷. И лицо новой интеллигенции — тоже иное, тоже пролетарское, массовое. Редко-редко мелькнет на улице фигура старого покроя: словно и впрямь — вымирающий зубр!

9 июля 1935 г.

Новый социальный слой! Новый класс! — Да, здесь наглядно, непосредственно ощущается его пришествие и восхождение. Разительно переменялся облик городов. Новый тип лиц, бывшие «пригороды». Да, рабоче-крестьянская эра, пролетарская революция. Нет и помина о прежнем буржуазно-интеллигентском с дворянско-аристократической прослойкой городе. И лицо новой интеллигенции — тоже иное, тоже пролетарское, массовое. Редко-редко мелькнет на улице фигура старого покроя: словно и впрямь — вымирающий зубр!

Таково социальное действие революции: «пригороды» пришли в город, а «город» ушел в пущину, за границу, на тот свет. Разумеется, этот процесс претерпел достаточно болезненно. Но было бы грешно отрицать его историческую осмысленность.

Россия впервые обзаводится доподлинными городами, преодолевающими сопротивляемые косные силы природы. Мало по малу их население станет тоже доподлинно «городским». Мы сейчас — у истоков этого огромного и любопытнейшего процесса (92.20.ж. у).

Таково социальное действие революции: «пригороды» хлынули в город, а «город» ушел в изгнание, за границу, на тот свет. Разумеется, этот процесс протекал достаточно болезненно. Но было бы грешно отрицать его историческую осмысленность.

Россия впервые обзаводится доподлинными городами, преодолевающими сопротивление косных сил природы. Мало по малу их население станет тоже доподлинно «городским». Мы сейчас — у истоков этого огромного и любопытнейшего процесса.

(9 ч. 20 м. утра)

10 июля 1935 г.

Наш старый дом²⁸... Он — и не он. Став «жилплощадью», он перестал быть собой. Время? Годы? — Нет, не в них дело. Мерзость запустения в этих переполненных комнатах. Ужасное, потрясающее зрелище. Так, подчас, вглядываясь в облик смертельно больного друга после долгой разлуки, находишь в этой обезображенной фигуре былые, милые, родные черты... Вот обрывки знакомых обоев, вот кирпичики парадной лестницы, вот узорный паркет кабинета — жуть, сжимается сердце, и горло схватывается спазмой.

То же и сад. Сразу не сообразишь, что к чему. Разруха. Пустырь. — Но вот вдруг силуэт знакомой яблони, словно чудом уцелевшей посреди крапивы, вот липа, та самая, «моя», родная, вот вязы, каштан, изогнувшийся, одряхлевший, вот даже остаток рябины, фрагменты жасмина...

Прошлое... Былое... Страна воспоминаний... Потонувший мир. — Но разве невозможна реконструкция?

Среди этих развалин — молодой парень. Беседуем. Живет в бывшей «маминой комнате». И одержим планами. «Надо все это привести в порядок». Да, да, на развалинах — neues Leben*

(10 1/2 ч. дня)

* Новая жизнь (нем.).

16 июля 1935 г. Калуга.

Сегодня еду в Москву — «устроиваться». Надеюсь повидаться прежде всего с Ю. В. Рудым, обещавшим мне позаботиться о дальнейшей моей судьбе. Он, правда, сейчас еще, должно быть, в отъезде, в Одессе, на какой-то железнодорожной конференции с румынами. Но должен вот-вот вернуться.

Во время нашего последнего свидания в НКПС²⁹ он спрашивал меня о пожеланиях. Я сказал, что основной моей профессией было всегда преподавание, и я хотел бы заниматься этой профессией и впредь; однако, мне нужно некоторое время — полгода, год — чтобы подготовиться: новая программа, новые для меня условия. Я мог бы читать историю, также государственное право буржуазных стран. Затем — литературная работа. Скажем, хотя бы в издательстве «Академия»³⁰ Там ныне предприняты переводы классических произведений в разных областях, — я с радостью включился бы в эту работу. И, наконец, — сфера политической деятельности. Я чувствую, что для меня она доступна теперь лишь по линии заграницы. Приехав в СССР, я целиком оборвал свою письменную связь с людьми «пореволюционных» зарубежных течений³¹, — мне хотелось бы выяснить этот вопрос в надлежащей инстанции. Ясно, что соответствующая работа может вестись не партизански, а регулярно.

Ю. В. обещал поговорить обо всем этом деле с кем следует и затем познакомить меня с лицом, от которого зависит это дело двинуть вперед. Мы условились, что я позвоню ему (т. е. Ю. В.) через некоторое время, после своего возвращения из Калуги, числа 15–20 июля.

И вот этот срок настает. Завтра буду звонить. Если он еще в Одессе, подожду его возвращения в Москву.

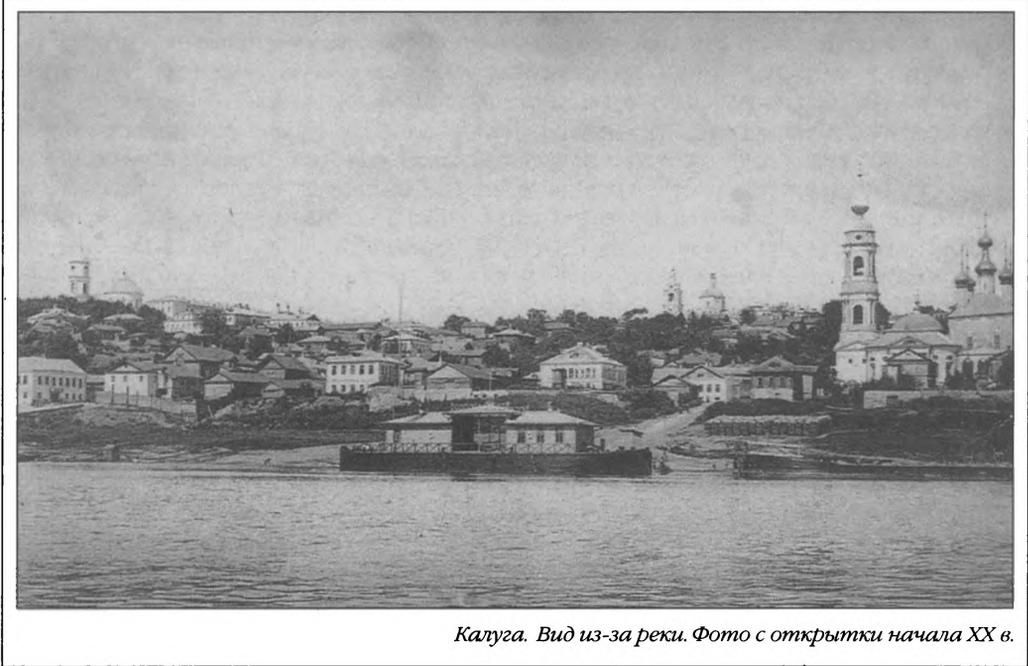
Вторая проблема — свидание с А. М. Горьким³². Он сейчас в Москве, и мне было бы чрезвычайно важно и интересно его повидать. Но, пожалуй, неудобно торопиться с этим свиданием: сначала нужно дойти до конца пути, предложенного Ю. В. Рудым.

(9 1/2 ч. утра)

16 июля 1935 г.

Годы, годы! Жизнь прожить — не поле перейти. Если в Харбине все еще как-то относился ко «второму поколению», то здесь сразу переступил роковую черту — к старости. Да, да, вокруг все так изменилось, повсюду новые, незнакомые лица, — а знакомые, уцелевшие в буре, выглядят стариками и держат себя стариками. Особенно так — в Калуге: в Москве все-таки еще есть некий круг лиц, не желающих считать, что все в прошлом. Но и там он окрашен психологически иначе, чем его собрат заграницей. Словом, и полдень прошел, и длинные тени на золотом вечернем солнце...

А вот солнце — все то же! И воздух, воздух — этот родной воздух нашей юности, которого так му-

Калуга. Вид из-за реки. Фото с открытки начала XX в.

чительно не доставало за границей! Непередаваемо чувство нежности, вливающейся в душу с каждым ароматом этого родного воздуха. Вот смотрю в окно, и каждый кусочек, каждый камень — родной, свой безгранично. И дом наш в его «глубоком унижении» становится от этого словно еще более родным, еще более милым...

(11 ч. 20 м. дня)

16 июля 1935 г.

Третий раз сегодня принимаюсь за свое вечное перо: нужно закончить листок, чтоб в Москве начать другой.

Вчера — Лялькино рождение: «бал». Дети — восемь человек. Как всегда, оживленно, — и, в общем, тот же стиль, что и в Харбине. Шум, чай с бутербродами, игры. Новое поколение.

Ночью шел по Горшечной — ныне Первомайской — домой и полной грудью вдыхал березово-липовую, столь специфически русскую — или даже специфически калужскую? — свежесть. Снова светила луна, освещающая привычные дома и деревья. И снова — словно сон наяву... Так часто в Харбине виделся этот сон о Калуге, — недостижимые образы, невоскрешаемые дни. И вот, и вот...

Река. Тот же запах мокрого дерева, и ракушки в песке, и плоты. У Покрова. Эти две недели, кажется, использовал максимально; жаль стояла дождливая погода. Что-то сулит Москва? — После праздников — за деловые будни!..

(5 ч. 45 м. вечера)

19 июля 1935 г. Москва.

В Москве. Приехал третьего дня. Позвонил Ю. В. Рудому, — оказывается, его еще нет. Выяснил, что он должен приехать на днях: конференция с румынами закончилась³³. Вчера — выходной день. Сегодня буду опять звонить.

Москва. Быстро осваиваешься в ней, и все же ощущаю еще прелесть новизны на каждом шагу; прелесть новизны и радость свидания. То же — и в общении с близкими людьми, — прежде всего, разумеется, с Мишей³⁴ и мамой. Бесконечно родное — и в то же время некая свежесть, радостная острота восприятия!

Отрадно, что любовь к родине ныне как бы разлита повсюду в советском воздухе — живая, конкретная любовь. «...Партия дала нам лозунг советской социалистической любви к родине... Любовь к родине может остаться фразой, если она висит в воздухе. Любовь к родине — там, где вы строите социализм, — должна быть насыщена остротой территориального восприятия» (М. Шагинян³⁵ — речь в Институте журналистики, 22 июня 35г.).

Проверяю себя. Нет ли надрыва и, следовательно, порочности, ущербности в моей любви

к родине? Не прикован ли я лишь к березам и липам, да к обрывкам старой России, пестреющим и звучащим то здесь, то там? Не односторонняя ли это, лирическая, с приправой трагизма, любовь?

Проверяю себя — до нутра. И всем существом своим отвечаю: нет! Нет, нет. Любишь не только березы и липы, близка душе не только смиренная красота тютчевского пейзажа. Нет, — бьется сердце жизнью и подлинно новой, советской страны, радостно волнуют душу корпуса этих прекрасных фабрик, знаменующих нашу растущую силу, силуэты стальных птиц, реющих на небесном фоне, — единственный случай, когда любовь к родине может с полным правом «висеть в воздухе»! И новые люди — тоже: вот хоть бы недавно на параде физкультурников — разве не билось радостью и гордостью сердце? И новая красота новой социалистической родины — приемлется, усваивается, воодушевляет. Вплоть до мировой идеи, живущей в нашей стране, — как все здесь близко и мило душе!..

(8 ч. утра)

Слышу повсюду обращение «товарищи», «товарищ» — и невольно вдумываюсь в его социальную значимость. И убеждаюсь, что она достаточно благотворна.

Когда-то еще Блок, в статье об интеллигенции³⁶, тепло отметил «прекрасное слово товарищ» и возмущался ненавистью, которой его окружили в нашей интеллигентской среде. Теперь я отлично понимаю тогдашнее настроение Блока.

«Товарищ» — полезное, социально объединяющее, сплывающее слово. Оно несет собою и в себе некий дух благожелательства, общественной солидарности. Оно куда лучше, социальнее, эпически выше холодного «гражданин». Очевидно, в нем, именно в нем раскрывается содержание третьего лозунга³⁷ великой французской революции, провозглашенного, но не освоенного ею — братства.

На улицах, на собраниях, подчас и в трамваях — постоянно наблюдаешь эту осмысленную, положительную миссию обращения «товарищ». Даже когда человек захочет выbranить, — это обращение отраднo смягчает напряженность монолога или диалога, придавая им характер дружеского, братского разногласия или спора...

(10 ч. дня)

В Калуге сохранились старые письма — давней студенческой эпохи: «словно повесть из века Стюартов»³⁸...

Перечитывал письма Н. Г. Смирнова³⁹ — и живо, остро воскресли в памяти те дни, Волхонских меблированных комнат⁴⁰, наша духовная коммуна, проказы ума, шалости сердца, «и зори, зори, зори»...

Милый, — как его жалко, как недостает его теперь там, в зубовском доме на курьих ножках⁴¹, у цветущей липы, где доселе все напоминает 17 и 18 годы⁴²!.. Где в 25 году⁴³ мы встречались так весело, так безоблачно дружно... Читаю его письма, открытки, его послания

в стихах, беседую о нем с Л. Г.⁴⁴, тоже подружкою волхонских дней, — и жалость, и нежность заполняют душу до краев. В годовщину смерти, вторую, — 27 июня, — был на его могиле... цветы... портреты его... вокруг друзья, целомудренно гнушающиеся внешних проявлений грусти и блюдущие его собственный милый стиль...

(10 1/2 ч. дня)

20 июля 1935 г.

Вечер. Дождь. Сажу за письменным столом и жду телефонного звонка из Калуги, от Наташи⁴⁵: условились, что будет звонить еженедельно, по субботам.

Днем сегодня беседовал по телефону с Ю. В. Рудым. Обещал сообщить на днях кое-что новое: насчет знакомства с нужным человеком. Отлично.

На этих днях возвращается в Москву из Крыма Скиталец⁴⁶. Рад буду свидеться с ним. Душевный человек.

Мелькают лица; там и здесь — впрочем, по преимуществу в Торгсине⁴⁷ — встречаются харбинцы. Сетницкий⁴⁸, бедняга, болен, — ревматизм; лежит в больнице.

У меня сейчас сильно болит палец, нарывает; указательный, на правой руке. Больно писать, — поэтому и не пишу чего-либо связного, а просто так — отделяюсь моментальной фотографией.

Повсюду липа буйно цветет — пронзительный сладкий аромат, проникающий до мозга костей тела и души. Липовый цвет! В его аромате вместе с идеей цветения дана идея увядания. Замечательно!

(10 ч. вечера)

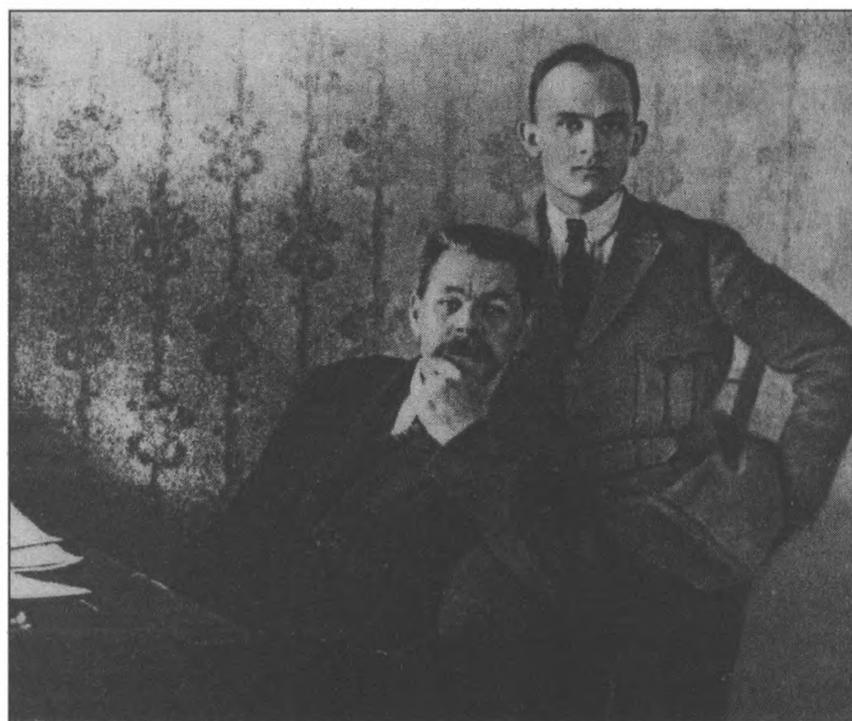
М. Н. Ермолова.

28 июля 1935 г.

Неделя болезни: прикинулся палец все-рьез. Указательный правой руки. Невозможно писать. Вот с грехом пополам пишу при помощи третьего и четвертого.

Снова — опыт страдания. Нелепая случайность: от неудачно сорванной заусенцы! *Panagisium**. Еще неизвестно, чем кончится. Рана столь волнующа на вид, что в первое посещение клиники я упал от ее созерцания в довольно глубокий обморок.

(9 ч. утра)

А. М. Горький с сыном М. А. Пешковым.

2 августа 1935 г.

Все болен и еле пишу. Дважды подвергался попытке операции — без наркоза удаляли часть ногтя. Резали ноготь ножницами: форменная пытка! Кроме того — нарыв в носу; одно к одному.

Третьего дня ездил в Горки⁴⁹ к А. М. Горькому. Пробыл там с 7 до 12 часов. Интереснейшие впечатления, заслуживающие обстоятельной фиксации. Поправлюсь — запишу. Да, большой человек и своеобразная атмосфера. Обаятельный старик. Отраднo, что довелось вплотную встретиться с ним...

(9 ч. утра)

1 сентября 1935 г.

Сегодня приехал в Москву после почти трехнедельного пребывания в Калуге. Не успел осмотреться, как телефонный звонок вызвал к Ю. В. Рудому. Долго беседовал с ним — обо всем.

Конкретный вопрос — о дальнейшей работе. Ю. В. определенно дает понять, что найдется работа и по НКПС-у. Есть планы по части библиотеки⁵⁰, есть также возможность в отношении иностранной литературы — нечто вроде библиографического бюро и бюро переводов.

Работа не слишком по мне, и страшновато браться за нее. Но с другой стороны, не дело и уклоняться. Через несколько дней вопрос должен выясниться окончательно. Ю. В. скажет мне точно, какая работа имеется в виду, и мне останется ответить: да или нет. Сложная проблема и сложное положение.

В Калуге недурно, но отравляет существование упорная болезнь Ляли: злейшая крапивная лихорадка. Семья останется в Калуге, повидимому, на весь сезон: здесь нет для нее жилплощади! Такие дела...

(2 ч. 15 м. дня)

2 сентября 1935 г.

Повидимому, час близок. Сейчас позвонил М. Ф. Василевский⁵¹ и сообщил, что Ю. В. хочет меня видеть опять. Значит, вчерашний разговор уже обзавелся оргвыводом.

Большой момент в личной жизни. Прекрасно сознаю это. С невольным волнением воспринимаю

* Панариций (*лат.*) — гнойное воспаление тканей, возникшее в результате инфекции поврежденного их участка.

всю ту сложную ответственность, которая ложится на меня вместе с работой в Комиссариате путей. Особенно волнует именно то обстоятельство, что работа эта, несомненно, будет для меня новой и придется — «работая учиться».

Анри Барбюс в гробу.

Но прежде всего — дисциплина. Интуиция дисциплины. Да, теперь она — основоположна. Нельзя, вредно, пагубно — противопоставлять свой индивидуальный рассудок большому разуму государства. Что же, сделаю все, что в моих силах.

Ясно, что конкретное решение — уже налицо. И есть много оснований полагать, что оно — не случайно. Значит, нужно принять предлагаемый «пост», и затем, после первых впечатлений, честно сказать кому следует, считаю ли я себя годным для него, или нет... Итак, иду..

(10 ч. 20 м. дня)

3 сентября 1935 г.

Вчера. Прихожу

в НКПС, прохожу по тихому, торжественному коридору в кабинет Ю. В. Рудого; он ведаёт ныне научно-техническим советом при наркоме — своего рода трест мозгов. — Здравомоемся.

— Наш нарком Лазарь Моисеевич⁵² узнал, что Вы здесь, и просил меня Вас спросить: какую работу хотели бы Вы получить по нашему комиссариату?..

Признаюсь, в первый момент я даже несколько смутился от неожиданности. Однако, немедленно оправившись, ответил, что я чувствую себя весьма польщенным таким вниманием наркома и вполне готов работать под его руководством. Но по-прежнему не представляю себе конкретно, как и чем мог бы я быть полезен наркомпути.

Несомненно, вмешательство Л. М. Кагановича сразу меняет всю картину. Теперь уже отказываться нельзя, — это ясно. Нужно искать — и либо пойти, либо с очевидностью выяснить, что ничего подходящего нет.

Сам Ю. В. в аналогичном приблизительно положении: он ищет, куда бы меня пристроить, во исполнение указания наркома. Но — куда?

Я спросил, какие вузы находятся в ведении НКПС и каковы программы этих вузов. Ю. В. немедленно же распорядился достать соответствующие материалы. Их достанут и мне передадут.

В кабинет вошел проф. Образцов⁵³ — добродушный толстый человек, украшенный орденом Ленина⁵⁴ и значком члена ЦИКа⁵⁵. Поднялся общий разговор. Нужно расширить библиотеку. Нужно организовать библиографический журнал, оповещающий русскую публику спецов о новинках иностранной технической литературы. И тому подобное.

Но опять и опять: при чем же тут я? Эх, не послушался в свое время мудрого дружеского совета: «пройти в пять лет советский втуз⁵⁶ и выйти красным инженером...» — теперь вот и бейся как рыба об лед.

Да, дисциплина прежде всего. Но беда в том, что при всем усердии, я буду плохим работником наркомпути. Оскандалюсь! Худо.

В одном из вузов есть экономическое отделение. Может быть, там найдется форточка? — Наверяд ли.

(6 ч. 40 м. вечера)

3 сентября 1935 г.

Третьего дня, в день приезда в Москву, заходил в консерваторию — взглянуть на тело А. Барбюса⁵⁷ Оно покоилось там — в ожидании похорон.

Шел из НКПС, через центр города. Было оживленно на улицах: МЮД, Международный Юношес-

кий День⁵⁸. Красные полотна, здесь и там когорты и легионы молодежи, отличное ранне-осеннее солнце, оркестровый клекот громкоговорителей, — звуки все боевые, браваурные, мажорные. Песни борьбы, задора, веры, молодости. Экзистенциальный пафос. Да, как ясно, что наша революция — подъем, начало, тезис нового диалектического цикла!

Но вот и Никитская, вот и консерватория. Милицionеры в белом⁵⁹, на фронте — огромный портрет Анри Барбюса; так смерть вплетается в торжествующую жизнь.

Вхожу в здание, поднимаюсь в залу, где огромный консерваторский орган изрыгает глубокие, глуховатые, мрачно величественные звуки. Посредине — гроб, кажущийся таким маленьким, миниатюрным на фоне цветочного окружения. Кажется, впервые я почувствовал, что банальная метафора «утопающий в цветах» может подчас оказаться предметной; действительно, луг, фонтан, море цветов — и на нем плывет, вернее «держится» прямоугольный ящик с бледной, тщедушной французской фигуркой. Вокруг — прекрасные венки, почетный караул «штатский», почетный караул военный, — достойные почести; как это правильно, хорошо, умно! А сверху, словно тоже в почетном карауле — линия лиц великих музыкантов — Моцарт, Бетховен, Гайдн, еще, еще⁶⁰...

Эти созерцания и размышления на ходу прерывает истовый, вполголоса, вопрос моей соседки по живой ленте (работница? вузовка?):

— А жена-то у его есть?..

И здесь жизнь переплетается со смертью.

Возвращаясь домой, в метро⁶¹ наткнулся на красочную группу: конники туркмены, совершившие

«беспримерный в истории конницы» (Сталин) кавалерийский переход Ашхабад—Москва⁶². Красавцы гиганты в папахах с характерными лихими лицами. Раньше их звали «дикой дивизией»⁶³, в 17 году они приобрели известность в качестве корниловского конвоя. Революция вот их освоила, приобщая к своей культуре, но и не отнимая у них лихого их облика...

(ночь)

4 сентября 1935 г.

Сложный жизненный узел. Что делать? С одной стороны, работа в НКПС привлекательна связью с тем же Ю. В. Р., хороша тем, что как-то упирается в авторитет Л. М. К. Но беда, что мне же ничего там делать!

Чиновника из меня не выйдет вообще, а путейского чиновника — в частности и в особенности. Преподавательская работа в путейских вузах опять же мне не под силу: «нет, братцы, красным инженером мне быть теперь — не по уму».

Что же делать? — Трудно, сложно. Еще в Харбине я отлично предвидел трудности этого рода.

Отъезд туркменских всадников из Москвы.

Вот С. Ф. Кеч⁶⁴ — читает в вузах Наркомюста⁶⁵. Это — по нас, это нам впору. Подготовившись с полгода, я мог бы взять на себя работу этого типа. Но здесь? Как быть?

Решается первостепенный жизненный вопрос, и малейшая ошибка может пагубно отозваться на мне впоследствии. Всей душой хочу включиться в советскую действительность... Но где мое место в ней?..

(10 1/2 ч. утра)

4 сентября 1935 г.

Принялся было за «идеологическую» статью, имеющую выразить нынешние мои настроения «беспартийный большевизм». Писал с трудом, с напряжением.

Нет, не выходит. На взгляд советского читателя получается банальщина. Общие места, фразы, избитые истины. То, что для меня — «ново», выстрадано, почти парадоксально, то — трюизм в здешней атмосфере. «Растворился». Конечно, оно, в сущности, и хорошо, оно так и нужно, — но, с другой стороны, нужно же и здесь найти себе место, к чему-то приткнуться, быть чем-то полезным. А то — слинял, и кончено. Держался — своими ересями⁶⁶. Нет их — и смяк, съежился, превратился в лепешку. Неужели — так? Или это еще непреодоленный до конца старый индивидуализм говорит во мне? Хочется куда-то рыпаться, что-то верещать? «Поддыхать», как скажет, бывало, Параша⁶⁷!

Но правда, — на что я ныне годен? «Ум-то у него есть, да только ум-то его — дурак». Подальше от этого дурака! Эх, пилить бы дрова, что ль?! Не в том ли глубокий смысл Соловков, Бама⁶⁸ и т. д?..

(7 1/2 ч. вечера)

5 сентября 1935 г.

Нужно записать впечатления поездки моей к А. М. Горькому в Горки 31 июля этого года.

Секретарь А. М-ча П. П. Крючков⁶⁹ сообщил мне, что мы отправимся в Горки вместе, в 6 ч. вечера. К этому времени я заехал за ним на городскую квартиру А. М. Горького в б. доме Рябушинского на Малой Никитской⁷⁰. Побеседовали.

— Ну, скажите откровенно, как Вас приняли у нас в СССР?..

Вошел Всев. Иванов⁷¹ в сопровождении жены; они тоже приглашены на сегодня в Горки.

— Ну, можно и двигаться.

На дворе ждал нас автомобиль, в коем мы и разместились. Крючков, наподобие дачного мужа, вез с собою многочисленные пакеты, книжки и т. д. Весь кабинетик его завален книжками: кто же не пришлет своей свежей новинки патриарху советской литературы?..

Арбат. Мост⁷². Дальше. Можайское шоссе. Асфальт, чистый и гладкий, как зеркало. Милиционеры в нарядных своих белых одеяниях. *Тут — важный тракт: район дач⁷³ Сталина, Ворошилова, других знатных людей.* Отличный солнечный вечер.

Беседуем с Ивановым. Несколькo приземистая, крепко сшитая фигура, «из разночинцев»: народный учитель, попович... В разговоре производит сразу же впечатление умного человека. Беседуем с ним о Сибири, где он тоже жил в колчаковские времена, *вспоминаем Георгия Маслова, Ауслендера, Вяткина⁷⁴*, еще кое-кого из писателей тамошней стороны и тех лет. Затем расспрашиваю его о недавних его парижских впечатлениях антифашистского конгресса⁷⁵. Никаких особенных впечатлений, точнее никакого особенного рассказа об этих впечатлениях...

Дорога сворачивает вправо. Живописный лес, березки, отлично. Вот направо — Николина гора, обиталище литераторов, профессоров, врачей, построивших там уютные собственные дачки. Дальше, поворот налево — и перед нами прекрасный особняк, загородный дворец, усадьба, кажется Морозова⁷⁶ или еще кого...

Сад, парадный фасад. Чисто, нарядно. П. П. Крючков:

— Пожалуйста.

Встречает миловидная небольшого роста брюнеточка (или шатеночка?), безукоризненно одетая; это — жена⁷⁷ недавно умершего сына⁷⁸ А. М-ча.

Разговор. Она художница, недавно была в Париже на выставке, затем в Венеции...

Но вот и сам А. М. Горький. Наружность — общеизвестная. Высокий рост, нависшие над ртом рыжие усы, прямые, темные с проседью, волосы на голове. Глаза, по-моему, ничем особенным не выдающиеся, — пожалуй, с некоторой грустинкой. Общая фигура — не слишком складная, не без угловатости, однако, вовсе не неприятной. Басовитый грудной голос, чуть провинциальный, волжский, на о, выговор. Хорошая, умная манера держаться; непринужденность, простота, добродушный юмор... и в то же время — такт первоклассный...

Сразу же перешли в огромную столовую, с огромным столом, массою света, сверканьем едовой

ул. Тверская в 30-е гг.

арматуры, с отличными картинами на стенах. Десять человек сидело за столом. Хозяин, гости, домо-чадцы. Общий веселый разговор. Вкусная, даже, можно сказать, шикарная на здешний масштаб кормежка; даже виски «Белая лошадь» украшали стол. Икра, разные рыбы, жареные утки...

Но все же не в еде была там сила. Духовная пища явно превосходила материальную. Любопытно наблюдать вплотную большого человека!

Довелось поговорить с ним всласть. Как только кончился обед, уселся за столом с ним рядом и так просидел до 12 ч. в непрерывной интересной беседе. Сначала беседовали о Дальнем Востоке, Харбине, потом перешли на советские темы.

Из его суждений:

«Война? — Да, война неизбежна, это ясно... Немцы? — Да, уж такой это сейчас народ, — и вот эта проклятая протестантская церковь их так воспитывает⁷⁹... А много федоровцев⁸⁰ в Харбине? Любопытное учение, и его очень легко освободить от всякой мистики. Скажите С-у* прочесть, в качестве топлива для души, книжки Сперанского⁸¹ и Байера⁸²... Литераторы? Разбаловали их у нас, часто ленятся рабо-

тать; но есть талантливые из молодых, подающие надежды... Гуманизм? Да, этот лозунг своевременен у нас. Посмотрите, как перековывают у нас людей. Меня эта сторона нашей жизни особенно увлекает, очень тщательно слежу за этим... Язык? Портится язык? Вот предположено учреждение «Дворца слова»⁸³, но это еще не так скоро. Большой, трудный вопрос... *Евразийцы?*⁸⁴ Ну, они распались, никого там не осталось, кроме разве Трубецкого⁸⁵. Но тот слишком далек от нас...» и т. д..

(весь день)

6–7 сентября 1935 г.

Сегодня на целый день ездил на станцию Яхрома, недалеко от Дмитрова, по приглашению знакомого врача-хирурга А. А. Бусалова, очень милого и талантливого. Смотрел операцию (резекция желудка — рак), которую он делал. Трижды темнело в глазах, но до обморока не доходило: не допускал, выходил в соседнюю комнату. Операция проходила под местным наркозом, старик лежал и отвечал на вопросы. В один час — управились. По общим отзывам, этот доктор — положительно виртуоз.

Затем, после обеда, отправились с ним в деревню, взглянуть на колхоз. Прекрасное впечатление! Поистине, зажиточная жизнь становится реальностью. На общественные деньги купили все необходимые машины, и уже не нуждаются в МТС⁸⁶. У каждой семьи имеется корова⁸⁷. Здесь и там — виднеются огромные, жирные йоркширские свиньи⁸⁸. Налоги государству уплачены. Чем не prosperity*?

Много гусей, масса яблок, хороший урожай овса, пшеницы. Работа ладится. Много перспектив. Заводится и колхозное свиное стадо, в придачу к собственным свиньям колхозников. Словом — отрадное впечатление! — Вперед и выше!!

* Процветание, благополучие, успех, счастье (лат.).

(12 1/2 ч. ночи)

7 сентября 1935 г.

Канал Волга — Москва⁸⁹. Грандиозная стройка. Вчера видел панораму работ. Параллельно железнодорожному пути тянутся бесконечные людские муравейники: заключенные искупают свои вины и «перековывают» свои души. Сейчас еще неясны контуры грядущего канала, — вернее, заложен смысл, технический разум той или иной работы: для профана. Но чувствуется, что совершается нечто громадное, великое, — и вот этот канал предстает символом всей нашей страны в ее теперешнем состоянии.

Строительство канала.

Скажут: — Копай, такой-сякой, умри, а копай!

И буду копать, и помру без единого звука ропота. Что ж, лучше что ли гибнуть вот от этого вчерашнего нароста в желудке?..

В окно вагона видны машины, лошади, коровы.

— Это все канальские..

Деревни сносятся с пути и относятся в сторону. Театр каналоармейцев. Вечером — огни, огни..

В груди теснит, набухает, — захватывает дыхание..

(10 ч. вечера)

11 сентября 1935 г.

Приезжала Наташа с детьми. Вчера уехали, забрав разные вещи для зимы. Придется жить одному — в разлуке с семьей.

Должен встретиться с А. И. Дуцман-Межиной, ведающей делами просвещения в НКПС. Может быть, что-либо выяснится. Я помню А. И. по Харбину, где она одно время правила советскими школами дороги. Производила приятное впечатление. Но имеет ли она отношение к вузам?

Осень. Бывало, в это время приезжаем в Москву из Калуги. Желтеют листья, и на улицах продают виноград, груши, сливы. То же самое и теперь.

Между прочим, отраднo наблюдать падение цен на предметы необходимости. Дешевеет мясо, несколько подешевели и высшие сорта хлеба. Громадное значение имело бы снижение цены на черный хлеб! — Пришло ли ему время? Сможет ли государство удовлетворить потребности населения в размерах, ну, хотя бы 25%-ного снижения цены на черный и серый хлеб? — Так или иначе, страна крепнет, здоровеет, богатеет, — шагает вперед.

(2 ч. 20 м. дня)

13 сентября 1935 г.

Меня преследует цифра 13! Со всех сторон и по всем линиям. Случай проверить мудрость предрассудка!

Предрассудок! Он — обломок давней правды..

Сегодня предстоит беседа в отделе подготовки кадров Наркомпути и затем — беседа с П. П. Крючковым, секретарем А. М. Горького. Хотелось бы взять в Наркомпути минимум академического преподавания (если найдутся хорошие предметы в вузах или даже рабфаке) и одновременно за-

няться какой-либо интересной литературной работой. За эти месяцы (годы?) как-то отбилась от дела, от систематической работы, — способен ли вновь к ней?

Вечером хочу посмотреть комнату: предлагают снять на время, — месяцев на шесть. Не перевести ли из Калуги семью?

*Письмо от Н. Н. Трифонова*⁹⁰ Везен в Томск, радость первых впечатлений на родине. Вторые и третьи впечатления углубляют и укрепляют первые. Да, радостно быть советским гражданином. И почетно.

(11 ч. 10 м. дня)

16 сентября 1935 г.

Беседа в НКПС. Намечается возможность лекций на проектируемом экономическом факультете: хозяйственное право, история экономических учений, экономическая география. Все это — не мои предметы, но что же делать? Не прочь бы и их взять, ежели дадут.

Библиотека. Это хуже, но за неимением лучшего... И, наконец, рабфак. Курс литературы на рабфаке, часов шесть в неделю. Таков диапазон возможностей в системе Наркомпути. Вскользь поговорили даже о поездке куда-либо: посмотреть страну. В самом деле, надо же повидать! Жаль, что уже поздновато, осень...

Пытаюсь писать «политическую» статью, — трудно, что-то плохо выходит. Почему? Неужели я годен лишь на ереси?

Нужна бы яркая статья, наподобие «Интервенции»⁹¹ 20 года. Чтобы вылилось сразу, единым духом, единым криком. Не *выливается!* Нету живой воды? Или поистерся, заржавел кран?

Vixi. Но нет, все же и viko еще*

(6 ч. 10 м. вечера)

* Жив пока и поживу еще (*лат.*).

19 сентября 1935 г.

Осень. Из окна вижу клен, ежедневно меняющий облик. Желтеет, золотеет... «Увяданья золотом охваченный»...

Лиризм осени. Вчера ездил в Загорск⁹² (б. Троицко-Сергиевскую Лавру). Прекрасные московские пейзажи. И вот это золото на темной зелени белоствольных березок, эти розоперстые клены, эта поздняя тишь полей — все это своеобразно перекликается с вечером души, морозом висков, горькой отрадой раздумья. Мы отдыхаем... Близок конец... Не пора ли?

Троица. Знакомый профиль нарядной колокольни, стены, в воздухе — мягкая ласковость прельцы. Базар, обычная чернота толпы. Детвора. Белобрысенькая девчонка: — Вы иностранцы? — Как хорошо наряжается-то!..

Музей. Интересно. История Лавры. Предметы, оживляющие прошлое. Чаши, блюда, ткани, кресты, митры. Дары Иоанна Грозного, Годунова, Михаила, Алексея, Екатерины... Тут же — различные документы нашей суровой, нашей великой истории. Революция освещает их по-своему, в броских надписях, полных задора и полемики. Надписи дополняются пояснениями групповодов.

Прожектор пролетарской революционности и воинствующего атеизма.

Мощи Сергия Радонежского⁹³. Под склепом. Какие-то темные, стгнившие пелены, — и на них остатки кос-

У врат Лавры.

тей, череп, клочки рыжеватых волос, беспомощно свалывшихся. Гурьба школьников, разглядывающих это. В их веселых милых головках эти закопченные кости не пробудят дум ни о Куликовом поле, ни о «старце чудном», своими «благоуветливыми глаголами» пособлявшем созиданию московской державы, ни об осаде смутных дней, ни о той «атмосфере труда, мысли и молитвы», какую распространяли вокруг себя эти пыльные гнилушки. Что же, каждое время имеет свои символы, свои реликвии. Грустно, что они ревнивы, эти символы... Грустно, но и понятно: ревнива человеческая страсть...

Краеведческий музей. Музей детских игрушек⁹⁴. Собор с прекрасной живописью, — осталась икона Рублева, — с люстрой Грозного, с тяжелой серебряной ракой святителя. «Особняк» митрополита с паркетными полами, безвкусицей современных лепных потолков, любопытнейшей коллекцией всевозможной домашней утвари — пестрым винегретом разных высокопоставленных приношений... Впечатления просятся в перо, но перо пощады просит.

(1 ч. дня)

20 сентября 1935 г.

Перечитываю сталинские «Вопросы ленинизма»⁹⁵. Да, ясно: это — «первый сорт». Алгебра революции. Слово с властью. Живая история. Алгебра — и в то же время за каждой строчкой слышен трепет жизни. То строки, как в «Страшной мести», наливаются кровью⁹⁶, то бьется в них новая историческая плоть, звучит музыка нового мира. Да, first class*

И стиль. Влияние Ленина. Монументализм, классичность, внешняя простота: «Есть в опыте больших поэтов черты естественности той»...

Вероятно, тут есть нечто национальное: Лев Толстой, Ленин. Вот и Сталин — в том же смысле. Как это *противоположно романскому пафосу: Наполеон, Муссолини!* Как далеко это и от нервической манеры Гитлера⁹⁷, торопливой напряженности его речевого стиля! Тут — величавость наших русских рек, простор степей, солидность, подчас даже несколько корявая, наших лесов. Но за этим — та же драматичность... плыли ж по Волге срубы с виселицами — во времена Пугачева⁹⁸. Аутентичский документ великой революции.

(1 ч. 45 м. дня)

25 сентября 1935 г.

Пауза — с НКПС. Сложно? — Да, не просто. Так или иначе, — на все согласен и ко всему готов. Хотя бы учителем арифметики в первую ступень!

Да, да. Вот уж не чувствую в себе ни грана «честолюбия» службы! Не все ли равно — быть делопроизводителем в мелочной лавке — или заведовать почтеннейшей библиотекой?!

Говорят: это не берите! Выговорите специальную ставку! Добейтесь приема туда-то. Не снижайте своих пожеланий!

Ерунда. Мое «честолюбие» — в ином. *Если бы можно было писать, говорить — от себя, за свою ответственность, своим языком: это другое дело.* Разумеется, писал бы и говорил — за революцию, за нашу страну, за генеральную линию, за Сталина... Но генеральная линия предудказывает не только, что писать и говорить, но также, и как это делать: и она права! Она права — ей виднее, и не мне ее — даже в мыслях — учить. *Но писать и говорить не своим языком можно лишь в силу прямого приказа. Покуда его нет — надо молчать.* А вне всего этого — не все ли равно: библиотека, первая ступень, мелочная лавка? За все возьмусь — с полной добросовестностью, в экстазе дисциплины и горячей лояльности**

(11 1/2 ч. дня)

26 сентября 1935 г.

...Вот это блаженство полного покоя, глубочайшей отрешенности естественно наводит мысль на апологию смерти: «В твоих руках — олива мира / А не губящая коса!..»

Как хорошо! Как благостно, достойно, спокойно! «Вечный мир блаженства и покоя, / Вечный мир свершившейся мечты...»

Повидимому, здесь все-таки некая аберрация. Блаженство, чтобы быть таковым, должно ощущаться, сознаваться. Но ощущение, сознание — приходят после обморока, как вестники жизни, а не смерти. В них дано: «о, как мне было хорошо, как отдохнул я!» Но если утрата ощущения и сознания — без последующего пробуждения и, значит, оценки? Тут — очевидная «трудность».

Как совместить подлинную, хорошую жизненность — с блаженством, характерным для какого-то убывания жизненных сил (ср. хо-

* Первый, высший класс (нем).
Здесь и далее так в тексте.

тя бы еще состояние кн. Андрея на Аустерлицком поле)⁹⁹? Жизнь — без суеты жизни, озабоченности, «тщеты»... Неужели «олива мира» — непременно принадлежность смерти? Только смерти? Иллюзия! Козни, шашни дьявола: «мрачный дух самоуничтожения и небытия»...

(8 ч. 50 м. утра)

27 сентября 1935 г.

Снижение цен на предметы первой необходимости¹⁰⁰! На хлеб, на сахар, на масло, на мясо. Замечательно!

Вот уже голыми руками ощущается победа генлинии! Подъем благосостояния масс. Теперь, можно сказать, это — основное. После победы политики индустриализации — победа на фронте жизненного стандарта. Начинается преодоление нищеты.

Конечно, это еще только первые шаги, но они характерны и многообещающи. Их встретит — вздох облегчения миллионов.

Правда, жаль, что снижение хлебных цен невелико: для широких масс по-прежнему главная пища — хлеб¹⁰¹. Хлеб, картошка, капуста. Есть еще с чего подымать жизненный уровень. Очевидно, реформа вводится с надлежащей осторожностью. Да и как же иначе?

Радостно на душе. Ясно: страна выплывает из великого исторического водоворота. Выплывает — обновленная, нет, вернее, перерожденная, заново рожденная, новая. И — какая! Да, всему миру — пример. Первенец социализма.

В самом деле, как убоги, мелочны, трусливы были все мои концепции нэповских лет¹⁰²! Подлинная вера в родину действительно предполагала всемирно-историческое мужество новаторов...

(2 ч. 15 м. дня)

29 сентября 1935 г.

Был у Ю. В. Рудого, рассказывал о беседах в отделе подготовки кадров. Выдвинулась еще возможность: работа в издательстве, кажется, «Транспечать»¹⁰³. Литературное редакторство. Еще что-либо. Работа в музее НКПС¹⁰⁴. Какая — не знаю.

Передал ему письмо следующего содержания:

Глубокоуважаемый Юлий Викентьевич!

Примите искреннюю мою благодарность за Вашу заботу обо мне, о работе моей по возвращении на родину.

Я очень прошу Вас выразить признательность т. Л. М. Кагановичу за лестное для меня предложение остаться на службе в системе Наркомпути. Считаю за честь работать под высшим его руководством.

Я испытываю потребность прибавить к этому, что немногие месяцы пребывания моего в СССР завершают процесс перестройки моего сознания в направлении к генеральной линии партии и советского правительства. Если уже в последние годы жизни за границей эта эволюция от сменовеховства к генлинии определилась достаточно четко в образе политического моего мышления, то теперь я должен с абсолютной убежденностью заявить, что вижу все содержание своей жизни — в сильном, безусловно дисциплинированном и до конца сознательном служении задачам, которые ставят перед советским государством партия и наше правительство. Я готов с полной ясностью и в любой момент заявить об этом в печати (советской и, если нужно и можно, иностранной), не замалчивая своих прежних ошибок и безоговорочно становясь под ленино-сталинское знамя, являющееся знаменем социализма, знаменем мирового рабочего класса и вместе с тем символом прекрасного, небывало радостного расцвета нашей родной страны.

С искренним уважением и преданностью Н. У.
Москва, 28 сентября 1935 г.

Думается, нужно же зафиксировать свои политические настроения в каком-то документе. Мне честно говорят, что мое возвращение — парадокс, что многие не могут понять, как мне дали въездную визу. Многие советуют обратиться в «Известия»¹⁰⁵ с заявлением лояльности генлинии. Но я же понимаю, что такое заявление должно быть заранее одобрено и согласовано. Отсюда и настоящее письмо Ю. В. Рудому, которое и попросил его, если он найдет возможным, показать Л. М. Кагановичу.

(10 ч. 45 м. вечера)

2 октября 1935 г.

С утра — туман, густой, приятный, почти петербургский; был на почте — отправлял посылку в Калугу. Туман... Есть в нем нечто ласковое, успокаивающее, симпатичное. Почему это?

Словно приносит он уют, как халат, как шалаш. «Не я» скрывается, уходит за мягкую белесую завесу, сглаживаются, мягчеют контуры внешнего мира, и «я», укутанный, укрытый, предоставлен себе и вместе с тем не одинок. Туман — не тончайшая ли он связь вещей, подчеркивающая их общность и одновременно индивидуальность каждой? Впрочем, ерунда все это... Рефлексы безделья. «Сам ничего не делает и другим не дает» (обо мне).

Все еще свободен, — потом буду с завистью вспоминать эти дни. Конечно, хорошо, и вот только заботой о будущем невольно осложняется самочувствие.

Забота о будущем! Она отравляет сейчас и общее, общественное самочувствие. Так прекрасно налаживается жизнь нашей страны — и так угрожающе нависают на историческом горизонте тучи новой войны! Обидно. Народные массы только-только расправляют грудь для вдоха облегчения — уже снова мрачные зарницы. Пяток бы еще лет передышки!..

(12 ч. дня)

4 октября 1935 г.

Милое письмо от Г. Гр.¹⁰⁶, — и всплывает в памяти «вторая жизнь», с ее ароматом, своеобразным и занимательным.

Русский Харбин¹⁰⁷... Ныне он разгромлен, и уже никогда он не повторится. Да, «Цветы былого облетели, пятнадцать лет ушли как сон»...

Как сон? Но вот эти милые строчки, вестницы любви, которая сильнее времени, сильнее смерти?.. Как все это замечательно, как все это трогательно. Как прекрасна жизнь!

Былое. Надо его помнить и ценить. Но не нужно позволять прошлому обижать настоящее... Хотя бы уже потому, что оно тоже ведь станет прошлым. *Suum cuique**. Все эти категории времени весьма империалистичны, и необходимо искусство, чтобы держать каждую в надлежащих пределах и блюсти гармонию.

Харбин... Большой Проспект. Днем. У Технической улицы. Бывало, вот философствую на эти темы тоном нотации, а бедная моя спутница смахивает из-под кургузой вуальки одну назойливую слезу за другой... (9 ч. 10 м. утра)

14 октября 1935 г.

Пробыл неделю в Калуге, сегодня вернулся. Здесь — *nichts neues*** : НКПС молчит, и я продолжаю гулять, чуть ли не единственный из вернувшихся кавежединцев. Само по себе это состояние «гулянки» неплохо, но, растягиваясь на неопределенное время, оно начинает выглядеть несколько неуклюже.

Заболел вчера Лялечка, т° 38 с половиной. Миша наслушал подозрительную ненормальность в области верхушки левого легкого. Беда, если это начало воспаления. Как-то перенесет его организм, истощенный длительной и злой крапивной лихорадкой? Естественно, что настроение сейчас — посредственное; схватил вдобавок «жабу», больно глотать, нездоровится.

В Калуге — обычно. Хорошо. Ясные осенние дни, теплые, бабье лето. Лиричная желтиз-

* Каждому свое (*лат.*).
Новостей нет (*нем.*).

на лесов, множество грибов в заречных березовых рощах. Впервые познал прелесть грибной охоты; так приятно выследить под листвою крепкий бугорок добротного белого гриба!

Что-то сдает сердце. «Глухие тоны», зачастую — тревожная теснота в груди. Следует похудеть, — может быть, будет лучше. Не следует в таких случаях сдаваться без борьбы. Не боясь ни смерти, ни даже болезни, нужно стремиться, по возможности, обходиться без них до поры, до времени. «А смерть придет — помирать будем».

(8 ч. вечера)

15 октября 1935 г.

Калуга, Калуга! Как часто в долгие годы харбинского далека снилась она и наяву и во сне! Как ясно рисовались сердцу ее улицы и переулочки, ее бульвар с видом на заречное шоссе, Ромоданово¹⁰⁸, а направо — по-прежнему и неизменно — синеющий кусочек бора... Наша милая Горшечная и сто, тысячу раз милый дом наш — на изгибе, в золоте вечернего солнца, и утром, и днем, всегда, всегда.

И вот сны — воплотились. Да, все это *есть*, все это пребывает, словно некая субстанция, самодовлеющее бытие. Выросла липа в нашем саду, бульвар стал парком культуры и отдыха, нету Московских ворот, на окраинах возникают заводы, — но по-прежнему «все родное на этих страницах», отовсюду смотрит детство, и в душе — интуиция якоря, берега. Чудесно!

Летом ходили на Калужку¹⁰⁹. На обратном пути вдруг потянуло в сторону, по берегу речушки, дальше, дальше. Словно из-под порога сознания выплыли туманные образы, что-то очень далекое, детское, давнее. Тянет сюда, почему-то именно сюда.

Встречается встречный:

— Скажите, товарищ, здесь не было прежде мельницы?

— Как же, как же. Вот тут стояла. Ерохинская мельница.

А, вот оно в чем дело. Бывал здесь — лет тридцать и больше тому назад. Двухлетним ребенком прожил тут целое лето. Лет, должно быть, шести-семи воевал на этом месте с презлейшим индюком, и, кажется, война кончилась вничью, с некоторым перевесом на моей стороне.., если не хвастаюсь. Да, да, вот он — тот же пейзаж, те же густые прибрежные заросли, и березовый лесок

Калуга. Вид на Южную часть города. Фото с открытки XIX века.

на том, высоком берегу. Он спал, этот пейзаж, десятилетия на дне души, и вдруг ожил, сперва в какой-то смутной двойственности, а затем в бесспорной наличной действительности... Впрочем, все-таки своеобразно корректируемый смутным двойником, со dna души. Как это все замечательно, несказанно!..

Калуга. Смолистый запах в бору — «черная грязь», «прохладная долина»... тоже категории не только пространства, но и времени, не только внешние впечатления, но и значки душевной жизни, «духовно-телесная индивидуальность». Если Калужка — раннее детство, то бор — отрочество и, особенно, юность, с ее туманами и терпким климатом сердца. Дача дяди Алеши¹¹⁰. Теперь в ней и вокруг нее — крольчатник, поляна. Копашатся работницы.

— Вам что надо, товарищ?

— Ничего, ничего. Это место нам дорого по воспоминаниям...

(12 ч. дня)

17 октября 1935 г.

У Лялечки, повидимому, инфлюэнца, а не воспаление. Сегодня Наташа будет звонить вторично, — вероятно, выяснится уже окончательно. Мне тоже лучше, нормальная температура и боль в гор-

ле проходит. Но на сердце — некая стабильная утесненность, осложняемая заботой — о чем? Да, нечего таить греха: забота о деле, о работе. В конце концов, нелегко же быть безработным в стране труда и социализма! Все люди с КВЖД давно при деле, а я вот все еще лишь при надежде. И это — не может не тяготить. Состояние изоляции, менее всего блестящей.

Катарзис*! Флюиды прошлого, пестрая идейная биография. Выстрадать право на советскую жизнь. Опять и всегда: я готов. И, быть может, эта длительная неопределенность — не что иное, как элемент, прелюдия искупления. Советскую биографию нужно заслужить. Но вместе с тем невозможно сделать бывшее небывшим, — сам Бог, как известно, здесь бессилён.

Невозможно? Для Бога — невозможно. Но для великой революции — вполне возможно. Революция — всемогуща и самодержавна, фонтан абсолютного творчества. «Всем сердцем и т. д. — служите Революции!»

(11 ч. дня)

20 октября 1935 г.

В Калуге. Приехал сюда на три дня. Больны дети, Наташа, и сам я схватил насморк.

17 октября принесло печальную весть из Наркомпути. Позвонил т. Зелинскому из ЦОП¹¹¹ кадров с вопросом о перспективах.

И сразу же выяснилось, что в работе по НКПС мне категорически, наотрез отказано. Никаких перспектив.

Эту грустную информацию твердым тоном сообщил мне тот же т. Зелинский, который еще так недавно совсем другим тоном говорил совсем другое, обнадеживающие слова и обещал содействие по части квартиры в Москве. *Tout passe, tout change***

В заключение беседы он рекомендовал мне обратиться к Ю. В. Рудому, который сейчас вне Москвы и вернется 22 октября. Невеселое же будет это обращение!

Невеселое и... даже совсем нетактичное. Несомненно, Ю. В. искренно хотел мне помочь, и если это дело кончится неудачей, то ему будет мало приятно беседовать со мной.

Да, «одним имени». Начинается, видно, испупительный период жизни. Что ж, я готов. «Катарзис».

(9 ч. 50 м. утра)

29 октября 1935 г.

Эти дни писал письмо *Л. М. Кагановичу* — о себе, о своем политическом статусе — по возвращении на родину. Ю. В. Рудый меня заверил, что печальная моя телефонная беседа с Зелинским не есть еще плохой и окончательный отказ от работы в НКПС, что Зелинский имел в виду только свой отдел. Как бы то ни было, заминка — налицо. Я высказал мысль о письме наркому, Ю. В. вполне поддержал эту мысль и взялся передать письмо. Осталось его написать.

Нужно было написать его как следует: от души, честно, без «сюсюканья», своим языком, но без малейшего привкуса старой «устряловщины», внутренне мной преодоленной. Письмо это должно было стать как бы своего рода *декларацией, «исповедью»* — на новом, и, конечно, уже последнем, этапе моей жизни.

Мало искренности и знания темы — при составлении таких документов; тут всегда напоминает о себе и техническая сторона дела. Писал, думал, опять писал. Написал — и сам перепечатал на машинке. *Отнес Ю. В.-у* вчера днем. Он обещал немедленно же передать секретарю наркома. Копию этого документа, оставленную себе на память, приложу сюда¹¹².

(12 ч. 15 м. дня)

1 ноября 1935 г.

Прочел Эренбурга «Не переводя дыхания»¹¹³. Хорошо. И на новом пути, и перестроенный, автор не утратил своей энтелехии, основного своего стиля. Кладезь нежности, ввинченности в душу человеческую. Поэт вздохов, секундной стрелки души, — он и сейчас все тот же, — и как хорошо, что он освещает своим ночничком наше Государство Солнца! Какой умный, психологичный — и в то же время логичный — писатель!

«Ты любишь гром небес, а также внемлешь ты / Журчанью пчел над розой алой».

Все же «гром небес» останется для него навсегда больше фоном, нежели фокусом картины.

И в то же время — отлично, что он «перестроился», т. е. перестал громоздить из вздохов, из петуний, из осенних паутинок души плотину, лишь засаривающую великий поток дней нашего времени. Нет, теперь он сам в этом потоке, мало

* Здесь и далее — так в тексте.
Все проходит, все меняется (*фр.*)

по малу зацветающем и вздохами, и петуниями. «Туманизм» — недаром этот лозунг зазвучал свыше. И настоящая, хорошая, вечная человечность прорастает незабудками на перепаханном поле. Он полезен, он очень нужен — этот поэт журчащих пчел...

(2 ч. дня)

2 ноября 1935 г.

Вчера в третьем часу звонок Василевского:

— Н. В., можете зайти сейчас к Юлию Викентьевичу?

Захожу. Оказывается, меня хочет видеть т. Россос¹⁴, заведующий кадрами наркомата и заместитель начальника политотдела. По тому же торжественному, мягкому коридору прохожу в его кабинет. Как раз напротив — кабинет парткома.

Из беседы выясняется, что по-прежнему есть готовность предоставить мне работу в НКПС. — Но, где же, где?

Опять я говорю о МИИТе¹⁵, об экономической географии, хозяйственном праве, о своем неуспехе по этой линии.

— Ну, выясним еще раз. В ближайшие дни я Вам сообщу.

Затем — не нуждаюсь ли я в деньгах? Как вопрос с квартирой? Что возможно, будет сделано. Конечно, самое трудное в Москве — это квартира; это труднее службы. Если мне нужно, я могу получить свидетельство, что нахожусь в резерве НКПС; этим вполне «легализуется» мое положение.

Отрадная беседа. Шел домой с приятным чувством в груди и по пути зашел купить лососины — на радостях.

(2 ч. 30 м. дня)

4 ноября 1935 г.

«Пиковая дама» в Большом театре. Музыка, поднимающая целый рой образов со дна души. Нечто родное. Дома.

Вспоминаю, как, вооружившись наушниками, лежал на диване в кабинете большой харбинской квартиры, и слушал... Туманилось сознание, на сердце свинец, нездоровилось — и в музыке витали какие-то формулы внутренней жизни. «... Или все это только бред моей больной души?»

Да, дома. Графиня. Je sens mon coeur qui bat*... Классика. Монументально, как Пушкин.

Кстати, на днях слышал любопытное толкование этой вещи. Герман — перевоплощенный Сен-Жермен¹⁶. Отсюда — таинственная связь между ним и графиней. Открывшиеся ему три карты — акт

* Я чувствую, как бьется мое сердце (*фр.*)

«воспоминания»: он знал их и раньше!

В опере усилен мистический колорит¹⁷ рассказа; у Пушкина вещь эта пронизана прозрачностью, ясностью необыкновенной. Сейчас перечел ее, и не нашел почвы для теософского толкования.

Прекрасен Большой театр. Великодержавное величие. «Культурное наследие», с каждым годом все органичнее гармонирующее с обликом нашей крепчающей советской государственности.

(1 ч. дня)

6 ноября 1935 г.

Вчера позвонил тов. Россос и сообщил, что согласован вопрос о моей работе в МИИТе (Московском институте инженеров транспорта). После праздников мне надлежит обратиться к зам. директора института тов. Болдыреву и договориться с ним конкретно о курсе, о часах, о сроке, нужном мне для подготовки курса. Я буду включен в преподавательский состав института в ближайшее же время.

Отрадно! После этого звонка сразу же почувствовал необыкновенную легкость в груди. Как было бы, в самом деле, хорошо не отклоняться от академической работы, от этой генлинии моей жизни. Включиться в жизнь советской высшей школы, уйти в науку и преподавание.

Но какой же предмет? — Да, *придется переключиться*. Но чем плоха, скажем, экономическая география? Прекрасный предмет, конкретный — и вместе с тем увлекательный, особенно у нас, в советской стране, в период универсальной перестройки. Ясна и основная установка такого курса: пафос борьбы с косными, стихийными силами природы, пафос реконструкции земли, преобразования географии — во имя человека. Пафос диалектики. Тема: социалистическое общество и природа.

(11 ч. дня)

6 ноября 1935 г.

На днях отправился в университетский архив¹¹⁸, что размещен в полуподвале, в «новом» корпусе, за фундаментальной библиотекой. Маленькая, неказистая дверь. Вхожу.

Молоденький архивариус, точнее, зав. архивом. Курьер, — точнее, архивариус. Архивные люди, что не мешает им быть в то же время — людьми будущего.

— Товарищ, когда-то, в доисторические времена, я чем-то у Вас состоял, в этом учреждении. Нельзя ли отыскать следов?

— Ваша фамилия?.. Так, посмотрим.

Достается толстенная книга живота, и уже через несколько секунд гуляющий по ней перст останавливается:

— Есть.

И вахтеру: — Товарищ Гаврилин, принеси-ка дело Совета, тринадцатый год, номер шестьсот шестьдесят четыре.

Вот и папка надлежащего казенного вида, на ней — знакомая (даже успевшая надоесть порядком) фамилия, а внутри... внутри...

О, моя молодость! О, моя юность! О, май жизни, сиреневый дым!

Университетский мой диплом на добротной бумаге, акт об оставлении при университете, отчет о занятиях (фиолетовые чернила), магистрантские программы, разрешение жениться, постановление о приват-доцентуре... Май жизни — в архиве, но все же май! Архивное прошлое, — но как оно пронизано порывом к будущему, мечтою, верой... Да, теперь это — «бумаги», прошлое, *plusquamperfectum**. Вешние воды.

Шел обратно во мгле туманных призраков, восставших из архивной пыли. Евгений Николаевич, Вышеславцев, студенческая столовка, Ницше и Соловьев, ландышевый экстракт, Волхонские комнаты, Вережкин, Мадонна¹¹⁹... *Vixerunt***

Но вот Ломоносов¹²⁰, — все тот же, — кремлевская стена, на башне сверкающая советская звезда, дальше — налево — силуэты гостиницы Моссовета¹²¹, новая Москва, вокруг веселые молодые лица, вузовцы, вузовки, солнце, прозрачная осенняя прохлада. Жизнь. Настоящее. И я — с милым архивом на сердце.

* Давно прошедшее время (*лат.*).
Мною давно прожитое (*лат.*).

Нет, не дадим в обиду и настоящего! Дышу полной грудью и знаю, что до последнего вздоха жизни буду вдыхать и эту родную пыль, и это родное солнце, и эту юность чужую! — и звезды, все эти неизреченные знаки-и соки бытия...

(1 ч. 15 м. дня)

12 ноября 1935 г.

Был дважды в Институте, заполнил, как полагается, анкету, договорился с В. Д. Болдыревым о курсе: в весеннем семинаре 88 часов экономической географии. Можно было еще взять большой курс по проблеме планирования на транспорте, но я ограничился на первое время лишь экономической географией.

Теперь следует ждать оформления этого дела. Завтра попытаюсь повидать руководителя кафедры эк. географии т. Айзенберга. Эти дни усиленно читал учебник Журида и Ковальского¹²² — для приобретения «общего понятия» о предмете.

Как было бы хорошо обосноваться в преподавании, войти в академическую работу! Придется ли? Сумею ли?..

В сознании — все крепче и глубже корни советского мирозерцания, советского патриотизма. Чудесная страна! Чудесное время! Чудесная революция!

Поздно, увы, поздно — осознал всю творческую энергию нашей революции и ныне не без зависти смотрю на людей с «чистой советской биографией». Порок рождения? Среды? Воспитания? — Но, кажется, теперь усилиями сознания все это преодолено...

(12 ч. дня)

16–17 ноября 1935 г.

Словно рецидивчик колита¹²³, нехорошо. Завтра хочу съездить в Калугу, деток посмотреть, трудно долго одному...

Ликвидация Торгсина¹²⁴ и изменение курса червонца на мировые валюты¹²⁵. Для нас это удар по карману и материальному раздолью, но для государства это благо, это симптом укрепления, роста, благополучия.

Съезд стахановцев в большом кремлевском дворце¹²⁶. Замечательный организаторский талант!

Товарищ Сталин подписывает свою фотографию членам ЦИК Туркменской ССР.

Это вечное подталкивание, торможение, дерганье: вот и получаются чудеса — с нашим народом, с нашей инертностью, нашей лендой. Поднять производительность труда «во что бы то ни стало»¹²⁷: и мастерски разрабатывается масса, *Сталин* снимается с Дунями, Пелагеями, зовет их героинями, дает им ордена — и новый *допинг* налицо. За всем за этим — и более солидный, хотя и более прозаичный, стимул — полторы тысячи зарплаты, премии, сдельщина. И вместе с тем — поэзия, реальнейшая поэзия истории, подлинный народный подъем, организованный вождями большого стиля. Как хорошо бы написать феноменологию этой очаровательной, забирающей дух эпохи!

(12 ч. 5 м. дня)

1 декабря 1935 г.

Опять болезнь, так не вовремя... впрочем, не знаем ни дня, ни часа!

Колит? Да, он — в лучшем случае. Но — новый, мучительный, тревожный симптом: постоянное поташнивание, и несколько иного рода, чем прежде. Быстрое, непрерывное худение — как осенью 29 года в Дойрене¹²⁸. Принимал ятрен — не помогает. Завтра в клинике будут вытягивать желудочный сок — история повторяется... сколько раз?

Снова треплются нервы, и трудно работать. Между тем, именно теперь необходимо работать в два кнута. С февраля начинаю курс экономической географии в МИИТе, в два месяца нужно познакомиться с предметом, для меня новым. Обложился книгами, читаю, но вот последние дни это непрерывное, несносное, жутковатое поташнивание мешает сосредоточиться и уводит мысль от проблем размещения производительных сил в сферу совсем других — и гораздо более знакомых, стародавних — проблем...

Взять себя в руки! Пока живешь — живи достойно, мужественно, разумно. А смерть придет — умирать будем.

(11 ч. дня)

В соседней комнате радио поет старые революционные песни — «Варшавянку», «Смело, товарищи, в ногу» и т.д. — в отличном хоровом исполнении: в честь годовщины смерти С. М. Кирова¹²⁹

...Эти звуки наполняют душу дальними, сладкими реминисценциями. Гимназия¹³⁰, 905 год... Осень, снежок — вот как сейчас. И — юность, туманная заря жизни, розовеющая и сверкающая на этих снежных блестяшках... Серая гимназическая шинелишка... И отроческое личико, желающее напустить на себя серьезность, вдумчивость, даже некоторую важность...

Калуга. Николаевская гимназия. Фото с открытки конца XIX в.

Жизнь впереди! Как расскажется эта замечательная, фантастическая сказка, эта поэма, которой первая часть пишется мажорными звуками романтизма, ныне воскресающими в аппарате соседней комнаты?

...И вот — у эпилога. Что же, спасибо за рассказ, — он оправдал свое начало. Да, прекрасная, затейливая сказка, много солнца, много лиц, событий, эпизодов, немало содержания, — сколько чувств, дум, впечатлений!.. Одиссея духа — помимо географической¹³¹.

Цикл завершен. Дома. И — так же снежок, родной ноябрьский воздух. Через неделю — сорок пять лет. Довольно?..

(11 ч. 30 м. дня)

4–5 декабря 1935 г.

Плещется вокруг буйная, замечательная жизнь, полная всемирной истории. Чудо социализма. Организация нового мира.

Невольно дивисься энергии, уму, какой-то исключительной одаренности, «таланту повелевать», неутомимой изобретательности наших вождей, нашего действительно несравненного Сталина. Взять нашу старую Рассеюшку — и выковать из нее государство социализма! Взять наш народ, с его ленцой, расхлебанной мешковатостью, скептическим самопочесыванием — и превратить его в армию перво-классного труда, дисциплины, энтузиазма. Очевидно, найдена некая точка опоры, и одна шестая земного шара — перевернута!

Съезд стахановцев. Съезд комбайнеров¹³². Люди зажжены, люди горят. Люди заряжены, заряжены. Заворожены. On ne peut gouverner l'homme que par l'imagination*. Взять дядю Митяя — и сделать его Стахановым!..

Гипноз власти: l'homme est fait pour obéir**. И вместе с тем — какое это великое искусство: заставить его obéir*** так, чтобы он был убежден, будто он — gouverne****. Рукопожатье вождя. Огни и ампиры столицы. Портреты и речи в газетах. Ордена.

On appelle cela des hochets? Et bien, c'est avec des hochets que l'on mène les hommes*****...Аминь.

(1 ч. ночи)

8 декабря 1935 г.

День рождения — 25 ноября. Еще, еще раз!.. Сорок пять лет. Сорок пять! Много. Довольно? Пора? — Нет, жизнь прекрасна. Еще бы немного. Но, пожалуй, ведь никогда не скажешь: assez*****! Ну что же, нет — так нет! Всегда готов.

Воображение — способ управления людьми (фр.).

Человек создан, чтобы повиноваться (фр.).

Повиноваться (фр.).

Властвовать (фр.).

Это называется погремушками. Итак, именно с их помощью введом человек (фр.).

Хватит, достаточно (фр.).

Хотел этот день провести в Калуге, но не поехал: нужно заниматься, а главное, собираюсь туда к 19-му¹³³, лучше уже пережду недельку. И вот сегодня — один, в сугубо будничной обстановке. Днем ездил в МИИТ, беседовал с профессором Крюковым на предмет вступления в секцию¹³⁴ научных работников; передал анкету, затем обед, постель... лампа. Тихо.

Верстовые столбы жизни, полосатые, как сама жизнь. Обернешься, — сколько их, сколько ландшафтов, микрорайонов, какой длинный путь!..

Звонок из Калуги. Поговорил с Наташей по телефону о том, о сем. В Калуге все ждали меня сегодня.

Мысли разбиваются, дробятся, почему-то трудно сосредоточиться. Экономгеография, Калуга, желудок, столбы, жизнь, жизнь, жизнь... Голубое небо, и по нему — золотеющие облака. И там — на западе — дрожит сиянье. Спасибо, спасибо за все!..

(8 ч. 30 м. вечера)

19 декабря 1935 г.

Именины. Калуга. Зима. — Утром вышел на улицу, и брызнула снежная, морозная свежесть в лицо, старинная, особенная, как прежде, давным, давно. Шестое декабря. Опять этот день — в Калуге. Сложный сумбур в душе. Наплыв сумбурной нежности — где-то глубоко внутри.

Синее утро. Лялька не спит. Окликаю его, и он уже откуда-то тащит свертки, один, другой. Эка, оказывается, тоже не спит, и тоже тащит из другой комнаты — один подарок, другой... еще... еще... И Наташа... Груда подарков... Среди них — виктрола («патефон»), пластинки... И с утра комната оглашается звуками, полными жизни наших дней, песнями советского сезона¹³⁵: «У самовара я и моя Маша...»

И еще: «Как много девушек хороших/Как много ласковых имен...»

Сколько привычной русской заунывности, родного наивного чувства в этих простых напевах — посреди второй пятилетки, индустриальных взлетов, стахановских митингов и кремлевских торжеств!.. Наивной заунывности и вместе тягучей душевной песенности, стародавней человеческой, народной, русской ввинченности в тоску, в горе, в радость, в жизнь!.. «Сердце! Тебе не хочется покоя/ Сердце! Как хорошо на свете жить!»

Верно. В песне, отдающей грустью и заунывностью, славится жизнь, и любовь, и счастье. Словно море нежности, плещущее в русской душе, нет-нет да и прорвется сквозь гранитные берега, его заковывающие. Недаром доселе подспудная популярность Есенина¹³⁶ несравненна в советской стране. Даже запретного — и пустого! — Вертинского¹³⁷ слушают у патефонов, затаив дыхание, и в интеллигентских квартирах, и, говорят — быть может, клеветают — в самом Доме Правительства, у Каменного моста¹³⁸...

Сердце! — Оно свое берет, и чем «жить становится веселее»¹³⁹, тем настойчивей его запросы, его капризы, его потребности. Придется разумному плану учесть и категорию неразумия, внеразумия, сверхразумия... Вот эти синие зимние рассветы, эти блестящие глазенки ребяток, эту счастливую, благословенную горечь воспоминаний!

Сердце! Как хорошо, что ты такое!.. Хорошо. Пусть гранитные берега, но хорошо, что им есть что сдерживать, есть что оформлять, что плещется, сверкает стихия вот этих звуков — человеческой радости, тоски, любви, нежности... Стихия жизни живой!

(2 ч. 30 м. дня)

24 декабря 1935 г.

Снег, сугробы, мохнатые деревья, мягкий душистый воздух, белесая мгла вдали. Прекрасно.

За ночь — сахарные горы, несущие бодрость, свежесть душе. На улицах — сани и розвальни, дети на лыжах, веселые ухабы на тротуарах. Здравствуй, зима! Здравствуй же, здравствуй, мое детство, юность моя, воскресенная снегом... калужским, родным, расточительно щедрым, сахарным!

Вечером вчера были с Лялькой в кино, и оттуда по Никольской — ныне Луначарской — проехали на извозчике, на санях, домой. Вольготный путь, обильный, мягкий белый ковер, близка свежая колея, и шустро бежит лошадка. Как хорошо!

Сегодня — в Москву. Учусь, зубрю. Эти дни — Ленинградская область, сегодня предстоит — КАССР¹⁴⁰. Интересно: родиноведение. Конкретно убеждаешься в мощи нашего возрождения, размахе нашей эпохи, далеко превзошедшей Петровскую величиим и глубиной.

Да, прав был покойный Киров: чертовски хочется жить, смотреть, слушать... несмотря на вот этот назойливый колитный рецидив, на эту бытовую неустроенность с жильем, на эти седины, морщины, подергивания и покальвания...

(10 ч. 45 м. дня)

31 декабря 1935 г.

К Новому Году — две радости: одна — бытовая, другая — политическая. Разрешена и даже рекомендована елка¹⁴¹, и везде, повсюду — елочный энтузиазм, елочная вакханалия. В срочном, срочнейшем порядке мастерятся украшения, в «Детском мире»¹⁴² за ними густые очереди, в магазинных витринах сверкают отлично убранные елки, повсюду веселые разговоры на соответствующие темы, — прекрасно!

И еще прекраснее — отмена ограничений для детей лишенцев и нетрудящихся при поступлении в школу¹⁴³, — в осуществление памятной сталинской реплики на одном из недавних кремлевских совещаний:

— Сын за отца не отвечает¹⁴⁴.

Да, великая радость. Какая мудрая, дальнорзоркая политика — и какой радостный симптом! Революции уже нечего быть грозой, — разве лишь внешним врагам. Внутри страны тают последние тучки, последние облачка, солнце социализма — да, да, солнце и да, да, социализма, — плывет от утра к полудню. И нет сомнения — эти акты великодушия, мудрости, гуманизма еще прочнее утвердят наше великое государство, советский порядок, советскую власть.

(4 ч. дня)

13–14 января 1936 г.

Болезнь. Да, опять. Желудок. Катастрофическое худение. Поташнивание. Что это?

Резко пониженная кислотность. Завтра — опять вытягивать желудочный сок. Сумрачные перспективы.

*Du courage**. Если смертный приговор — встретить его достойно. Смерть есть казнь. Палач — природа, непросветленная, непреображенная. Необходимо мужество. В нем — даже некоторое предсмертное утешение. Смерть все еще сильнее нас, сильнее разума человеческого, — ну, что же, приходится констатировать это. Но подчеркнем, что не хотим признать ее победу окончательной и вечной. «Беззащитный, безоружный, смерть зови на смертный бой!»

* Мужество, присутствие духа (*фр.*).

Палач — природа. Взяться за нее! Преобразить палача. Вот — последняя и чудеснейшая «перековка»!

Что это, братец, или хвастаешься за федоровщину¹⁴⁵ — перед курносим призраком? Что, голубчик, — или и впрямь плоховаты дела?..

Какие есть. Страшновато? — Да, «инстинкт жизни». Пока не случится нечто, что — помните? — случилось с князем Андреем у порога конца¹⁴⁶...

(1 ч. 35 м. ночи)

23–24 января 1936 г.

В кино «Ленин»¹⁴⁷ Трогательные кадры, живой Ленин. Говорящий (беззвучно), едущий на авто, мельком, прогуливающийся в Кремле, выступающий на съезде Коминтерна. Да, что-то именно трогательное чувствуется прежде всего в этих старых, несовершенных снимках.

Потом похороны. Помню, видел еще в Харбине. В гробу. Крупская. Сталин. Дзержинский в почетном карауле у гроба. История, живая история России!

Затем — великое преобразование стран на основе ленинской революции, ленинского учения. Индустриализация, новые заводы. Новые люди. Великая эпоха.

И — Сталин. Вождь. Его речь о стахановском движении¹⁴⁸. Кавказский явственный акцент, скороговорка, простота. Простота речи, простота обращения, никакой позы. Поотяжелел за эти годы, с 24-го. Становится монументален, как бы персонифицируя мощь растущей, богатеющей страны. И нельзя не ощутить какого-то возвышенного волнения, глядя на него, при всей простоте, почти простоватости его манер, его осанки, его жестов. Да, вождь народов. Да, великий преобразователь, и жадно ловишь каждое впечатление... и даже охота кричать ура вместе с кричащим дворцовым залпом. Да, да, будет новый Пушкин, будет великая поэма — о великой эпохе!..

(1 ч. 40 м. ночи)

20–21 января 1936 г.

В Болшеве. Дом отдыха ученых «Сосновый Бор». Утром сегодня приехал, завтра обратно в Москву. Отлично. Действительно, «дом отдыха», тихий, успокоительный. Покой.

Утром, около десяти часов, приехал на станцию. Гляжу, уже поджидает меня ксучья лошадка, белесенькая, запряженная в удобные, широкие сани, с округлой, широкой спинкой.

— Это, вероятно, за мной, из Дома отдыха?

Молодой, тоже белесый парень отзывается с облучка:

— Да, из КСУ¹⁴⁹ «Сосновый Бор». Видно, за Вами.

Уселся, поехали. Вчера обильно шел снег, дорога чистая, белая. Тепло, не больше градуса мороза. Воздух легкий, мягкий, ласковый, такой особенный, русский. Сразу и живо вспомнились подмосковные путешествия далекой юности, санный путь от станции к монастырям, запах снега, жар сердца, деревья в белых уборках... И стало радостно — хорошей, щиплющей душу, прозрачной радостью.

Фабрика. Школьники идут. Трактор тащит за собой какую-то повозку. Красные флаги, красный кирпичный корпус. Новая Америка, а дальше — лес, тишина, соловьевская¹⁵⁰ «прозрачная белая тишь». Ели, сосны, направо березы. Все это — в легкой дымке, все это — в белой оправе. Оснеженный ландшафт. Чистый, очищенный воздух. Слышна в нем первозданная чистота бесконечности.

Откидываюсь к стенке, внезапно ощущаю нечто постороннее. Оказывается, это сзади прицепился какой-то малыш. Тоже хочется прокатиться. Пусть его.

Дальше. Сосновый прекрасный лес, парадоксальная после Москвы тишина. В такой тишине есть нечто активное. Это не просто — «отсутствие звука», бесшумность, — это нечто живое и положительное, индивидуальность, субстанция. «В начале было Слово». Так ли? Быть может, «в начале была Тишина»? Великая, утешительная Отрешенность, таящая в себе все соки, все потенции бытия. Почему это Паскаль¹⁵¹ ее так боялся: *le silence éternel de ces espaces infinis m'effraie*^{*}. Нет, она нам дружелюбна, эта белая прозрачная тишь, напоенная, упоенная Беспредельностью старого Анаксимандра¹⁵². Она седа, она довременна, она древнее родимого тютчевского хаоса¹⁵³, и, погружаясь в нее, отдаваясь ей, мы, видно, касаемся самых исходных, изначальных истоков нашей замечательной, нашей несказанной, неизреченной, непостижимой Жизни...

- * Вечная тишина этих бесконечных пространств наводит на меня ужас (*фр.*).

(12 ч. 20 м. ночи)

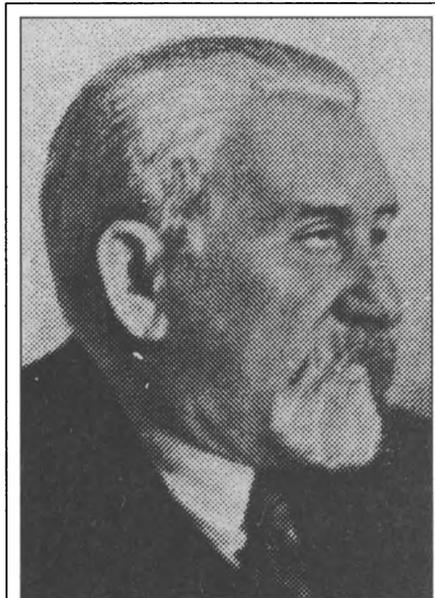
28 января 1936 г.

Встречаю на Кузнецком¹⁵⁴ Федю Петровского¹⁵⁵ — сияет: издают Горация, Овидия, греческих поэтов, Ксенофонта¹⁵⁶. Благодать!

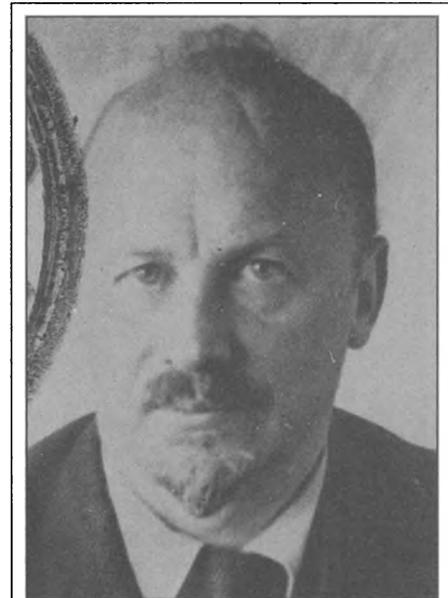
Бухарин в полемической статье против М. Н. Покровского¹⁵⁷ реабилитирует Петра Великого и объективизм в истории. Покровский третируется... если не *capaille*^{*}, то *en*^{**} младенец. А в течение десяти лет он царил неограниченно и самодержавно! Да, да, мы растем: тога мужа — вместо детской рубашки (по старинному образу Плеваки¹⁵⁸).

Сегодня Мирский¹⁵⁹ в «Известиях» воскрешает лозунг... «народность»! Конечно: «без народности не может быть полноценной социалистической жизни». Bravo, bravo!

Диалектика. Голова от нее кружится, радостно кружится, как от первосортного шампанского — и замирает дух. Диалектика становящегося социализма. Большинство мучительнейших контраверз недавнего

М. Н. Покровский.

Н. И. Бухарин.

прошлого *ist aufgehoben*^{***}. Ясен путь — дальше.

На небе, освобождающемся от дыма великих социально-исторических битв, выступают вечные звезды. Но светят они — новой, преоб-

* Ничтожный человек, сброд (*итал.*).
Как (*фр.*).
Являются торжественными (*нем.*).

раженной земле, новым людям, новой эпохе, на новом цикле. Кружится, кружится голова — и радостно захватывает дух.

(12 ч. 20 м. дня)

29 января 1936 г.

Одно к одному. Сегодня в газетах — отчет о совещании детских писателей¹⁶⁰. Выступления Андреева¹⁶¹, Косарева¹⁶². Свежие мысли. Например:

— Я был в Сокольнической школе на детском собрании и ушел оттуда с тяжелым чувством. Никакого отличия детского собрания от взрослого нет: избирается президиум, потом почетный президиум, просят занять места, начинаются доклады, затем прения, рапорты, вызовы на соревнование и т. д. Потом посылаются приветствия. Все встают, аплодируют и, наконец, садятся. В том детском собрании не было ничего интересного, образного, самобытного, не было детского языка... С этим нужно бороться, — нельзя давать калечить детей (Косарев).

Как это верно, умно, хорошо! Хартия вольности — детям. Право на детство, на радость, на мечты. Да, пора. Уже не опасно: дети социализма.

Весна? Первые знаки великой исторической весны. Она идет и для «взрослых», с их нынешних собраний тоже ведь уходишь подчас «с тяжелым чувством»: «избирается президиум, потом почетный президиум» и т. д. Наверно, скоро и здесь грянет слово с властью: «нельзя давать калечить взрослых»... И для меня придет весна...

(11 ч. дня)

31 января — 1 февраля 1936 г.

Беседовал с Сережей Ерохиным¹⁶³, — не виделся с ним с 17 года. Он интересно рассказывает об аграрной сталинской революции: в качестве агронома проходил ее в калужской деревне.

Для него несомненна целесообразность жестоких антикулацких мероприятий тех лет. Без ликвидации кулачества великую аграрную революцию осуществить бы не удалось. Либо нужно было отступить, либо сделать то, что было сделано. Кулаки являлись реальнейшим фактором деревенской жизни, они вели за собой крестьянские массы, противились коллективизации, срывали политику государства в деревне. Сокрушение кулачества стало залогом победы социализма.

К добру ли эта победа? — Да, бесспорно, к добру. Новая деревня не только продуктивнее, но и неизмеримо симпатичнее старой. Не только растет посевная площадь и увеличивается качество сева, но и прививается культура в крестьянских массах. Нет прежнего отвратительного пьянства. Нет былой темноты. Просыпаются новые интересы и потребности. Народился новый тип: колхозник!

..Да, это так. Все-таки паршиво, что ко мне, к имени моему цепко прилипла нелестная этикетка — идеолога кулачества и поповства. Как бы все-таки ее отмыть, отцепить, отправить ко всем чертям?!

(1 1/2 ч. ночи)

2 февраля 1936 г.

На днях в беседе с Ф. вспоминали студенческое наше время. Коснулись тов. Абрама¹⁶⁴, приехавшего к нам от петербуржцев в 1908 году. Ф., как эсдек, провел с ним тогда целый день. Запомнилась любопытная реплика Абрама:

— Неужели вы не понимаете, что когда мы победим, нам придется повесить Милюкова¹⁶⁵?!

Ф., по его словам, тогда этого, действительно, «не понимал». Интересно, понимал ли это сам Милюков?..

Другое впечатление — встреча с Бухариным¹⁶⁶, после студенческого митинга по поводу статьи Е. Н. Трубецкого в «Русских ведомостях» о бессмысленности наших тогдашних «толстовских» беспорядков¹⁶⁷. Бухарин не произвел на Ф. яркого впечатления. Они долго вместе шли пешком по московским улицам и вместе, наконец, зашли в дом Морозовой¹⁶⁸, на заседание религиозно-философского общества¹⁶⁹. Слушали речь Бердяева¹⁷⁰. Бухарин поморщился:

— Он напоминает мне жирного аббата, бойко болтающего о Боге и людях, а дома сально смакующего грешные мечты о девочках...

(11 ч. утра)

8 февраля 1936 г.

В Калуге. Завтра — обратно в Москву. Знакомая дорога первой и третьей жизни.

Зима, но какая-то бабья, вдовья, зараженная гнилым либерализмом. А на днях даже словно потя-

нуло весной — сочетание голубых лысин на небе с веселыми ручейками на земле и плутоватой маятой в воздухе. Впрочем, этот хронологический трюк, этот левый загиб дедушки Сатурна был в тот же вечер благополучно ликвидирован.

Шумит примус, в комнате — не повернешься. Жизнь на два дома. В НКПС обещают в течение февраля отвести квартиру в Лосиноостровской¹⁷¹.

10–11 февраля 1936 г.

Опять в Москве, тогда так и не дописал странички. Звонил в НКПС, не дозвонился. Читал, писал конспекты, думал...

В «Правде» — резкая полемическая статья¹⁷² против Бухарина, осмелившегося назвать царскую Россию — «нацией Обломовых». Как можно оскорблять русский народ, его прошлое, его историю?!

Где мы?.. Ура, мы в стране социализма, мы в СССР, на девятнадцатом году Октября!! Бедный, милый Бухарчик!..

(12 ч. 30 м. ночи)

12 февраля 1936 г.

Встречаешь старых знакомых, перебираешь в беседах судьбы давнишних спутников жизненно-го пути, — и размышляешь об интеллигенции моего поколения, т.е. дореволюционной выучки.

Что же: — Жив Курилка?

— Ванька-Встанька!

Старое — * «А поутру/ Она вновь улыбалась/ Пред окошком своим, как всегда...»

Конечно, на самом деле все это — сложнее, многообразней, быть может, печальней. Помесь трагики с эпикой. Но все же, все же — и не без примеси комики...

Старой интеллигенции становится все меньше, — однако, она еще водится. Отчасти она даже поплянется — собственными детьми: яблоко от яблоньки даже и в бурю не всегда способно отнести далеко. Правда, нередко наши дети — поросль иной почвы. Но бывает, что они имманентны нам, тоже ведь не неизменным:

Tempora mutantur et nos mutamur**

Интеллигенция! — Скучная тема, навязшая в зубах: не бросить ли перо? Нет, допишу уж.

В провинции нашего брата мало; физически изменился состав уличных прохожих и встречных. Но в Москве — мы водимся, и даже достаточно густо.

Может быть, это плохо? Москва — пролетарская столица, а не Беловежская Пуща, хотя бы и нового издания. Зачем в ней эти старомодные лица, эта, казалось бы, обреченная порода — освищенная, осмеянная, обстрелянная батарееми?..

Нет, нет, — ясно, что все это не случайно. Наша «квалификация» — вот наша броня, наш спасательный круг. Мы объективно нужны и пролетарскому государству, и становящемуся бесклассовому обществу социализма. Вот почему Федя Петровский, знающий древнегреческий язык не хуже русского, Л.В.Успенский¹⁷³, высколненный Платоном и Платином¹⁷⁴, Икс, Игрек, сам Рамзин¹⁷⁵, виртуоз печей, давлений и температур, — вот почему все они поутру вновь улыбаются перед своими окошками, как всегда.

Через каждого из них так или иначе проехал грузовик, все они горели в огне и тонули в воде... — «и, ничего, живем».

Ну, правда, есть процент споткнувшихся безвозвратно: наткнулись на высшую меру. Да, конечно. Известный процент утечки неизбежен, — в такие-то времена!

Но, в общем, — в целом...

— Ну как жилось?

— Спасибо, живем. Ездил на три года, теперь, как видите, опять тут. Читаю в вузе.

Перековка? — Да, конечно. Перековка — не лагерем, не ссылкой, не карой: перековка — фактом победы генлинии. Перековка — какая произошла вот и со мною, за границей, вне всяких Берманов и Медвежьих Гор¹⁷⁶. Да — et nos mutamur in illis***

Зачастую люди возвращаются из ссылки — посвежевшими, чуть ли не помолодевшими. Удивительно! Вот Юлия Т. едва ли не с умилением вспоминает свой ДВК¹⁷⁷. И выглядит куда бодрее, нежели ее младшая сестра, не выезжавшая никуда из Москвы.

Революция, с своей стороны, нуждается в старой интеллигенции. Англичане говорят, что джен-

* Слово написано неразборчиво.
Времена меняются, и мы меняемся (лат.).
И мы меняемся вместе с ними (лат.).

тльмен создается тремя поколениями. Как правило, то же можно сказать о подлинном интеллигенте. Массового интеллигента новой крови мы получим лишь в детях нынешних комсо-

мольцев, — «настоящего», квалифицированного интеллигента. А пока что — выныривает и возрождается наш брат. Разумеется, под сенью генлинии.

Всякие есть среди нас, и часто поделом нас бранили. Но не следует преувеличивать. Есть отрицательные черты и в новой, нарождающейся интеллигенции, есть они и у крестьян, и у рабочих. Кое-какие из этих черт революция выводит, кое-какие остаются, даже, быть может, обостряются (во всяком случае, до поры, до времени). Как бы то ни было, в настоящий момент происходит, вернее уже произошло, полное внутреннее «разоружение» старой интеллигенции, полное, искреннее примирение с генлинией, линией коммунистической партии, советским государством. И даже репрессии не изменят этого состоявшегося поворота.

Революция — убедила: это гораздо важнее, чем репрессии, ссылки, концлагерь. Любопытно, что репрессии — не озлобляют, а лишь печалат. Ныне интеллигенция — держится за советскую власть.

Понятно — почему: страна крепнет, богатеет, новый строй — продуктивнее и справедливее не только нашего прежнего, но и европейского нынешнего. Интеллигентские возражения против большевизма были, главным образом, «тактическими»: социализм хорош, но он пока неосуществим. Теперь эти возражения — сняты.

Пожалуй, есть еще один мотив, заставляющий старую интеллигенцию жаться к власти, от которой она видела столь много тяжелого и сурового. Это — старый, «гершензоновский» мотив: боязнь «народа» в его «непосредственном бытии»¹⁷⁸. А ну как воскреснут матросы 17–18 годов, крестьяне голодных лет, снимающие с нас последние рубашки. Вот эти Махно¹⁷⁹, атаманы зеленые и белые, эта стихия жестокости и разгула, ныне преображенная и заклятая гением государства, духом организации, авторитетом диктатуры?! Нет, нет, — да здравствует партия, да здравствует советская власть, да здравствует товарищ Сталин!! — мне кажется, что такой типично гершензоновский — тоже столько раз освищенный и осмеянный — мотив еще не совсем изжит в сознании, или даже в подсознании, некоторой части старой интеллигенции...

Так или иначе, — там и здесь мелькают знакомые бороденки и лысины, посверкивают пенсне, журчит литературная речь, — люди «прокатываются», кто на три, кто на пять лет, знакомясь с «периферией» и знакомя ее с собой. Потом возвращаются, переводят Горация, изобретают печки¹⁸⁰, громоздят колонки цифр — улыбаются у своего окошка...

(2 ч. 45 м. дня)

Борис Пастернак.

24 февраля 1936 г.

Из речи Пастернака на писательском съезде в Минске¹⁸¹:

«...Мне очень понравился доклад Суркова¹⁸². В нем было гораздо меньше той приподнятой, фанфарной пошлости, которая настолько вошла у нас в обычай, что кажется для всякого обязательной.

Скажем правду, товарищи, во многом мы виноваты сами. Ведь не все на свете создается дедуктивно, откуда-то сверху. Каждый слой общества живет по-своему и отчасти повинен в природе своих отношений. Мы все время накладываем на себя какие-то добавочные пути, никому не нужные, ничем не затребованные. От нас хотят дела, а мы все присягаем в верности.

...Задача ли Правления Союза¹⁸³, чтобы сказать вам: будьте смелее? Это задача каждого из нас, это наша собственная задача. На то каждому ведь и даны ум и сердце. Я не помню в нашем законодательстве декрета, который бы запрещал быть гениальным, а то кое-кому из наших вождей пришлось бы запретить самих себя. Значит, в смысле возможности новых идей простор, вероятно, у нас не меньший, чем в отношении перелицовывания старых» («Литературная газета», № 12).

Очень хорошо! Достойно размышления и обсуждения!

Как это: «Все изменяется под нашим Зодиаком, Но Пастернак остался Пастернаком...»

(5 ч. 20 м. дня)

4–5 марта 1936 г.

Опять в Калуге. Приехал к Экиному¹⁸⁴ рождению, семейному празднику, очень милому, совпадающему с первыми знаками весны. Послезавтра обратно в Москву.

На душе — болезнь и работа. Первая упорно не отпускает, томит, сушит и старит, и уж не знаю, удастся ли выкарабкаться и на этот раз. Вторая погружает в заботы, отнимает душевную уравновешенность. Первый экономгеографический блин: статья о старопромышленных районах и их роли в нашей индустриализации¹⁸⁵. Первый блин, — как же не быть ему комом? Пишу, крихчу и снова пишу. Читаю попутно, изучаю фарватер и учусь держать руль. Нелегко это — на закате лет, когда ткани утратили гибкость и привычки стали второй натурой. Нелегко? Трудно? Что же, что трудно: трудись!

В сущности, экономгеография, *rebus sic stantibus*^{*}, — лучшее, что можно для меня придумать. Она занята описанием великих дел, творящихся у нас. Дела, действительно, великие.

А вот недавно я забрел на философское собрание, устроенное журналом «Под знаменем марксизма»¹⁸⁶ в честь пятилетия правильного курса, взятого этим журналом после долголетнего ошибочного курса. И что же? Выступал магнат из ЦК партии тов. Таль¹⁸⁷, беспредельно выступал нынешний наш философский фюрер тов. Митин¹⁸⁸, и... я ощутил себя потерянным, — вероятно, прежде всего в силу вышеуказанного склероза, обветшания тканей.

* Как постоянная задача (*лат.*).

Показалось мне, что советская философия — это еще нечто вроде довременного хаоса, над которым даже и голубя нелегко различить. Говорилось об истории, о политической экономии, о физике, о текущем моменте и международном положении, о правах нашей молодежи и почтенности института семьи, — но слона-то, т. е. того, что встарь было принято называть философией, я не заметил на том собрании. Впрочем, пожалуй, кое-какие отдельные намеки мелькали, как в хаосе содержится же все, — но куда уж разобраться в этих намехах на философию: еще, боже упаси, получится философия намеков!.. И я возблагодарил судьбу, метнувшую меня в мою милую, мою юную, мою фактографическую экономгеографию. Тут все же мне легче начинать сначала. А там, — там пришлось бы прежде всего отмывать старые привычки и предрассудки, забывать мнимое знание и погружаться в новый космос, на старый взгляд выглядящий первичным смесительным хаосом...

(1 ч. ночи)

8 марта 1936 г.

Снова припадок кутежа на всемирно-историческом Олимпе, — пир богов, в сущности, перманентный с 1914, разражается в новый пароксизм острого буйства.

Гитлер разорвал локарнский клочок бумаги, сопроводив эту акцию эффективным дипломатически-идеологическим экспозе в рейхстаге¹⁸⁹. Большой исторический рисунок — в противовес нашему, не меньшему. Объединение Европы — против нас, против большевизма.

Гитлер не глуп, но и в Кремле — молодцы, умницы. Дух захватывает от созерцания этой драматической, великой, вещей борьбы.

Какие затейливые маневры! Какие глубокие шахматные ходы! Какие причудливые, лукавые перипетии! И какая несравненная предметная серьезность, напряженность, величавость основной темы!

Наше счастье, что буржуазно-капиталистический мир утрачивает силу сопротивления. Наша тактика, ленинская тактика — «столкнуть лбами господ империалистов» — имеет много шансов на успех, вопреки Гитлеру и его рисунку. Наше счастье — и наша правда!..

(11 ч. 45 м. дня)

9 марта 1936 г.

Купил вчера томик «неизданных стихотворений» Брюсова¹⁹⁰ и перед сном стал перелистывать. И повеяло, повеяло чем-то таким родным, таким близким — весной, далекой милой юностью, духовной родиной... «Дышит весенняя нега / В самом конце февраля».

Вот и сейчас на улице «конец февраля», повсюду прекрасные мимозы, после вековой разлуки. А тут еще — и строфы, и чувства с берегов отчизны дальней. Московская весна. «Шумно вдоль мокрых бегут тротуаров, / Детям на радость, живые ручьи, / В думах, как зарево дальних пожаров, / Светят прошедшие весны мои».

В этих «неизданных» стихах Брюсов как-то интимней раскрывается, меньше в них того налета некой «официальности», что-ли, что имеется в его канонической поэзии. Или мне это только так кажется? Болезнь, весна, современные поэты с их фанфарами — на этом фоне как не запеть душе навстречу спутнику молодости, навстречу напевам молодости?

«Человек десятых годов». Да, время — чутунная плита, не поднять, не сбросить ее.

А как же: *Tempora mutantur et nos mutamur in illis**. Да, *mutamur*** . В какой-то доле. Можем и на себя взглянуть критически, снисходительным взглядом. Да, понимаем. «Надо струны перестроить / Вновь на новый лад / Песни новые усвоить / Я готов, я рад».

Верно, братец, верно, голубчик. А все же Брюсов есть Брюсов, и все та же чугунная плита. Я есть я. И вот эти пожары прошедших весен не сотрешь, не вытравишь, и вещи новые песни на старых, хотя бы и перестроенных струнах будут звучать по-своему.

Комплекс старомодности. Есть о чем подумать. Стахановка Маруся, что вчера кричала в радио, наверно прочтет эти строчки брюсовских реминисценций вполне спокойно, равнодушно. А вот во мне они переворачивают нутро, хотя «Вопросы ленинизма» я знаю и помню, конечно, получше Маруси и советскую нашу страну люблю не меньше ее. В чем дело?

Известно в чем: «Это юность, как синяя птица, машет мне крылом золотом» (автоцитата).

И, конечно, с такими крыльями я — старомоден, а Маруся, совершившая лыжный пробег, или Дарья Петровна, нагулявшая тонну жира у свиноматок, — современны, своевременны, уместны. «Все роковое божественно, / Прав победитель всегда!»

Умница Брюсов, молодчинище, первый сорт. Как отрадно, что он, именно он, так пронзительно понимавший весеннюю музыку живых ручьев и старой Москвы, — понял и поэзию красного флага, понял и Ленина, понял бы, разумеется, и Марусю, и Дарью Петровну, и свиноматочные тонны.

А все же, а все же — и он был старомоден на фоне новой жизни, он, человек рубежа двух столетий, с его сюртуком, с его культурным грузом, да вот и с этим самым его всепониманием. *Tout comprendre****

И он, конечно, и он имел свою дальнюю отчизну, свои ушедшие милые дни, которые навсегда уж осели на дне души. «Знакомый стих любимого поэта! / Он прозвучал, и вот душа — ясней / Живым лучом властительно согрета, / Скользящим отблеском далеких, милых дней!..» (1919).

Да, вот наша беда. Именно «проклятого прошлого», вместо «уничтоженного, развешанного кошмара» — «далекие милые дни». И что ж поделаешь, если они нам взаправду, по-настоящему милы и незабвенны?! Что с нами сделаешь и что мы сами с собою можем поделать?..

Вот почему нам, в сущности, остаются лишь «мемуары», остается лишь «автобиография»: «Жизнь кончена, я это сознаю, / Нет больше целей, нет надежд свободных, / Пора пересказать всю жизнь свою...» (1919).

Как мне понятны эти строки, как они мне близки теперь, — живой эпитафией для автобиографии, если бы взялся за нее! Кругом — *vita nuova*****, слава ей, а на душе — золотое крыло ушедшей юности и... и... «Смерть! Обморок невыразимо сладкий!..»

(1 ч. дня)

19 марта 1936 г.

Завтра — именины Эжочки, милого мальчика. Не поехал, нельзя уехать из Москвы. Думаю о нем, и на сердце — любовь, нежность... грусть...

Болен. Болезнь разлита по всему телу, пропитывает и душу. Чувствую ее непрерывно, постоянно, словно все восприятия окрашиваются ею.

Кругом — весна, московская весна, которую всегда так любил и которую так ждал. Вот пришла, продают мимозы, текут ручьи, сверкающие солнцем, март, март... — и что-то не то, как будто какая-то пелена от всего этого ландшафта. Видишь его, сознаешь его суть, а в душу ничего не вливается — «Душа — одна, / И видит пред собою / Свою же тень». Ничего. Мы отдыхаем, какая-то вечная усталость, и отрада отдыха. «Отрешенный идеализм».

А на поверхности, «за пеленой» — статья, квартира в Лосинке, дискуссия о формализме¹⁹¹, лондонское совещание¹⁹², весна, весна...

(11 ч. 20 м. ночи)

6 апреля 1936 г.

Сегодня Наташа с детьми переехала из Калуги на нашу «собственную» подмосковную резиденцию: две комнаты в доме НКПС недалеко от Лосиноостровской. Выдали ордер несколько дней

тому назад с обещанием в ближайшее время заменить эти две комнаты трехкомнатной отдельной квартирой. Так или иначе, *domicilium*****, «жилплощадь» — налицо. Что касается меня, то что же? Буду ездить на «дачу», держась за *piéd à terre* ***** и в Москве. Такое «двойное бытие» совсем не так обременительно, не будь

- * Времена меняются и мы меняемся вместе с ними (*лат.*).
- Мы меняемся (*лат.*).
- *** Все понимать (*фр.*).
- **** Новая жизнь (*итал.*).
- ***** Жилище (*лат.*).
- ***** Квартира для временного проживания, пристанище (*фр.*).

я болен. Болезнь, связанная с необходимостью диетических обедов, осложняет положение. Ну, ничего...

Давно не писал на этих страничках ничего путного, мешали приступы болезни, работы и жизненной сутолоки. Работал над экономгеографической статьей, устраивал квартирные дела, ездил в Калугу, лечился.

За это время вплотную подвинулась весна, конкретно поставлен вопрос о летней командировочной поездке на Украину, о месячном лечении в Железноводске¹⁹³, о... о чем же еще? Ну, все о тех же грядущих лекциях в Институте, об английском языке, об участии в кружке изучения ленинизма и проч.

(12 ч. дня)

17–18 мая 1936 г.

Характерная описка! Писал год сейчас, и рука сама вывела 192... Эта двойка — как она выйдет, по Фрейдю¹⁹⁴?.. Да, да, **двадцатые** годы! Июнь, июль жизни... Шуточки Подсознательного...

Или это виновато радио, наигрывающее блюзы, фокстроты, вальс Бостон?.. Переносишься в двадцатые годы. Штирнер¹⁹⁵, факультет¹⁹⁶, Унтербергер¹⁹⁷, весь комплекс второй жизни... И что-то набухает, ширится в груди.

Ночь. Лосинка. Деточки, милые, здесь вот, рядом, с раскрасневшимися щечками от сна... Карта Волги, ландыши, черемуха... Болезнь, ятрен, слабющие силы, расширенная аорта... А вокруг — замечательная, иррациональная в своей мудрости жизнь, чудеснейшая диалектика, контрасты, устремленность вперед и ввысь... Ленинизм, доклад «Буржуазная демократия и фашизм»¹⁹⁸, планы на лето, остатки сердечного и мозгового жара, мешающиеся с холодом сдающего тела, сумбур...

Вся жизнь моя — какой сумбур! Какая-то кривая в квадрате, в кубе... *Кипение*, — и вот выкипаю, и что же осталось? Цитата из Ленина¹⁹⁹? Несколько Сталинских цитат²⁰⁰? Схема этой кривой, этого кипения на плите в кухне ведьмы прекрасной, уальдовской, огненноволосой²⁰¹.

(12 ч. 35 м. ночи)

19–20 мая 1936 г.

Ровно год тому назад — большой день: конец второй жизни, прощанье с Харбином. Сутолока, сумбур в сердце и в голове, нервный подъем, напряжение. В доме — опустошение, погром, осиротевшие собаки. Прощаемся с ними — навсегда. Да и с людьми: заведомо отдаешь себе отчет, что многих из них видишь в последний раз. А за долгие годы кое-кто близко соприкоснулся с линией второй жизни. В последний раз — к Подставиным²⁰², затем к Штирнеру, глотающему слезы, оттуда в кавказский кабачок против Чурана — последняя встреча с Нилусом²⁰³. В аптеку за пирамидоном. Потом — обед прощальный у Авдощенковых²⁰⁴. Потом — вокзал, толпа, последние поцелуи и рукопожатия.

А впереди — последняя глава. Домой. На родину. Да, какой-то угарный был день, помню его остро по сей час. Большой день. Рубеж.

Вот год позади. Спасибо, что довелось вернуться к родным берегам. Как бесконечно тяжело было бы сознавать себя навсегда оторванным от них! Лучше уж — эти разлуки с долгими спутниками скитаний, ныне подчас так горьковато ощущаемые сердцем... Жизнь, жизнь!..

(1 ч. 40 м. ночи)

31 мая 1936 г.

В Калуге. Приехал на два дня: мамини именины. Солнце, тепло, весна в разгаре, благодать. Отличный день, овейный ландышами, сиренью, детством, былым!

Флюиды. Повсюду, со всех углов и стен, струятся, текут они, погружая душу в далекий и близкий, навеки ушедший и вечно живой мир. Все течет, — «Неподвижно лишь солнце любви...»

Какой это всегда был хороший, светлый, проникновенный, радостный день! В парадном белом платье рано утром мама уезжает в «новой пролетке» к обедне в Казанскую²⁰⁵ почему-то церковь. Потом праздничный чай. Огромные букеты красной и белой сирени из сада, вечером — непременно гости, горят все лампы в гостиных, «бал». За ужином — традиционные жареные цыплята, впервые в сезоне. Весна.

Да, флюиды. Длинный, долгий, восемнадцатилетний провал, — и вот сегодняшний день: снова здесь, у родимых ворот.

Беседы длинные с мамой, — бесконечное купанье в волнах прошлого, отрадное, парадоксальное сочетание воспоминания и забвенья. Уходит, отходит мир окружающей ежедневной реальности, и выступает высшей, реальнейшей реальности мир ценностей, — то, «чем люди живы». Обступают сознание милые призраки, слетающие с этих ковров, зеркал, комодов, гнездящиеся в этом воздухе. Забвение!

Забываются шумы и раны, и заботы, миит и колит, суетные надежды и сгасшие планы — и словно вплотную касаешься неких чистых, неувядающих, немеркнущих источников бытия. Многое из рассказов, суждений маминых слышал в детстве, отрочестве, и есть теперь особая, несказанная прелесть в их повторении, в тех же словах, с той же интонацией, в той же внешней и внутренней тональности — после паузы, в которой уместилась, в сущности, целая жизнь. Конечно! Солнце светило на востоке тогда, теперь оно — на западе. Косые лучи и тогда и теперь отбрасывали длинные тени — только тогда эти тени укорачивались, а теперь они беспощадно длиннеют. На востоке уже темно, тени и на земле, и на небе.

И вот — ландыши, ландыши, такие же, те же, насыщенные флюидами, дышащие одновременно и воспоминаньем и забвеньем... Восемнадцатое мая — снова здесь, у родимых ворот...

(5 ч. вечера)

3 июня 1936 г.

Вчера на конференции кружков изучения ленинизма в МИИТе доклад «Буржуазная демократия и фашизм». Первое обстоятельное публичное выступление — как раз в первую годовщину возвращения на родину: второе июня.

Ничего. Правда, за недостатком времени немилосердно скомкал вторую часть (фашизм), но потом, в ответах на полученные вопросные записки, смог частично пополнить упущенное. Вопросы были выдержаны на хорошем уровне политического сознания, говорящем о добротном качестве аудитории.

К сожалению, однако, была она весьма немногочисленна — человек 25–30. Не было студентов. Недостаток организации — или сугубый индифферентизм? Руководители рассчитывали на более парадную атмосферу. Да и я, признаться, надеялся на более резонансный дебют. Но, впрочем, и на том спасибо.

Не исключена возможность, что на ближайших днях поеду на Украину, в командировку от нашего Института: Харьков, Днепрпрогэс, Донбасс, Кривой Рог, Киев. Немного опоздал — сейчас жарко, в Москве и то нечем дышать. Июнь. Ландыши, сирень, солнце, родина, второй год... Спасибо, спасибо!

(11 ч. 40 м. дня)

12–13 июня 1936 г.

Ночь. Радио полупшепотом наигрывает фокстроты и вальсы, погружая душу в какое-то расслабляющее марево реминисценций. Да, стихия второй жизни... Штирнер, ресторан, немножко вина, немножко всяческой романтики, потоки чувств и умные беседы, холод опыта и горение глаз... Дружба, спорт сердца... Ушло это — вместе с огнями и звуками второй жизни, ушло. Дружбы недостает, очень это чувствительно. Был бы жив Н. Г. Смирнов — отсутствие того же Штирнера не ощущалось бы так настойчиво. Люблю я таких, как они, легких людей, — вероятно, и сам я таков. Обо всем поговорить — и о деле, и о пустяках, о философии культуры, и о кельнерше Афродии, о смерти и о галстукке, поохать и пошутить... Таков мой милый А. А. Штирнер, культурный венец, испорченный русскими интеллигентами, таким был и бедный Н. Г. Смирнов. Да, иных уж нет, а те далече. Вот и Амилий²⁰⁶ не едет, прикован к работе на почетном советском аванпосте...

И слушаешь в одиночестве после полуночи знакомые бостоны и румбы — и нет-нет, да и заскрипит что-то в груди...

Отрава! Декаденты? Не знаю, — почему же? отчего же полчаса ночью — да и то не каждой — не отдать даже и сердечному скрипу?!...

(12 ч. 55 м. ночи)

15 июня 1936 г.

Дебют в ...«Правде»! Да, странно было бы подумать это, скажем, в 17-м, 19-м, 30-м и проч. годах. Да, да, дебют в «Правде», на тему нашей новой Конституции: — Документ мирового резонанса²⁰⁷

Третьего дня часов в одиннадцать — звонок... то бишь стук в дверь. Я был один дома. Открываю.

Молодой человек журналистского облика. Сотрудник «Правды». Второй день меня разыскивает. Редакция просит меня на страницах газеты высказаться по поводу проекта новой Конституции. Желательно получить статью немедленно. Строк полтора. Он может подождать, погулять.

Я не читал текста проекта, хотя, правда, слышал его по радио. Два дня не видел газет. После поисков газетного номера и некоторого раздумья — решаю ехать с товарищем в Москву и ориентироваться в деле на месте. Побрился (был невероятно лохмат), переоделся, — поехали.

Товарищ оказался работником в отделе фельетонов. Тов. Штих. По дороге беседовали о том, о сем.

Огромное здание комбината «Правды»²⁰⁸ на Ленинградском шоссе. Коридорная система. Удобные, спокойные кабинеты. Последние номера «Правды». Между прочим, статья²⁰⁹ Радека²¹⁰ о конституции. Не слишком искрометная.

Пишу. Фон — идеология «путей синтеза»²¹¹, транспонированная всецело и вполне на язык и на стиль советской идеократии. Проблема культурного наследия, благородных исторических традиций. Свобода, равенство, братство. Увенчание здания. Новая концепция свободы, — позитивная концепция: свобода в творчестве. Ведущая роль партии, активного отбора: своеобразная иерархия в плане реальной демократии. Ленинско-сталинская национальная политика: гениальный подход к решению национальной проблемы в огромном многонациональном государстве. Радость патриота: наша родина, наш великий народ — авангард человечества.

Признаться, не был уверен, что напечатают. Одиозна в этой статье только подпись, но не достаточно ли этого? Однако, сегодня прихожу в наше лосинское почтовое отделение — и на второй странице, на хорошем месте — «Документ мирового резонанса» (заглавие — редакционное, но взято из текста статьи; по-моему, удачное). Субъективно — отрадное чувство, а объективно, — пожалуй, тоже отрадный симптом...

(2 ч. дня)

17 июня 1936 г.

Вчера достал в собственность номер «Правды» с своей статьей. Отмечу три поправки, внесенные редакцией. Редактор отдела, с которым меня познакомил т. Штих, просил моего согласия на замену некоторых встречающихся в статье иностранных слов — русскими: «нужно помнить, что наши газеты читают массы, миллионы». Я согласился.

Вот эти три поправочки:

1). Во втором абзаце у меня было... — «В то время, как последними словами капиталистической мудрости становятся автократия и авторитаризм...» В напечатанном тексте: — «последним словом кап. мудрости становится фашистское изуверство...»

2). О колониальных рабах. У меня: несущих на своей шее пресловутое «бремя белого человека». Напечатано: пресловутое бремя империалистического насилия (слово «пресловутое» в этом контексте оказывается немотивированным).

3). В абзаце о главе десятой. У меня: ...она смело ставит и решает проблему позитивной свободы. В печ. тексте слово «позитивной» исключено.

Все остальное — по моему оригиналу. Пустяковая ретушь, против которой я ничего не имею. Но регистрирую для порядка.

(9 ч. 30 м. утра)

20 июня 1936 г.

Смерть Горького²¹². Вчера пытался пробраться в Колонный зал — проститься. Тщетно! Простоял в толпе, давке, невыносимой жаре около четырех часов и ушел ни с чем. Большие сотни тысяч теснились к Дому Союзов, и не было хорошей организации этого безбрежного человеческого массива.

Горький. Жаль его. В *сущности, в интеллигентской советской среде не был он по-настоящему популярен, — а мне его жаль совсем по-настоящему*. Все время живо хотелось, чтобы он поправился, ускользнул от подступившей вплотную смерти.

Если бы мне довелось о нем писать, — я отметил бы в качестве стержня его энтелехии — *гуманизм*. Подлинно горьковский афоризм: «Человек — это звучит гордо». Вера в могущество и высокое призвание человека. Психоаналитически это было, быть может, плодом первоисходной забитости, ущербленности, страха. Особенно — страха смерти. Этот страх, ужас перед неизбежной смертью, жил неизменно в его подернутых грустью глазах. Отсюда и его влечение к Федорову, к науке, доктору Сперанскому. Утопающий хватается за соломинку, а в душе — растерянность, *terror antiquus*^{*}. И прекрасное творчество, гордый гуманизм — ковер, накинутый над бездной...

* Древний ужас, первобытный ужас (*лат.*).

(11 ч. дня)

20 июня 1936 г.

Не поехал на Украину: вышла задержка с маршрутом, т.к. на осмотр большинства заводов требуется решение НКТП²¹³. Пришлось отложить.

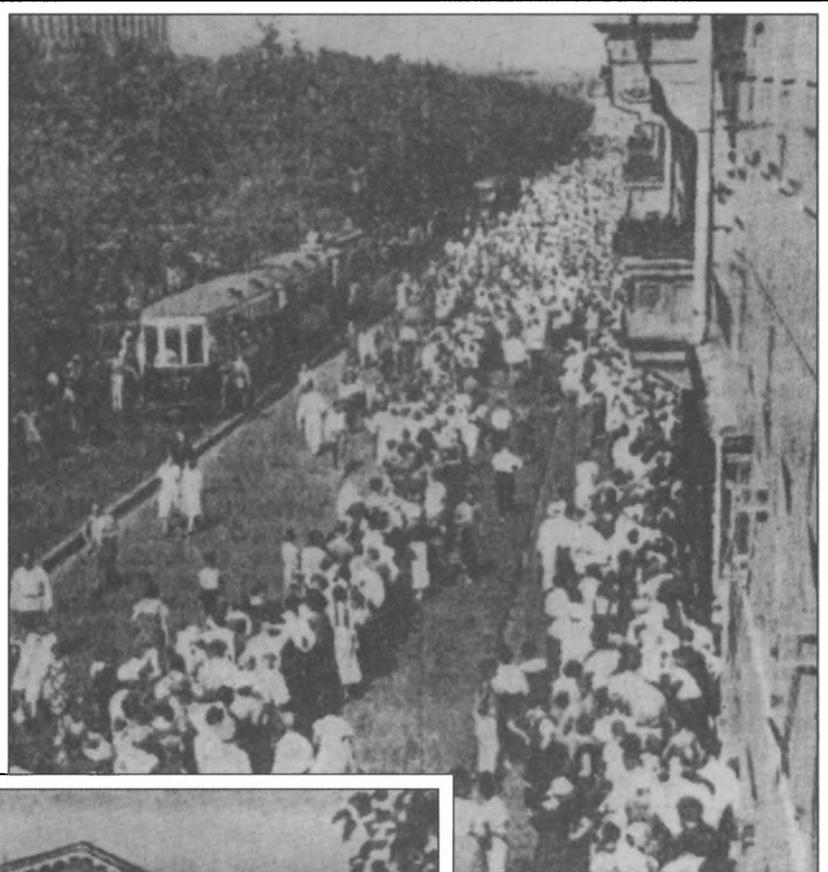
В начале июня хочу ехать в Железноводск. На завтра взял билеты в Ленинград, думаю пожить там денка три-четыре. Кажется, с осени буду читать приличный самостоятельный курс экономической географии.

рафии на одном из инженерных факультетов нашего института. По крайней мере, так предполагается.

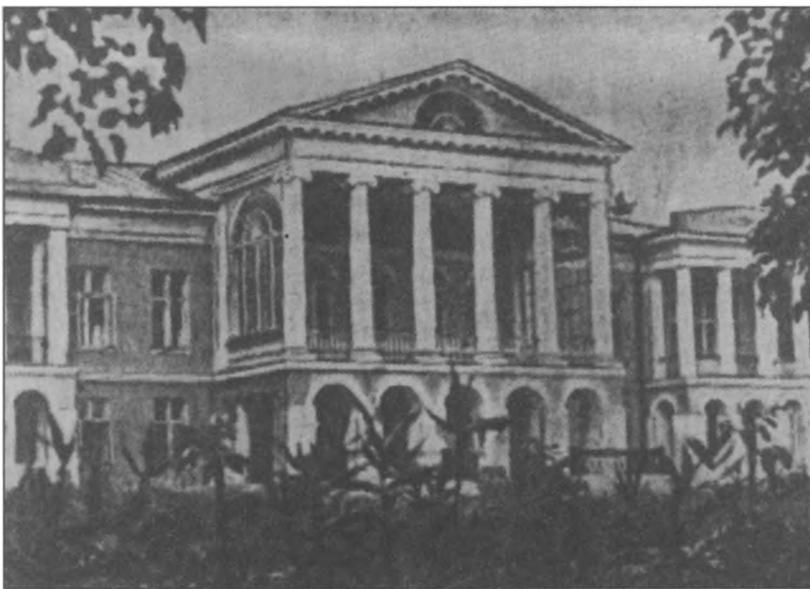
Угнетает и досаждают болезни. Так некстати, — но когда, впрочем, является она кстати? Попробуем побороться. Не поможет Кавказ, — пойду к гомеопату. Сделать все, что возможно...

Хочется ближе и активной войти в советскую действительность. С полным сознанием осмысленности ее, привлекательности, всемирно-исторической значимости.

Работать над собой. Да, воспитывать, муштровывать себя. Для людей моего поколения основная добродетель ныне — дис-

Очередь к гробу А. М. Горького у Пушкинской площади.

Дом в Горках (под Москвой), в котором умер А. М. Горький.

циплина. Сознательная, свободная — и вместе с тем непреклонно суровая. Есть в ней нечто отрадное: интуиция прочного берега и крепкого якоря. Пафос великого государства, потенциального человечества.

(12 ч. дня)

20 июня 1936 г.

Еще о Горьком. Все-таки трудно установить верный и прочный взгляд на него. Любят о нем отзываться дурно. Зависть?

* Ясность (лат.).

Его миросозерцание. Да, гуманизм. Гуманизм, переходящий в титанизм, в то, что Булгаковы называли «люцифериянством»²¹⁴. Гуманизм с несколько ницшеанским акцентом. Ницшеанские мотивы²¹⁵ недаром улавливались в раннем творчестве Горького.

Бунтарь. В бунтарстве всегда — полуправда. Высший тип человека ознаменован — преодолением бунта: Гёте, Пушкин. Была ли такая высшая гармония в Горьком? *Serenitas*?

Написав насчет «забитости и ущербленности», признаться, я почувствовал нечто вроде раскаяния. Хорошая ли это вещь — психоанализ? Почему — ущербленность? Что же, прикажете «мириться» со смертью, гниением, распадом? «Принимать» смерть?

Почему не бороться? Почему утверждение, боевое, активное провозглашение высшего типа человека несовместимо с высшей гармоничностью, солнечностью природы?

Совместимо! И все-таки Горький не Гёте и не Пушкин, качественно ниже их, типологически ниже. Проблема. Надо ее продумать. Что-то мне тут еще неясно...

(1 ч. дня)

22 июня 1936 г. Ленинград²¹⁶.

Фантазмагория! Невский, чугунный Александр, адмиралтейская перспектива... Сон наяву...

Сколько раз это был сон во сне! Недоступное, невероятное, невозможное. И вот — письменный стол, и штемпель: Léningrad. Hôtel Europe*.

Реальность. Небо голубое, зной, усталость от бессонной ночи и горячей ванны. И — нездоровится, томно. Густеет и клубится впечатлительные марева. Смесь чуда, фантазмагории — с мелкой обыденностью будней: сологубовский ландшафт²¹⁷!

От Московского вокзала — до Европейской гостиницы. Больше еще нигде не был. Но уже сверкнуло в прямой дали Адмиралтейство, показались титаны дворца Сергея Александровича, промелькнули Аники, блеснул Александринкой Растрелли²¹⁸, заявился разномастный Аничков дворец, подтвердился потускневший и поблекший Гостиный Двор.

Все в порядке. Очевидно, объявятся и остальные, вплоть до прозрачного сумрака ночью. Мареву пространства и мареву времени, чудесный, неизреченный, обворожительный клубок!..

* Ленинград. Гостиница «Европейская» (*фр.*).

(2 ч. 30 м. дня)

Исакиевский собор.

23 июня 1936 г.

Белая ночь, каждому родная по родным, знаменитым строкам²¹⁹. Белая летняя ночь.

Долгий вечер — солнце словно остановилось на бледно-голубом небе. Золотые прекрасные лучи.

Нева. Несравненная. Несказанная. Черно-свинцовые воды, подлинно «державное течение» — лучше не скажешь. Набережная дворцов. Петропавловский шпиль — вот он, в двух шагах. Дальше, там, влево, за громадами, — Александровский Ангел, правее, на небесном фоне — неизъяснимо изящный при всей грандиозности, чудесно стройный, непостижимо архитектурный — купол Исакия Далматского. Здесь и там — пятна зелени. От близкой воды — вечерняя свежесть, нет-нет да и отдающая морем. Троицкий — ныне Кировский — мост. Дворцы. Канавка из Пиковой Дамы.

Вечереет. Но не темнеет еще. Двенадцать часов — сумерки: «Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет...»

Александровский сад. Знакомый путь. Оград узор чугунный. Бронзовый конь, ярость змея, сжатого дугой... «Дождались меня белые ночи...»

...И мелькает бывшее без слов. Реминисценции. Сплошная нить реминисценций.

(10 ч. утра)

24 июня 1936 г.

Империя. Растрелли, Кваренги, Камерон. «На ловлю счастья и чинов...»

Но — обаятельная власть времени! Это — наше прошлое, это наше достояние, это наши ценности, это составная часть внутреннего нашего мира, нас самих.

Интернационал мировых ценностей? Автобиография Всечеловечества?..

Петродворец.

Царское Село, Павловск. Интернационал мировых ценностей в переплете русской истории. Или, вернее, наоборот? Русская история в переплете всечеловеческого формата. Екатерининский дворец с Елизаветинскими флюидами, с реминисценциями второй Екатерины. Царскосельский лицей — школьный дворец императора русской литературы. Парк, где Марья Ивановна Миронова встретила полную даму с собачкой²²⁰.

Александровский дворец — форма расцвета и содержание упадка. Веселый век Екатерины, дни Александровы и вкус Кваренги — и ужасная печать Распутина²²¹, скудоумие и убоговкусие последнего царя²²², буржуазная пошлятина, оваянная и усложненная исторической трагедией. Петербург, «Петербургский период русской истории».

Павловск — буйная зелень, овраг, парк с очаровательными липами и величавым проспектом. Дворец Камерона и Бренна, — какое

благородство линий! Памятник Павлу — «основателю Павловска». «Коронованный Богом капрал».

Тоже — флюиды и реминисценции, несмотря на мотивчики радио, несущиеся из бокового дворцового крыла, несмотря на все эти клюквенные квасы и «эскимо».

Да, слетел ореол недоступности с этих запретных мест, и, может быть, еще не установилось последнее историческое равновесие: недоступность Олимпа должна превратиться в неприкосновенность музея. Строгий, стройный вид должен утвердиться и пребывать: в веках.

Хочется еще и еще любоваться этим единственным городом, упиться его неповторимостью — от Петра Великого до Ленина, от Державина до Блока²²³. Но — «Пора. Перо покоя просит».

Еще день впечатлений, зноя, сологубовской полосатости²²⁴ и незакатных сумерек...

(9 ч. 20 м. утра)

25 июня 1936 г.

Последний день в Ленинграде — под неумолимой атакой флюид русской истории — от Петра Великого до Ленина — и русской культуры — от Державина до Блока.

Вот комната, где умирал и умер Пушкин²²⁵. Вот залы Зимнего Дворца, ныне соединенные с Эрмитажем и ставшие музеем²²⁶. Вот улочка, описанная Достоевским. Вот... да не перечислишь этих святых мест — все здесь оваяно святыней...

Ночью, во втором часу, побрел, как медиум, к Пушкинской улице²²⁷, к садику, крылечку, где — «как сны золотые мои детские годы текли...»

Уже пустынно. Безумный бледный блеск двух зорь. Садик заперт. Показался он мне поблекшим, убогим. Вот и знакомые окна. Они открыты. Обычный «жилой дом», набитый вещами и людьми. Что это — детская? Нет, коренная перестройка изменила как будто весь облик квартиры. Ни папиного кабинета, ни гостиной. Впрочем, уже в 16-м году застал я эту отмену былого, и теперь только еще посерели, потускнели эти дорогие останки. Приложившись к ним, побрел обратно — в том же мареве прозрачного сумрака...

(9 ч. 30 м. утра)

26 июня 1936 г.

Вернулся домой. Хороший поезд, мягкий вагон. Малая Вишера. Уютный чай. Задумчивая бледная ночь. Крепкий сон — с устатка. Утром — уже подмосковный ландшафт.

Клин. Продают землянику, отличную русскую клубнику. Утреннее кофе, по рублю стакан. Московские пригороды. Москва.

Жаль, мало дней. Нужно было пожить еще денька два, зря взял заранее обратный билет. Побывать бы в Петропавловке, на Островах, в Гатчине, Сестрорецке²²⁸ etc. Подышать воздухом Петербургского периода.

«Ампи́рный барин Петербург». Действительно все-таки, каким стадным, залетным островком был он в русском ландшафте! Европейский футляр русской истории, «эксцентричный центр России», как называли его славянофилы — какой он, в самом деле европейский и вместе с тем русский!

Вчера побывал в Петергофе²²⁹ Ослепительная роскошь этих бьющих фонтанов, прекрасно ретаврированных революцией. Соленый воздух моря. Благородная роскошь Большого Дворца. Волнующие детали Петровского Монплезира: кафтан великого царя, его кровать, посуда, картины. Неподалеку тут же — ботик, дедушка русского флота.

Русский Версаль²³⁰. Рококо Растрелли и классика Фельтена. Парки с бюстами греческого пантеона, великих греков и римлян. Культурно-исторические истоки Пушкина.

Невольно мысль обращается к современности: *русская революция должна найти свой стиль! Этот стиль, очевидно, должен сочетать в себе монументализм великого государства, молодой порыв и радостное самоутверждение свежего социального материала — с универсализмом интернациональной идеи, широтой, размахом освободительной идеологии, и в то же время — с иерархизмом советского общества, воспитанника диктатуры.* В сущности, сочетание это обещает великолепный стиль. Если французская великая революция обрела свое архитектурное оформление в образах наполеоновской империи²³¹, — то пролетарская советская революция, несомненно, должна затмить Наполеона блеском своих архитектурных форм. Это будет, будет. И нынешние первые искания, пощупывания — заря новой культурной эпохи.

Вот только — откуда явятся советские Растрелли, Кваренги, Камероны, Фельтены? Опять оттуда же — с Запада? Но теперь же мы — авангард! — Интересное время...

(6 ч. вечера)

5 июля 1936 г.

Завтра собираюсь ехать на Кавказ: в Железноводск. Лечиться. «Отдыхать» (от чего?). Хочу там позаняться, впрочем. Повидимому, придется сначала предстоящего учебного года вести курс. Экономгеография СССР. Буду стараться.

То и дело мелькают разные мысли, но почему-то не записываю их, вопреки старой привычке. В самом деле, почему это?

Не потому ли, что как-то утратил интерес к собственным, индивидуальным мыслям? Важны дела, важна работа в общем плане, а не болотные огоньки маленьких личных настроений и раздумий. Конечно, это связано с общим моим статусом, биографическим опытом.

Дисциплина! Интуиция, энтузиазм дисциплины. Да, это один из необходимых и естественных диалектических моментов в эволюции сознания людей моего круга и моего типа. Знаю опять же по опыту, — он приходящ, этот момент, он относителен, хотя императив дисциплины ощущается ныне всем существом, как неотъемлемый и безусловный. Противоречие? — Диалектика!

«Смирись, гордый человек!»

Этот императив «смирения» — подозрителен с советской точки зрения. Воспевание дисциплины вот в этом, в нынешнем моем стиле — не советское дело, оно не имманентно советскому жизненчеству. Настоящему, подлинному советскому человеку оно не свойственно. В нем есть какой-то привкус «аскезы», «жертвы» — не так ли? Настоящий советский человек дисциплинирован органически, дисциплина для него есть реализация собственной его природы. Дисциплина для него — менее всего проблема. Дисциплина — его стихия.

Любопытно. Мы — отмирающее племя. Советская эпоха для нас, в нашей жизни — вечерняя заря, как для Симеона — рождение Спасителя²³²: — Ныне отпущаеши...

Потом мы войдем в историю революции, как некий самостоятельный отряд. Нами займется советский Ленотр²³³. Постараемся же, насколько это в наших силах, перевоспитать себя в подлинном разуме эпохи. Человек перманентно творит себя, делает себя. Нелегкая миссия, но и почетная. Dulce et decorum est* стать, быть настоящим сыном великой советской родины, подлинным гражданином великого советского государства!

* Сладостно и пристойно (*лат.*).

(14 ч. дня)

6 июля 1936 г.

День Конституции²³⁴. Школьный праздник. Парад на Красной площади. Ночью ходил в лес за светляками — ни единого! Что-то побаливает палец от сорванной заусеницы — не повторилась бы прошлогодняя история!

Сегодня — еду. На Кавказ, — первый раз в жизни. «Едем, едем, Ямщик! лихой, — седое Время, — / Везет, не слезет с облучка».

Как всегда перед дальней дорогой — спутанное состояние: и тянет «тоска по чужбине», охота к перемене мест, и жаль покидать дом, расставаться с детками, с родным, привычным гнездом. Сизый туман, дымка — в душе.

Лето. Жаркие, солнечные дни. В Калуге деревни охают, жалуются на засуху, неурожай. Земляника — и та высыхает. Травы чахлы, рожь и пшеница гибнут.

По ночам немилосердно мучают мухи и блохи. Днем — заботы, разные праздные и деловые думы. Грустно, что отодвинулись вдаль все литературные планы. Нужно вновь предаваться элементарному «учению», почти зубрежке, конкретика экономической географии неотвязна, как мухи и блохи ночью...

(8 ч. 50 м. утра)

9 июля 1936 г.

Второй день в Железноводске. Немало впечатлений. Перемена мест: какой это беспокойный и в то же время успокоительный процесс! Предметный урок философии универсальной относительности. Естественная ассоциация: от бегущего поезда — к гераклитову потоку всех вещей²³⁵. И однако: за этим потоком — и нечто неизменное, неподвижное. Торжественное, как старый камакурский Будда²³⁶, как седая голова Эльбруса на голубом бесконечном фоне. Словом, *vivat** Платон божественный²³⁷, вечный спутник ума и сердца!

Итак, Железноводск. Реминисценция Борима²³⁸, Пей-тай-хо²³⁹, флюиды Лермонтова²⁴⁰. Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка. Поселок на горном склоне, крутом буйный лес, уютные улочки, доцветает липа, темнеет рано и сразу — антитеза Ленинграду, — сижу при свечке — рецидив... даже уж и не знаю чего!

Хорошо. Праздные мысли протискиваются в голову, но надо их гнать, наду... почему это я написал У вместо О, ну-ка, братец, психоанализ?! Просто потому, что должен был написать «надо учить» etc, и подумал об У, когда выводил Д. *C'est tout***

(9 ч. 15 м. вечера)

11 июля 1936 г.

Все-таки нездоровится. Нет здоровья — что же делать? Опять нарыв на пальце (указательном левой руки), общее какое-то недомогание. Тело перестает соответствовать назначению. «Мое тело есть мое дело» (Федоров). Какая ерунда!

Недомогание. Да, вот источник постоянной горьковской активности, горьковской революционности. Не кто иной, как его туберкулез был автором его горделивого гуманизма! Недаром Кампанелла писал свой «Град Солнца» в ужасной, сырой, темной средневековой тюрьме²⁴¹. Гармония контрастов?

Но это — не божественная гармония Всеединства. В той — тоже контрасты, но преодоленные подлинно и до конца. В бунте, в революции — нет завершенности, совершенства. Бунт — не может стать «последним словом» в иерархии ценностей. «Последнее слово» — это понимал и бунтарь Ницше — есть непременно «святое слово утверждения».

Но как же быть, когда вот и в самом деле нет сил, мучает усталость, сосет где-то в печени, когда «каждая точка ломит»? — Призывать к борьбе за тело? Или — вслед за Платоном, Гёте, Пушкиным — утверждать осянный, победный дух?.. Или, может быть, *tertium datur****?

(11 ч. 10 м. дня)

13 июля 1936 г.

Парк «Публика» со стаканами. Толкучки в урочные сроки, за час до еды. *Вода горячая, как любовь. Впрочем, не первая* (44°, другая — 51°).

Смотрю на лица и от нечего думать предаю социологическим выводам. Новое общество. Становящееся бесклассовое общество. Массы. Да, именно массы, массовость. Прежние «низы». Забиваемые, заглушенные, косневшие в первичной социальной тьме. Вот это, именно это прежде всего написано на их лицах. На лице каждого — штамп. Массы. «Муравейные братья»²⁴² Льва Толстого, люди роя, улья, плембс. Как это у Герцена? — «Таборит, общинный человек»²⁴³. Так вот он какой!

Изредка на этом роевом фоне мелькнет индивидуальный облик, отражающий нечто иное, другую историю — социальную форму. А-а, смотрите, старый интеллигент! *Скоро*

* Да здравствует (*лат.*).
Только и всего (*фр.*).
Третье дано (*лат.*).

он станет зубром, — разве дама ученых это не беловежские тущи, где концентрируется вымирающая порода двуногих?..

Таковы первые интуиции, на лавочке у Смирновского источника²⁴⁴. Но не ошибочны ли, не живы ли они?

Интеллигенция est mort, vive l'интеллигенция! Разве наши дети тоже социально вымирают? Ничего подобного! Они — в первых рядах нового общества. Но их облик — разве не наш облик? Я говорю о внешнем, для зрительного восприятия, облике, не о внутреннем, который, конечно, иной, не тот, что был у нас в их годы. Но, бесспорно, и дети наши тонут в таборите, хлынувшем на минеральные воды, на историческую авансцену. Государство рабочих и крестьян.

Однако, и государство всеобщего обучения. Пройдет двадцать — тридцать лет, и неотвратимо преобразится стиль самой этой массы, прояснятся глаза, притупятся и посмирнеют жесты, одухотворится и, главное, дифференцируется ландшафт советского общества. Усложнится, углубится содержание — изменится и форма. Если *дворянская культура* сумела же дать замечательное социальное цветение, фонтан талантов, — то *чего же ждать от культуры бесклассового братства*, всеобщего призыва?..

Итак, ясно? — Нет, еще далеко не ясно. Проблема еще только выщелушивается из утробного сумбура... Однако, вода выпита, улей редееет, время кормежки...

(9 ч. 45 м. утра — по возвращении домой)

13 июля 1936 г.

Кстати, о лицах. Бывают незабываемые впечатления, неизгладимые из сознания встречи. Мелькнет мимолетно лицо — и прочно западет в ящик души, и хочется время от времени извлекать его оттуда, и любоваться им, и смаковать его единственный, неповторимый вкус...

Две такие встречи, два впечатления — мимолетных и в то же время застрявших в сознании навсегда.

Первый случай. Это было в Италии, в десятом году, когда я ездил *туда с А. А. Ростиславовым*²⁴⁵

Мы возвращались в Рим из предместья, — кажется, из Тиволи. Вечером, в переполненном, двухэтажном, помнится, трамвае. Я стоял на площадке. Услышал немецкую речь. Обернувшись, увидел двух молодых людей; один из них слушал, другой говорил. Облик говорящего поразил меня. Высокого роста, блондин, худой с пронзительным каким-то, предельно одухотворенным лицом. Все в нем дышало несказанным благородством и вместе с тем светилось сиянием трепетной, напряженной, взволнованной мысли. Мне вспомнился профиль Шиллера, взор Ницше и миф о голубой крови²⁴⁶. Это лицо одно было философским афоризмом, романтическим Sturm und Drang'ом** патетической симфонией. Он продолжал говорить. За шумом колес слов почти не было слышно, да и я плохо разбирал немецкую речь, но с невольной жадностью ловил я каждую черточку этого замечательного облика, впитывал в себя каждую интонацию речи, каждый взгляд. Тело здесь было, казалось, художественным выражением некой высокой, глубокой, тонкой идеи. Оно источало вокруг себя неповторимые лучи, облекалось как бы «аурой», кроной, ореолом. Лишь густая, сложная и последовательная культура духа могла создать такое лицо, чтобы жить в нем, веять им, влиять через него.

Другое впечатление, другая встреча. В Пекине, светлым весенним днем, в Посольском квартале. Цветы глицинии, белые акации. Я ехал на рикше, погруженный в себя и в весну. Встречный рикша.

Я скользнул рассеянным взглядом по его тележке, и сразу новое впечатление ворвалось в круг сознания, повернув в другую сторону его вращательный путь.

В коляске ехала женщина лет пятидесяти, сильно седеющая, с чертами лица, ясно хранящими следы былой — еще сравнительно недавней — красоты. Почему-то показалась она мне англичанкой, но возможно, что я ошибся, не в этом дело. Какая-то чарующая душевная утонченность сквозила во всем ее силуэте, в каждом атоме ее тела, в каждой складке ее платья. Какая-то волнующая экспрессия. Вечер, жизненный вечер, светился в ней, и лицо ее выглядело рассказанной поэмой, сублимированной психологической драмой, прекрасной, бездонной элегией. Я вспомнил Ст. Цвейга²⁴⁷ и его героинь. Конечно, эта женщина высшего европейского общества, обительница одного из здешних посольских особняков. Ведомая ей пышная, блестящая жизнь, много стран, морей и чудес видели эти полные содержания, все еще на редкость красивые глаза. Но не здесь — стержень, нерв ее жизни. Вняты ей сокровеннейшие изгибы путей души, сложные психологические перепутья, обрывы, лабиринты; горе, страсти, усталость — спутники ее сердца, и это сердце отражено, как в дымке, в лице ее. Впрочем, нет, это даже не отражение, или, во всяком случае, это очень, очень отдаленное, так сказать, «преодоленное» отражение.

* Умерла, да здравствует (*фр.*).
Буря и натиск (*нем.*).

Сердце — далеко, глубоко, а поверх — ризы культуры, воли, воспитания, светскости: «Ковер, накинутый над бездной...»

Да, много потрудились над этим лицом и порода и культура. Вот почему так увлекательно, так плодотворно в него всмотреться...

Однако, долго ли длиться встреча двух рикш, бегущих в противоположные стороны? — Видение пронеслось, я обернулся и смотрел ему вслед, переживая, передумывая мелькнувший силуэт.

Кто они, где они — эти две человеческие индивидуальности, вдохновившие меня сегодня на этот поздний, мемуарный саморассказ? Впрочем, пожалуй, ведь не они меня на него сегодня вдохновили, а нынешние мои сопаркники, сокурортники, состаканники, контрастно, диалектически поставившие перед сознанием моим проблему личности, единственной и неповторимой, проблему культуры, освоенной органически, поколениями, проблему нового общества, состоящего из пионеров, проблему массы, столь поднявшей ныне температуру мировой истории... и еще, если угодно, несчетное количество всевозможных других проблем.

(12 ч. дня)

15 июля 1936 г.

Замечательное зрелище — светящиеся гнилушки! Ночью, вчера на горе Железной, кормилице²⁴⁸ Железноводска.

Темнота. Еле видна дорога, опоясывающая гору. По обе стороны — густой лес. И вот в темноте, в лесу — фосфорические блески, россыпи зеленоватого, волшебного света, разных форм и размеров, но одинаково прекрасные, притягательные, волнующие. Знаки какой-то таинственной, словно за пределами жизни, блуждающие огоньки, какое-то полубытие, нечто сказочное, уводящее сознание к подсознательному, мобилизующее дальние, наивные, чистые первоисточки душевной стихии. Ночь, лес, серебряный манящий свет... Ландшафт Синей Птицы²⁴⁹.

А вот в траве — десятки, сотни звездных брызг, словно рой светлячков. Дальше — чьи-то большие зеленые глаза — не русалочки ли? — Тут же какие-то странные куски, обломки, нежные пятна света, изысканного как перламутр, чудесного, как навыки чары²⁵⁰. Сон? Иллюзия?

Подходишь, берешь в руки эти диковинные куски, этот свет без огня — видишь бледные узоры в нем, иероглифы, как будто модели лун разбросал в лесной чаще неведомый художник, модели нездешних планет...

«На Ойле, далекой и прекрасной, /Вся любовь и вся мечта моя...»

Зажигаешь электрический фонарик — и нет нездешних иллюзий, видишь гнилую деревяшку, покрытую плесенью. Гаснет фонарик — и вновь зацветает царство мечты.

Светится плесень, неизреченная красота — в гнилушке. Какой любопытный и содержательный символ!

Не так ли в истории прекрасны глубокой, изысканной культурой эпохи упадка, усталости, позднего возраста? В них — пресыщенность впечатлениями, мудрый скепсис, перегруженность ценностями, всепонимание старости. Они глубоки и неподвижны, они утонченны, утомленно изысканны, они вступили уже в сферу полубытия:

«Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет».

И светят они бледным, зеленоватым, флуоресцирующим светом, холодным и вместе с тем нежным, тихим и мудрым.

Есть такие эпохи. И есть такие люди. И разве сами мы, люди десятых годов, не похожи теперь некоторым образом на эти гнилушки, покрытые чудесной и гибельной плесенью?..

(11 ч. 45 м. дня)

16 июля 1936 г.

Вчера ездил в Кисловодск. Мимо Пятигорска, Ессентуков. Скоро здесь побегут электропоезда, провода уже натянуты, дело за пуском Баксанской гидроэлектростанции²⁵¹.

Кисловодск по сравнению с Железноводском — большой и парадный курорт. Прекрасный парк. Магазины. «Пятачок», полный публики, вечером напоминает нечто японское, фрагмент какой-нибудь киотосской²⁵² улочки, оживленной, узенькой, торговой. «Восточный стиль». На меня он ныне навевает грусть. Стопка розового кавказского вина, наверху, в «Храме воздуха»²⁵³. Горный ландшафт, на горизонте — белеющие, розовеющие, синеющие шапки Эльбруса. Психологический фон — интуиция болезни и «реминисценций». Музыка, избитые романсы, насквозь пропахшие жизнью № 2.

Опять же — Лялечкино рождение. Переносюсь в Лосинку, и сердце сжимается любовью, нежностью. Двенадцать лет. *Дети. Последний ресурс, заветный фонд души.*

Болезнь. Систематическая утрата веса и сил. Как будто вода и помогает — а на деле, а «на весы» ежесуточная утечка в 200 грамм. Нет нужды — прав судьбы закон...

(10 ч. дня)

16 июля 1936 г.

Нездоровится. Вот и воды, видно, бессильны. Амеба? Или еще что, похуже. Повидимому, завтра придется обратиться к ятрону, старому спутнику. Значит, Железноводск — осечка. Нехорошо. Тянет к бумаге, — здравствуй, милая подружка, кажется, всей моей жизни! Помню, еще семи лет затеял «дневник». Подарили мне три книжечки в изящных зеленоватых переплетах. И решил превратить одну из них в дневник. Помню и первую запись: «сегодня я купил хорошую стеклянную кружку» — что-то в этом роде. Помню и самую кружку, которую купил, не то мне купили. Синяя, шершавое стекло.

Жизнь прошумела, промелькнула — дневник остался... К чему? Фотография — лента. Кино. Повесть о..?

Противно, что болезнь — фактор самочувствия. «Впал в минор». Старая харбинская формула: — Душа болит. А душа болит потому, что живот болит.

Цинизм жизни. Цинизм истины. Юмор капитулянта? Или — минутная слабость? Держись, братец, до конца!..

(8 ч. 30 м. вечера)

20 июля 1936 г.

Вербены. Здесь они — яркие, сочные, буйны, как вся растительность. Отличные, очаровательные цветы. И такие родные.

«Стоит жить! Не ради ваших фраз, / Ради леса, лета и вербены, /

Ради Пушкина и пары женских глаз!..»

Студенческие годы, Саша Черный²⁵⁴. Затем, много спустя, эти строки стали первыми стихами маленького, совсем крошечного Эки. Забавно, картаво декламировал их. Их, — рядом с лермонтовским «Ангелом»²⁵⁵: «И звук его песни в душе молодой!..»

Вербены. Помню папа²⁵⁶ их любил. Цветут, бывало, в саду, на Большом кургане²⁵⁷. Затем — длинная пауза. И только много спустя, когда появился в Харбине свой дом и свой садик, «свои владения», — они воскресли, красные, розовые, белые, синие, проникли глубоко в душу, овеванные воспоминаниями, и собственной прелестью, повидимому, доступной, внятной особенно лишь зрелому возрасту, полудню и вечеру жизни. Юность не оценит их, простых, уютно и скромно нарядных, что-то тихо таящих в себе, о чем-то бережно напоминающих...

(10 ч. дня)

21 июля 1936 г.

Пятигорск. Машук. Лиловые дали, дымка, квадраты и прямоугольники хлебных полей. Легкий воздух, свежий ветерок. Тишина. «Вечное безмолвие бесконечных просторов». Вопреки Паскалю, оно не страшно, — оно величественно и успокоительно. Вспоминается Камакурский Будда — воплощение блаженной отрешенности. Да, это противоположно, это полярно фаустовскому жизнечувствию европейца.

Место дуэли Лермонтова²⁵⁸. Шелестят сплошной листвой чинары, грабы, дубы, где-то тут же застенчиво жмется березка. Памятник-obelisk²⁵⁹. Как-то глухо, стесненно в груди. На небе контуры Бештау, зелень деревьев в голубой перспективе — его последний пейзаж. В ушах обрывки знакомых, родных строчек и строф..

Последняя поэма, спетая жизнью, — взамен унесенных в могилу, неспетых, недопетых многих дивных песен. Ее багряным отсветом озарен весь его жизненный путь, весь духовный его облик, все сказанные им слова. Она прекрасна, хотя и потрясающа, прекрасна в самой горести своей, как святая Елена в биографии Наполеона, как предсмертное бегство Льва Толстого²⁶⁰. Эта поляна, эта площадка на Машуке стала составной, неотъемлемой частью образа, комплекса, субстанции: — Лермонтов.

«Я угадал мой жребий, мой конец, / И грусти ранняя на мне печать».

Нельзя же было после этих строк жить до восьмидесяти лет и тихо помереть на постели. Мы были бы тогда лишены тех прекрасных, возвышающих нас эмоций, которые мгновенно рождает в нашем сознании, в нашем сердце одно только имя, единственное, несравненное имя: — Лермонтов.

И пусть глухо, пусть стесненно в груди, — есть великая очищающая, благодатная сила в этой душевной пораженности, пронзенности гением рокового места..

Домик Лермонтова²⁶¹. Зеркало, в которое он смотрелся, в котором жил, появлялся его физический облик. Потрескалось внизу. Садик. Белая акация, груша тех времен. Посмертная жизнь в резонансах, экстенсивная и интенсивная. Философский ультра-реализм недаром осознает ее возможность, ее действительность, ее необходимость. «Нет, весь я не умру...»

(12 ч. дня)

23 июля 1936 г.

Пушистая, бархатная зелень леса на голубой подкладке неба. Зеленое на голубом — казалось бы, неподходяще. Однако, выходит отлично. Природа. *Natura sive Deus**.

Лесной, что ли, это воздух: лёгко-то, лёгко-то как! Жара здесь совсем не тягостна. Честная жара, без духоты, без мокроты, без камней за пазухой. Дыхание ребенка. *Fair play***

У источников в урочные часы — толкотня, черед. Но, в общем, довольно добродушный черед. Стаканы, стаканы в чехлах, стеклянные трубочки. Белая людская масса.

Не зря ли я размышлял тут насчет лиц? Разводил романтические бобы. Нужно пуд соли съесть с человеком, чтобы взвесить его... собственными (не сомнительными ли?) весами. И о лице, о наружности нельзя судить смаху. Лермонтов, говорят, многим казался плюгавым. Мещанка и дура Александра Феодоровна²⁶², царица, обладала ангельским лицом и замечательными глазами, о которых нетрудно было бы фантазировать *quantum satis****

Словом, проблема, как везде. Копнешь твердый грунт, — непременно провал, отвал, бездна. «И мы пляшем, сияющею бездной со всех сторон окружены». *C'est le mot!* ****

(9 ч. 45 м. утра)

26 июля 1936 г.

Шалости пера. Дачная забава. Курортная «красавица» в розовом капоте. Высокая, стройная, молодая женщина с восточным несколько разрезом глаз. Неизвестно, ни кто она, ни где живет. Встречать на водопое, на местном Ист-Энде²⁶³, восточном конце парка, где однотипные львиные головы монотонно льют смирновскую минеральную воду. Итак:

Розовой незнакомке

Над пестрой суетой Ист-Энда,
Над маревом людской пыли
Вы розовой легендой,
Улыбкой розовой взошли.
Ручные львы мурлычат что-то.
Ловлю под их слепую речь
И складки Вашего капота,
И смуглый мрамор Ваших плеч.
Вчера на тихом перекрестке
Следил украдкой издали:
Свою тяжелую прическу
Вы, как причастие, несли.
И было радостно и сладко
Вникать до дна, войдя в экстаз,
В неизреченную загадку
Полумонгольских Ваших глаз.
Забыты скуки дни глухие,
Фонтан мечты в груди забил -
...Вновь бредит розовой стихией
Больной поэт из дома БИ.

Железноводск, 26/УП 36. ПЭЛ²⁶⁴

Вчера и сегодня, вместо того, чтобы заниматься делом, тоннами угля и киловатт-часами, подбирал мысленно рифмы и укладывал в строки глупые слова. Ну, что же, — разве нельзя на минутку, на день, на два, — забыть километры площади и килограммы собственного не желающего прибавляться веса — и ... Эх, старое, былое время!..

Теперь, в сущности, надо бы — что? Надо бы, разумеется, как-то подкинуть «ей» эти строки, анонимно, таинственно, умненькое. Но — где ты, былая озорная прыть?..

(вечер)

27 июля 1936 г.

Испанские события: большая гражданская война²⁶⁵. Единый фронт — на деле; отличный результат! Да, этот бы единый фронт — в Германии 1932 года²⁶⁶! Учимся на ошибках; не ошибается, кто ничего не делает.

* Природа или Бог (*лат.*).
Честная игра (*англ.*).
Сколько нужно (*лат.*).
Как говорится! (*фр.*).

Бойцы интернациональных бригад, сражавшиеся в Испании, на встрече с трудящимися Москвы.

В. Чкалов и члены его экипажа.

Девятидесятикилометровый перелет АНТ-25²⁶⁷: Москва — островок у Николаевска на Амуре. Беспосадочный!! Арктический!! Большие дни, большие времена. Мысль невольно ищет ответа на основной, мучительный, надоедливый вопрос: как эти прекрасные победы человеческого гения отразятся на ближайшей, роковой, апокалиптической войне?.. Всё и все — под ударом. Радиус истребления — безграничен. Химический дождичек закрапает везде и всюду. Что еще! Как это у Брюсова: Все роковое — божественно.

В этой огромной исторической рамке продолжается оживленная микро-жизнь. Водопой, колит, розовая незнакомка, сегодня внезапно поголубевшая, поездка в Сочи, экономгеография — *sum cuique*^{*}. Есть некая изысканная прелесть в капризном пересечении линий большой истории и этой милой микро-жизни: истоки грядущих «Войны и Мира», Стендалей и Гюго...

* Каждому свое (лат.).

28 июля 1936 г.

Перечитал «Герой нашего времени» — в рамке его ландшафта; *genius loci** усиливал эффект: Ма-шук, Бештау, воды, бульвар.

Прекрасно. Гениально. Недаром Толстой — Толстой! — считал прозу Лермонтова лучшею в русской литературе. Да, классика.

Содержание? — Двойная призма: чувство, с которым читал эти строки в ранней, ранней юности, почти отрочестве — помню, в светелке, вечером! — и нынешний душевный статус. Былое врывается в се-годня. Могу повторить печоринское признание: — Нет в мире человека, над которым прошедшее приобрело такую власть, как надо мною. Всякое напоминание о минувшей печали или радости болезненно ударяет в мою душу и извлекает из нее все те же звуки... Я глупо создан: ничего не забываю, — ничего!

Но все-таки, сегодняшнее впечатление? — Оно имеется. Остро, явственно слышно, что это пишет юноша, — гениальный, несравненный, исключительный юноша, но все же — юноша²⁶⁸. Он достаточно умен, чтобы взглянуть на Печорина «со стороны», но слишком молод, чтобы эта сторона была запрел-дельной. Юношеская разочарованность. Юношеский задор. Бессмертная романтика юности...

(12 ч. 20 м. дня)

30 июля 1936 г.

Сочи. Море. Открылось у Туапсе — вечно волнующееся изумрудное чудо. Черное море. Не видел-ся с ним ровно двадцать лет. Довелось.

От Туапсе до Сочи — около двух часов над морем, зеленеющим, голубеющим, сверкающим бли-ками, «смеющимся». Быстро южнеет пейзаж. Кипарисы. Буйная, цепкая, в лианах, трава, стрекочущая кузнечико-цикадную живностью. Силуэт однотрубного прохода. Мысок, весь в строениях. Сочи. «О, ветер горячих взморий,/ Где спит в олеандрах рай...»

Да, рай, только не спит, а бодрствует... Рай. Особенно в «дендрарии», ботаническом саду, бывшей вилле купца Худякова²⁶⁹ Толстоствольные, разнообразные пальмы, олеандры розовые, олеандры белые, кипарисы...

(7 ч. 30 м. утра)

31 июля 1936 г.

Вчера на полу-фразе оборвали — нужно было трогаться в Гагры.

На легковом фордике по прекрасному асфальтированному шоссе, тянущемуся вдоль моря. До Мацесты — новая широкая, роскошная трасса, с фонарями на излюбленный японский лад — белые шары, — дальше старая, более узкая, но тоже отличная дорога. Хоста. Адлер. Дальше — абхазская гра-ница: мост, по один конец коего стоит русский милиционер, а по другой — в той же форме — абхазец. C'est tout**

Слева — горы, кое-где с вершинами, белеющими снегом. Буйная, обильная растительность. Ветер хлещет в лица, шумит в ушах. Хорошо!

Пляж. Солнце, пальмы, море, парк, цикады, горный водопад, вино «Букет Абхазии», «Аромат Абха-зии». Санаторий. На скале — и сам под скалу — бывший дворец принца Ольденбургского²⁷⁰. Ныне тоже дом отдыха.

Отдых. Здесь — вечный отдых в государстве труда. Перманентное веселье. Со всех концов стра-ны стекаются люди — веселиться и отдыхать.

Сегодня — обратно на минеральный водопой.

(7 ч. 20 м. утра)

1 августа 1936 г.

Сегодня вернулся. Опять «Люкс», нарядный вагон-ресторан, замечательный метрдотель, поэт своего дела, подобно харбинскому Гидуляну, кривошеему Плохотнюку. Каждое дело родит своих мас-теров. А такое дело, как еда, — сугубо: гастрономия вечна и универсальна, как любовь. «...Давайте напи-шем поэму, которой тема — еда!»

Царства и революции проходят — еда пребывает, *manet****. Еще не воскресла у нас по этой части дореволюционная «сладость жизни», — однако, ласточки уже налицо. Метрдотель — сверхклассовая и сверхнациональная категория. Это — обще-человеческая ценность, подобно бифштексу по-гамбургски и осетрине по-гречески.

Хороший поезд, хорошая дорога. Лунное

* Гений, дух — хранитель местности (*лат.*).
Вот и всё! (*фр.*).
Не изменяется, пребывает постоянной (*лат.*).

море, дорога серебряного света. Вдали — фонари, огни, комбинация светлых точек. У Туапсе — мигающие сигналы, зеленый и красный: маяк?

Тепло, тихо, у берега — монотонный шелест камней. Южная ночь. Выхожу на станцию Туапсе: жарко, душный зной юга, над табаком — серый бражник, ловлю его руками и выпускаю: здесь их — сколько угодно. Прощай, море!..

(9 ч. вечера)

2 августа 1936 г.

Самшитовый лес в заповеднике близ Хосты: сильнейшее впечатление. Нечто сказочное, заколдованное. Изогнутые стволы и ветви все в пушистом, густом, теплом мху. Чаща странных существ, застывших, лохматых. Анабиоз увековечил их корчи, страстная жизнь их перешла в оцепенение мгновенно. Ландшафт чудесной и в то же время жутковатой сказки.

Тут же — камни, каменная земля, и деревья кажутся каменными, тяжелыми, — да и впрямь они тяжки, даже тонут в воде; они плотны, и недаром они так ценятся. Самшитовое дерево — ценнейший экспортный товар: оно идет на челноки в текстильных машинах, на шарикоподшипники. Оно оцепенело, окаменело при жизни, в жизни, и листья у него какие-то замороженные, замерзшие — не листья и не хвоя, — восковые. «Лабиринт». Спускаешься по сырým камням, вокруг эти распятые мшистые существа, — будто очутился где-то на дне моря, не то привязался причудливый, вязкий, нереальный сон.

«Эти мшистые виденья сердце тянут, как магнит...»

Да, поистине неистощима изобретательность природы!

(10 ч. утра)

8 августа 1936 г.

Шашлык из баранины	8
Шашлык из барашка	8
Котлеты деволай	7,50
Яичница из трех блюд	2,35

В Тифлисе²⁷¹, в туземном квартале, в шашлычной. После серной бани. Два стакана красного вина, наивного и сердечного, как Грузия. Шашлык.

Блаженное состояние. Давно такого не было. Дикая экзотика, что-то переключается в душе серебряными колокольчиками, симфония реминисценций, не знаю что.

Горячая, с запахом вода, стальные лица «терщиков», особенно одного: варвар эпохи Рима. И — отрешенность. Правда Руссо²⁷². Вернее диалектика этой правды. Гершензон из «Переписки». Насмешка над Руссо-«историческим»²⁷³.

Бог с ним — с Руссо. Бог со всеми, в том числе и со мной самим.

А вот это меню (см. выше) — это вещь. Вот это — жизнь! Стоит жить — ради леса, черт возьми, вербены, котлеты деволай и яичницы из трех блюд!!!

(2 ч. 45 м. по-тифлисски)

9–10 августа 1936 г.

Сегодня я приехал в Батум и снял комнату недалеко от вокзала у добрых простых людей, куда меня привел тоже, вероятно, добрый и, несомненно, весьма веснушчатый комиссионер.

В садике у дома процветают мандариновые и лимонные деревья, и зеленые их плоды прямо радуют взгляд. Тепло. Даже жарко. Сейчас — теплая южная ночь. Мне всегда при этом вспоминается описание южной испанской ночи у Достоевского в «Великом Инквизиторе»²⁷⁴.

Керосиновая лампа. Часы-«ходики», не желающие ходить, предпочитающие хождению стояние (быть может, они и правы!). Пузырек с эфиром, флакон одеколona, кувшин с водой. Лает где-то по соседству собака. В голове — реминисценции двух стаканов выпитого во «Флориде» красного вина, на душе... Что на душе? — Много. Слишком много. «Широк человек, я бы сузил». Откуда это? — Митя Карамазов.

Мысли, мысли... Одиночество — небезопасно: оно рождает самоанализ, вредный для организма. О том, о сем. Я пришел, а ты готов?

Да, готов. Теперь готов, не вру. Пожалуйста. И при этом — знаю:

жизнь чудесна! Что может быть прекрасней жизни?

Довольно рефлексии. Описать Батум. Сквозь призму, конечно, без нее не обойтись. Но все же Батум, — не свою надоевшую «вулицу»²⁷⁵. Спать, однако, убийственно хочется (часы идут, как хотят, ночь).

10 августа 1936 г.

Утро. Тепло, воздух ласково-влажный, но не мокрый, не мучительный. Сейчас пойду на Зеленый Мыс.

Красота. Какой вчера закат! Игра красок, комбинат моря, пальм, гор. Как во сне. Как в раю.

Почему рай нам представляется непременно тропическим или, по меньшей мере, субтропическим²⁷⁶? А может быть, он — в березах, в овражках Калужской губернии? И майские жуки. И сирень.

Ерунда. Рай — всё, «всцелое и завершенное». Все во всем. И наши меняющиеся интуиции — его последовательное, бесконечно исконное, безгранично фрагментарное раскрытие. Музыка. «Голубой Дунай»²⁷⁷, шум и сияние моря, светлеющая тучка на темной груди горы...

(9 ч. утра)

11 августа 1936 г.

Батум — небольшой, чистенький город. Асфальтовые улицы, нет трамвая с его вульгарным громыханием, южная, субтропическая зелень. У моря — бульвар с благородной, строгой колоннадой. Кругом — горы ярко южного ландшафта; нечто турецкое, юго-восточное, малоазиатское, евангельское. Море. Краски. Преобладают розовые и лазурные. Воздух густой, как смола, как душистые масла.

Люди должны быть мягче и нежнее под ласками этой щедрой природы, такой благожелательной, такой доброй. Когда церковь молится «о благорастворении воздушных и изобилии плодов земных»²⁷⁸, — вероятно, перед умственным ее взором струится вот эта вязкая теплынь, этот аромат рождающего лона.

Но нет-нет, и в эту сияющую благодать, в эту душистую симфонию земли, природу дерзко исправляя, врываются — о, боже мой! — фокстрота музыка блажная и нефти запах мировой...

(7 ч. 45 м. утра)

11–12 августа 1936 г.

Чаква. Чайные плантации, чайная фабрика, в этом году дающая 1,7 миллионов кило чая (в прошлом году — 800 тысяч), может дать и больше. Остановка за сырьем.

Приятное производство. Ароматное. Благородное. Машины: скручивание, сушка. Горячее чайное дыхание — в сушильне.

Нарядные плантации. Кустики, непривычные на взгляд, темные, ровные, аккуратные. Что-то южное есть в самом их облике.

Из Чаквы пешком, чайными плантациями, затем мандариновыми рощами — в Ботанический сад. Второй день — впечатления райского пейзажа. Столовка тут же — однако, далеко не райская. «Борщ» (т. е. щи) и «соус» — нечто вроде «гуляша» былой нашей студенческой эпохи. Лопай, что дают. И на том спасибо.

Спать хочется. Жаль, что не могу заставить себя взяться за перо и записать наличные впечатления. Один, восприимчивый аппарат работает, обрывки глупых строф бродят в голове, но путного ничего не выходит. Пишу открытки: «Мелькают спутники и виды. Вином и солнышком согрет, я всем из пламенной Колхиды, шлю субтропический привет».

(12 ч. ночи)

12 августа 1936 г.

Хозяева мои — милые люди, грузины, немудрящие. Хозяин — рабочий, столяр, выходец из крестьян; сейчас плотничает, ибо, по его словам, и столяром сейчас больше тех же трехсот рублей в месяц не заработаешь. Любопытно беседовать с ними.

Вчера разговорились о детях. У них двое: девочка восьми лет, сейчас живущая в деревне у знакомых, и мальчик Юра шести лет, любитель кинематографа: просится, хныча, туда с утра. Видимо, дружная семья.

Девочка уже учится в школе. Хорошо учится. И вот:

— Большую глупость сделали: отдали ее в грузинскую школу, а не в русскую. В этом году надо переводить...

— А что?

— Да куда же ей без русского образования? Без русского теперь нельзя, теперь не то, что недавно... На что грузинский? С русским и дальше учиться можно, и ехать куда хочешь. Теперь много, много идут в русские школы. А куда денешься с грузинским?.. Вот наш племянник хотел идти в военное училище,

а по-русски писать не умел, только по-грузински. Ну, и не приняли... А с русским — повсюду. По всей стране, куда хочешь, да и за границей...

Нужно ли говорить, что эти простодушные излияния звучали в ушах моих божественной симфонией?!

На пляже. Молодой парень аджарец, выпускного класса средней школы. Охотно вступает в беседу о Москве, о Чкалове, об Испании, о том, о сем. В свою очередь, и я интересуюсь им.

— Куда же Вы думаете после окончания школы? Вы и Ваши товарищи?

— Дальше, конечно. В вуз. Мечта наша, общая, однако, — не Тифлис, а Москва или Ленинград. Почувствовать в столицах. И интересно, и дорога оттуда широкая.

Да. Вот что такое «ленинско-сталинская национальная политика»! Да, да: есть многое в нашей истории, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам²⁷⁹, Столыпиным и Милюковым²⁸⁰. «Не русификация, но — русские». Органически, свободно, изнутри. Повторяется старое: *civis Romanus sum** Люди гордятся — я советский гражданин. Магнит великой социальной системы, магнит великого государства. Местная молодежь на бульваре нарочно говорит в своей среде не на родном языке, а по-русски!!!

Замечательно. Подлинно гениально! И в точности — по Ленину, всегда понимавшему значимость централизма и великого государства в нашу эпоху. «Просто» — и гениально. В исторической перспективе мелконациональный шовинизм обречен, как бы ни трепыхался он еще сегодня и завтра.

Да здравствует СССР! Да здравствует советское государство! Да здравствует советская нация, единая и великая!..

(вечер)

Базар. Сочная, красочная картина. Любят такую рисовать художники, описывать писатели. Зрелище, «достойное — скажем — пера Верхарна или кисти Рубенса»²⁸¹.

Восточный колорит. Вот две женщины в черных покрывалах, как монахини. Лица их открыты, и я вижу, что одна из них красива и молода:

«Атласнее морского котика ее пушистая щека, и веет темная экзотика от траурного ее платка» — сами собой экспромтом наворачиваются строки, не слишком, впрочем, безукоризненные: дважды неблагозвучные соседства двух «т».

А вот еще фигура, — у этой занавешено черной материей все тело — с ног до головы, как в японском театре недействующие, обслуживающие сцену лица: считайте их отсутствующими. Есть нечто зловещее в этом присутствующем отсутствии, воплощенной бесплотности.

Гортанный говор, выразительная жестикуляция. Необыкновенное разнообразие головных уборов у продавцов: барашковая высокая и широкая шапка, рядом легкая белая полотняная панама, рядом советский картуз, дальше — нечто причудливое, вроде чалмы, дальше — широкополая войлочная круглянка. Свистки милицейского — видимо больше для порядка, нежели по конкретным поводам. Толчея. Публика уже вовсе разношерстная — смесь лиц, наречий, состояний: «Широка страна моя родная!»

Товары тоже пестры и разнообразны. Прекрасные персики, напомнившие мне Капри. Арбузы, дыни, яблоки, груши. Орехи, лавро-вишни, сливы. Мясной ряд — запах свежей баранины, сутолока хозяек. Овощи: горы помидор — трюфелей нынешнего грузинского стола, — огурцы, картошка, кабачки лиловые, лук. Молочный ряд: специфика — местные сыры (брынза). Птица: утки, куры, цыплята. Есть и мучной сектор: кукурузная мука, немного рис. Обилие кукурузных посевов здесь вообще бросается в глаза: «кукурузная республика» — зовут соседнюю Имеретию издавна пикирующиеся с ней кахетинцы. Наконец, непривычным для наших глаз товаром выглядит на базарных лотках табак. Кучи табака разных сортов. Продают его и на улицах — из-под полы; мрачного вида прохожий бурчит себе под нос, не поворачивая головы: «Есть табак; не нужно ли хорошего табака?»

Люблю базары. И всегда любил. Врожденное тяготение: быть может, деды были лабазниками? Есть какая-то поэзия в этих городских «брюхах», какой-то прилив полнокровной жизни. В детстве любил бывать с папой на калужском базаре. Студентом частенько заглядывал в Охотный ряд²⁸² — чистого созерцания ради. В Париже, в Омске, в Пекине — непременно устремлялся на заветные площади и с наслаждением ловил аромат места, *spécialité de l'endroit*** Слава, конечно, и университетам, слава музеям и храмам, — но честь и этим священным очагам плоти, этим алтарям быта!

К старой коллекции батумский рынок присоединится не последним экземпляром. Трижды мешался там в толчее, вдыхал и общее в частном, и частное в общем...

* Я гражданин Рима (*лат.*).
Специфика места (*фр.*)

(ночь)

Флюиды

N. N.

Мелькали чужие лица,
В вагоне было темно.
«Мы будем за Вас молиться», —
Послышалось мне в окно.

С тех пор прошумело много
Воды, людей, городов,
Вилась змеею дорога
От тропиков до снегов.

Бродили смутные думы,
Брала на мушку тоска —
У колоннады Батума,
В ущельях и облаках.

Но что-то в груди теплело,
Куда-то тянулась нить,
Без цели и без предела
Хотелось мечтать и жить.

... И снова будет казаться
Таинственным каждый миг:
Как будто и впрямь струятся
Флюиды в планах иных!..

ПЭЛ

Тифлис
13–14/VIII 36

ночь

13–14 августа 1936 г.

Глубокая ночь — четвертый час. В Тифлисе. Приехал из Батума в два часа. Койки в комнатах при вокзале не оказалось. Сел в трамвай, отправился в город — до Эриванской площади. Оттуда пешком по улице Руставели. Пустынно. Знакомые красивые здания. Спал дневной зной.

Голоса, распевающие песни, где-то внизу. Сквер, дальше лесенка. Спускаюсь. Кабачок в палисаднике. Шашлык. Вот сижу под белой акацией и черным небом.

Несколько компаний за столиками. Кабинки-кабинетки у стены. Повсюду — вино. Навеселе. «И пьяницы с глазами кроликов...»

Поют. Дико звучат непонятные, непривычные песни. То здесь, то там. За тем столом — армяне, здесь и дальше — грузины. В кабинке небольшая русская компания. Поют по-своему — по-армянски, по-грузински. Разобщенно. Потом вдрут — с одного столика:

«Проведемте ж, друзья, / Эту ночь веселей...»

Что это? Вот и другие столики подхватывают эту песню, и она уже звучит и здесь, и там, везде, со всех сторон, всеобщая, бесспорная, объединяющая... «Налей, налей, товарищ, / Заздравную чару, / Бог знает, что с нами / Случится впереди...»

Да, общий язык! «Всечеловеческой гармонии и братства». Да, без иронии. Общий язык, сметающий перегородки телесные и душевные. Русская студенческая песня. И я сам готов ей подтягивать. Как это радостно, как это бесконечно трогательно и утешительно...

Пришлось после шашлыка спросить стакан белого, точнее, розового винца. Автобус Военно-грузинской дороги²⁸³ отходит в 6 1/2 часов. Нужно *passer le temps**. Нехорошо: — перед отменной экскурсией — бессонная ночь. Буду сонно оглядывать горные красоты, клевать носом. Беда! Но как же быть?

Голова полна впечатлений. Сегодня отлично проехал от Батума сюда. Опять Ботанический сад, Чаква, Кабулети, чайные кусты, мандарины, криптомерии, бамбук. Опять — «Банан ушастыми листьями шуршит и хлопает, как слон...»

И дальше. Очаровательная горная дорога, благодатные места. Станцийки: мальчишки

* Убить время (*фр.*).

и женщины, суеятся, продают арбузы, дыни, инжир, печеную кукурузу. Живописные поля на горах, оживленные виды. От Самтредиа до Тифлиса везет не паровоз, а электровоз: путь электрифицирован. Чисто, вместо дыма — голубые шары. Рион, РионГЭС²⁸⁴: трубы сверху, просто, изящно, конструктивно, немного стройных столбиков, немного проволочки, кокетливые изоляторы, — поэзия техники! У ст. Джугели — марганцевый, обогатительный, что ли, либо ферро-марганцевый, не знаю, завод. Речка Чинтура — вся черная: в ней промывают руду. Это не мешает ей быть, говорят, весьма рыбной. Хашури — ветка на Боржом, Бакуриани. Агара, известная сахарным заводом. Горы — родина Сталина. Под Тифлисом — ЗагЭС²⁸⁵, с памятником Ленину, ярко освещенным. Тифлис.

...Смотрю сквозь листву на небо, — нет, еще не голубеет, не светлеет. Наверно, день тут приходит столь же внезапно, как ночь.

Сегодня в вагоне — интересные попутчики: арктический летчик N с женой и красивая грузинка, жена ленинградского профессора военной академии, орденосца, характерный экземпляр нарождающейся советской аристократии. Летчик же — милейший парень, герой. Весь светится прекрасным патриотизмом, духовностью, идеализмом. Любит воздух, снега, свое дело, свою родину. Да, герои, подвижники. Так было, есть и будет.

(ночь, часов пять)

17 августа 1936 г.

В Железноводске третий день. Завтра — в Москву. Вокации кончены. Уже облегают душу земные заботы, перспективы сезона. Работал здесь плохо, в сущности, почти не работал: в 40 дней сделал то, что можно было сделать в 10. Выезжаю в плавание неоснащенным.

Зато есть надежда на выздоровление. Это — важно. Тогда — приналягу. Поживем — увидим.

На политическом горизонте — вновь тучи: процесс партийных двурушников, врагов, троцкистов, зиновьевцев²⁸⁶. Извлекаются из небытия Зиновьев и Каменев²⁸⁷, очевидно, чтобы вновь вернуться в небытие (думается, политическое, а не физическое). Повидимому, центральная фигура процесса — Троцкий²⁸⁸, морально-политический расстрел которого поставлен обстановкой в порядок дня.

Действительно растет злоба против этого человека, эгоцентрически мстящего судьбе и советской стране за свой провал. Совершенно ясно: кто подтачивает систему СССР, тот объективно льет воду на фашистскую мельницу. Да, троцкизм — «передовой отряд международной контр-революции».

(1 ч. 20 м. дня)

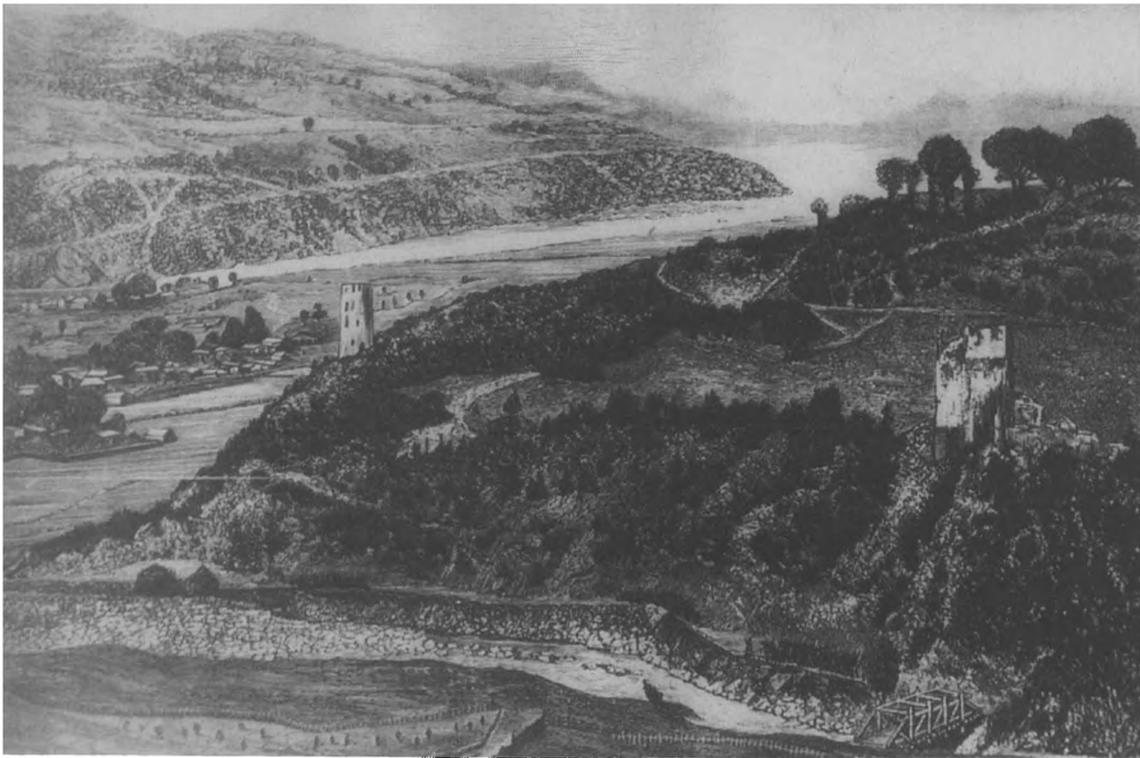
Военно-грузинская дорога. Любопытно. Цитатами из Лермонтова кажутся и Казбек, и Терек, и замок Тамары²⁸⁹

Выехали из Тифлиса в половине седьмого утра. Приехали в Орджоникидзе в три часа. Восемь часов быстрой езды: полчаса ушло на две остановки.

Открытый автобус, тесно усеянный людьми. Шофер — русский, с обликом и чертами этого репрезентативного слоя по Кайзерлингу²⁹⁰. Международная категория. Квинт-эссенция эпохи.

Арагви. Долина, потом подъем. Горы с белыми жилками. Вьется дорога — вверх, вверх. Бараны. Хевсурские сакли. Дичь.

Вид военно-грузинской дороги.

Ветерок. Но тепло, греет солнце, в рубашке не замерзнешь. Однако, снежных жилок больше — там и сям. Все выше и выше. Около двух с половиной километров над уровнем моря. Перевал.

Кручи, срывы. Внизу пенный горный поток, кажущийся застывшим, замерзшим: течения не видать. Дымка, голубоватый налет. Горизонта нет: везде горы.

Спуск. Дальше, дальше. Самый эффектный участок дороги. Казбек. Затем Дарьяльское ущелье.

Сначала показалась Шат-гора, без седой, однако, головы. Селение Казбек у подножья Шаты. И напротив — взмытая кверху снежная масса, больше чем наполовину закрытая упрямым, навязчивым облаком. Оживленно стремятся вниз мутные потоки. Величественно.

Внизу — масса блестящего своеобразного камня. Это — андезит, кислотоупорный вулканический камень. Идет добыча его. «И железная лопата в каменную грудь...»

Дальше. Терек становится бурливой, ободренный резервами с Казбека. Долина превращается, между тем, в теснину, горы толпятся с беспорядочной торопливостью, словно куда-то спеша и протискивая, расталкивая друг друга. Кажется, вот-вот тупик, и дальше двигаться некуда. Расцветка их становится вызывающе декадентской, пестроцветной до головокружения. «Зеленое, лиловое, серебряное, алое...»

В такой теснине тесно сердцу, перехватывает дыхание. И вместе с тем что-то поет в груди, — вероятно, рефлекс красоты. Мужественной и в то же время изысканной, дикой и в то же время утонченной.

Тут и замок царицы Тамары, развалины. И опять невольно губы шепчут знакомые с незапамятных пор слова и строки. Так сплетаются «природа» и «культура» в один неразрывный, неразложимый клубок...

(ночь)

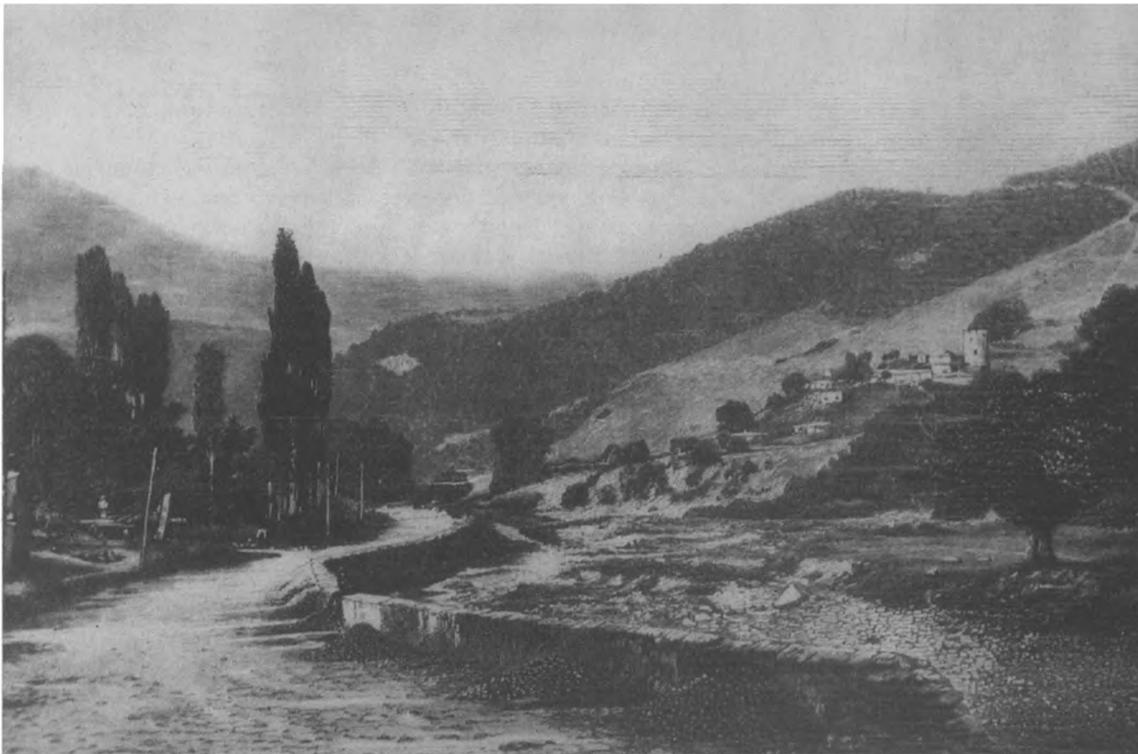
28 августа 1936 г.

20-го приехал в Москву. В Институте выяснилось, что прием на экономический факультет столь скуден, что еще неизвестно, состоится ли первый курс. Вместе с тем оказалось, что тот курс, который на эксплуатационном факультете хотели поручить мне, перенесен на весенний семестр. Таким образом, неясно *que faire** в ближайшее время.

Прошумел процесс троцкистско-зиновьевской банды. Снова острое дыхание истории. Неприятный осадок. «Шайка потерявших облик человеческий прохвостов». Даже обидно, что эти люди из ленинской когорты — Зиновьев и Каменев — не нашли в себе сил хотя бы помереть прилично.

* Что делать (*фр.*).

Но вместе с тем, пожалуй, тем лучше: возбуждая чувство отвращения по преимуществу, они не будут опасны за гробом. Это не жирондисты, не Дантон²⁹¹. Консолидация партии, столь нужная стране, не нарушится пролитой кровью.

Вид близ военно-грузинской дороги.

В № 8 «Звезды» — отличная статья Мирского о Блоке²⁹². Снова и снова светится в сознании родной навеки образ, возмущая душевные кличи. Уюта нет. Покоя нет. «Ах, если б мог я научиться / Бес-смертной пошлости толпы!..»

(11 ч. дня)

30 августа 1936 г.

Досаждают голове мрачный комплекс зиновьевщины. Отгоняешь его всячески — напрасно; и ночью, и днем лезет в глаза души. Отреагировать бы статьей, — но кому нужна моя статья?!

Чистая атмосфера расцветшей страны — и душный смрад подполья... и запах крови. Хочется скорее выйти на свежий воздух, снова зажить радостной жизнью молодой страны...

Троцкий!.. Злая сила, оса, жалящая при первой возможности. Вредитель. Все-таки эта тактика — ниже его таланта и его кругозора. Да, она — падение. Кто не с нами, тот против нас: так поставлен вопрос историей. Кто не с Москвой, тот с Гитлером, Гестапо, Араки²⁹³. Глупости — насчет «тезиса Клемансо»²⁹⁴! Ослабляя позиции Москвы в плане международного рабочего движения, троцкисты явно помогают Геббельсам и Розенбергам²⁹⁵.

Честолюбец? — Да. Честолюбец, поэт. Его укусы в какой-то мере болезненны: он играет на исконных струнах социал-демократии, атакуя некоторые конкретные особенности, известные черты современной стадии нашей революции. Лавры Герострата²⁹⁶!

Досадное осложнение. Но на подъеме оно не так опасно. Ликвидация сектантства, ставшего уголовщиной. «Каленым утюгом».

(11 ч. дня)

4 сентября 1936 г.

Утро. Маленькая комнатка на Зубовском бульваре, чайник, в лавочку за маслом и хлебом, один... Осенняя Москва.

«На старости я сызнова живу».

Совсем как некогда, в студенческие блаженные, незабвенные годы. Какая-то теплая отрада разливается в груди. Да, четверть века назад! За пыльным окошком дождь, желтеющие листья, заборы, красная крыша сарая. На столе — книги, тоже вечные спутницы...

А дальше? Дальше — собираюсь зайти сегодня в Наркомюст, к вождам (вождю?) Правового Института²⁹⁷. В МИИТе вчера сообщили, что нагрузка в этом году, оказывается, ничтожная и что нет возражений против частичного, временного совместительства. Проснулась ностальгия своего предмета, своего дела: право, государство. Зайти, поговорить; если что-либо подойдет, прекрасно. Говорят, у них бывают эпизодические письменные работы, рефераты, рецензии, статьи. Работают там Коровин, Ко-

четкян, Успенский, Дурденевский, сбоку примостился Фиолетов, примачивается В. М. Устинов²⁹⁸. Родное пепелище, зацветающее сезонной травкой!

За год освоился все же с атмосферой, с методологией марксизма-ленинизма, с характером советского письма и преподавания. Органическая перестройка государственно-правового мирозерцания идет своим чередом. Идет своим же чередом и жизнь, историческая действительность. Наша великая революция вступает, вступила в синтетическую эпоху. И если мы ей в какой-либо мере пригодимся — отлично! Отлично — для нас. И, хотелось бы надеяться, неплохо и для нее: «давай сюда и веревочку...»

Десятые годы — *überwundener Standpunkt** Но людям десятых годов еще приходится жить и в тридцатых. Так что же?

Возврата явно нет к родным пенатам, / В былых мечтах не разберешь ни зги. / Попробую солидным диаматом / Полировать склерозные мозги...

В десятые годы мы мальчишески не понимали диамата. Но вместе с тем — и диамат тогда еще ходил в пеленках. Эти четверть века не только перестроили нас, но сделали «солидным» и диамат.

(10 ч. 15 м. дня)

1 октября 1936 г.

Первый снег. В окне, на фоне темных елок и желтых берез — полчища белых снежинок. «Мелькает, вьется первый снег...»

Нет, не так. Не «пушкинское» состояние духа вызывает он, нет. Совсем иное: Эти мшистые пушинки сердце тянут, как магнит.

Трудно! Дай волю — и вовсе расплывется, потечет душа безвольным ручьем неизвестно куда. Или — известно? «Невольно к этим грустным берегам...»

Жизнь — позади. То есть «житие» — «без божества, без вдохновенья...»

С лейт-мотивом: пусть живут другие! Пусть живут, — и как прекрасно, как счастливо они вступают в жизнь и живут! Здравствуй, *vita nuova*** — *moriturus te salutat****

Жизнь прожита и рассказана, что-то завершилось, что-то отшумело, и с терпкою горечью, безнадежно следить за первым снегом последней черты... Спасибо, спасибо за все.

(2 ч. дня, Лосинка)

20 октября 1936 г.

В миру шумно, в миру сложно... По ночам повернешь включатель радио, и комната наполнится звенящим, говорящим, информирующим, агитирующим эфиром. Берлин прославляет «Капопен»****²⁹⁹, Кенигсберг толкует Канта с национал-социалистической точки зрения³⁰⁰, солидный Лондон подает Моцарта, поют хором чехи, кто-то воеет по-гавайски, Коминтерн проводит испанский час³⁰¹, из Парижа доносится очередной водевиль. И еще, и еще. И лишь к трем часам нашей московской ночи, когда Вестминстерские часы³⁰² величественно возвестят лондонскую полночь, эфирная суматоха начинает постепенно улегаться.

Шумно в миру, суетливо, тревожно, кроваво. Опять «предвоенное время». И уже льется кровь — в местах, казалось, благословенных, городах и весях с такими певучими, романтическими названиями³⁰³..., впрочем, уже достаточно за свой долгий век насмотревшихся крови, и не только бычьей³⁰⁴.

Что же делать? Таков человек — «злая бесхвостая обезьяна»... Но разве в эфире не живет также и Бетховен, не живут Гёте, Пушкин, не дрожит молитва и не дышит любовь?.. Человек, человек — какое шумное, какое сложное существо!

(9 ч. 20 м. утра)

30–31 октября 1936 г.

Слушал сейчас Испанию, потом в Берлине Геббельса и Гитлера, затем, в половине второго, политическую информацию из Парижа. Так даже и в Лосинке не станешь провинциалом! Этот чудесный ларчик, так просто открывающийся, превратит нас всех в граждан вселенной.

В Мадриде — митинг-концерт в честь Советского Союза³⁰⁵. Рабочий профсоюзный лидер; Мининдел дель Вайо³⁰⁶ (так, что ль?); наш полпред Розенберг³⁰⁷. Волнующаяся связь идей, побеждающих и пространство и время. Эфир дышит историей.

В Берлине гудит Спорт-Палас, выкрики-

- * Сверхудивительная точка зрения (*нем.*).
- Новая жизнь (*итал.*).
- Идущие на смерть приветствуют тебя (*лат.*).
- Канон, закон, система норм и правил (*нем.*).

вает свою речь в честь десятилетия берлинской н. с. организации³⁰⁸ неистовый Геббельс. Kanonen! Вокруг этого канона — вся речь, истерическая импровизация, вгоняющая слушателей в раж. Да, оратор.

Потом пение, музыка — и вдруг рев приветствий, музыка,
гром пушек, топот, ржанье, стон — и: — Der Führer schpricht*
Снова взрыв воя, мгновенная прослойка тишины — и:

«опять эфир изрыгает историю быстро хрипнувшим баритоном. Плещутся идеи-страсти, идеи-силы...», а спокойный диктор Парижа налагает дополнительный штришок: когда в зале Кальдерона лились благородные речи, на соседних улицах лилась кровь — от бомб Франко³⁰⁹ Так пируют боги.

(2 ч. 30 м. ночи)

2–3 ноября 1936 г.

Великая горячка все эти дни. Срочная работа в Институте, потом лекция эконом-географическая о Японии, и потом еще следующее:

Третьего дня, 31 октября, днем приехал ко мне в Лосинку сотрудник «Известий» и попросил написать к праздничному номеру газеты статью. Тема — Конституция и 19-я годовщина. Желательно, чтобы статья была живая, «читательная». Оригинал редакция хотела бы получить к вечеру 2-го.

Немедленно приехал в Москву и принялся за работу. Трудно было — приходилось одновременно и готовиться к лекции, и соками сердца писать статью. Решил написать боевую, острую публицистическую статью — без особой надежды увидеть ее на страницах газеты. Но зато хоть animam levare**. Академическую статью о конституции, может быть, напечатали бы, но вышла статья не на заданную тему.

Редактор отдела советского строительства выслушал терпеливо прочтенный мною оригинал, сказал, что посоветуется с товарищами и мне позвонит. Во всяком случае, animam (или animum) уже levare***

(1 ч. 50 м. ночи)

18–19 ноября 1936 г.

Ездил в Калугу, пробыл там пять дней. Дорогие могилы. До сих пор там — родина. Еду туда с волнением и радостью, и уезжаю оттуда с грустью разлуки. Край родной — географически, исторически, психологически, всячески.

Сизый сумрак утра. Муратовка, Азарово³¹⁰. Вокзал, извозчик — на Первомайскую. Еду — сюрпризом.

Дом. Красная крыша, в прошлом году этим своим цветом все еще коробившая. Калитка. Темный, пыльный, полный жилых запахов коридор — и стучусь. Еще спят. Затем — движение, слышу мамин голос, спросонья:

— Что это, кто? Уж не Колечка ли приехал?..

Вот она — любовь, чистейшая и крепкая, как алмаз. Первая мысль, инстинктивная, либо привычная, — Колечка... Разве не теплее жить в холодном мире от такой любви?

Ниночка в туфлях на босу ногу: кто там? Милая девочка — neues Leben stungt aus den Ruinen**** Знакомая обстановка. Да, Ruinen. Но разве и сами мы, разве и сам я — не Ruinen? Ушла жизнь, прошумела. А вот любовь еще тлеет, греет. И раз так, — значит, и жизнь не ушла: Liebe ist der Affekt das Seins*****

(1 ч. 50 м. ночи)

21 ноября 1936 г.

Все страшной, все грозней — положение в мире. Повидимому, эта «передышка» начинает кончаться. «Или мы пройдем по трупу врага, или враг пройдет по нашему трупу». Таков тезис Гитлера.

Что же, Ленин в свое время это предвидел:

— Либо по советской республике будут петь панихиды, либо по мертвому капитализму.

Будем не только надеяться, но и стараться, чтобы состоялся второй выход из этой альтернативы!

Напряжение во всем мире растет. Фашистские диктатуры — волевые, беспощадные, знающие

* Говорит фюрер (нем.).
Облегчу душу (лат.).
Душа уже облегчена (лат.).
Новая жизнь встала из руин (нем.).
Любовь — это бурная эмоция бытия (нем.).

путь и цель — множат свои силы. Усиливаемся и мы. Совершенно ясно, что решающая битва исторически неминуема.

Задача — в том, чтобы расстановка сил в этой неизбежной битве оказалась наиболее благоприятна или, по крайней мере, наименее

Плакат 1938 г.
*«Чтоб из этой лапы вытал нож,
 Антифашистского фронта силы множь!»*
 Художник А. Черемных.

неблагоприятна для СССР. В свете этой задачи особенно любопытна позиция Франции, Англии. Жадно ловишь каждую весть — из ночного эфира, из печатных листов бумаги... и самому хочется что-то говорить, писать, что-то делать...

(12 ч. 15 м. дня)

25 ноября 1936 г.

У радио-аппарата. Слушаю призывные звуки «Интернационала» — но в непривычном, единственном, историческом исполнении: поет VIII Съезд Советов³¹¹!

Калинин³¹² уже произнес вступительное слово. Сейчас будет говорить — Сталин!

Звонок. Выборы исполнительных органов съезда. Предложение:

— Избрать 29 человек.

Перечисляют людей... Ворошилов... Овация. Энтузиазмом дышит сегодня Александровский дворец. Жданов, Калинин (аплодисменты)...Каганович (овация)... Любченко...еще, еще... Молотов... Рукоплескания пока занимают большую часть времени — так и должно быть... Тов. Орджоникидзе, Петровский, Постышев... Рудзутак... Тов. Сталин! Снова буря, крики, взрывы восторга, гул, неумолкаемая овация.

(5 ч. 30 м.)

Под этот гул, под этот восторг — хочется думать и хочется жить. Хочется, кажется, самому кричать... Сулимов, Хрущев, Червяков... Товарищи, покорнейше прошу вас не шуметь — убеждает председатель. Вот и последний: — тов. Литвинов.

Мандатная комиссия. Председатель — тов. Яковлев. Еще, еще. 22 человека. Принято. Порядок дня. Утверждено. Регламент. Акулов читает пункты. Обычный ритуал.

Сталин. Буду слушать...

(5 ч. 40 м.)

...Можно ли говорить, что наш рабочий класс является пролетариатом в обычном смысле этого слова? Нет, нельзя этого сказать... Это новый рабочий класс, которого в истории еще не было.

...Наше крестьянство является новым, еще небывалым в истории крестьянством...

...Это уже не заскорузлая старая интеллигенция... Теперь она служит народу, потому что нет больше эксплуататорских классов...

Таковы изменения классовой структуры, произошедшие с 1924 по 1936 год. Падают противоречия между социальными группами.

Нац. отношения... Трудные условия... Нужно было создать единое многонациональное государство. Печальный опыт Австро-Венгрии. Опыт построения многонационального государства на базе социализма в СССР удался полностью. Мы имеем теперь многонациональное государство, прочности которого могло бы позавидовать любое национальное государство в любой части света...

Проект новой конституции. Различие между конституцией и программой... Конституция должна зарегистрировать то, что уже добыто и закреплено. Низшая форма коммунизма. Социалистическая стадия развития, таковы исторические рамки нашей конституции в данный момент. Наша конституция опирается на устои социалистического строя. Государственное руководство обществом, т.е. диктатура, принадлежит у нас рабочему классу, как наиболее передовому.

Несколько слов о буржуазной критике проекта нашей конституции. Пять групп критиков: 1). Попытки замолчать проект конституции; форма критики, — правда, смешная и глупая, но все же форма кри-

тики. 2). Проект — не похож на Конституцию; ибо СССР не государство, а географическое понятие. У Щедрина³¹³ — бюрократ самодур, заметивший Америку: «откуда взялась такая страна? говорят, ее открыли несколько веков назад, — нельзя ли снова ее закрыть?» Я думаю, что господа из германского официоза как две капли похожи на этого бюрократа... «Сие от них не зависит...³¹⁴» Потемкинские деревни? — Но: факты, а не обещания. Дуракам закон не писан (бурные аплодисменты). 3). Скептики. «Провалятся». Но провалятся скептики, как они проваливались раньше. 4). «Большевики отказались от диктатуры пролетариата». Расширение базы диктатуры рабочего класса. Эти господа запутались в своей критике и спугали левое с правым. Девчонка Пелагея из «Мертвых душ»³¹⁵. 5). «Проект конституции оставляет все нетронутым». Да, проект оставляет в силе диктатуру раб. класса и господствующее положение коммунистической партии в государстве. В СССР нет почвы для существования нескольких политических партий.

Поправки и дополнения к проекту Конституции. Три группы: 1). Смешивают конституцию с текущим законодательством. 2). Носят декларативный характер. 3) Редакционного характера. И по существу. Нужно сдать в ред.комиссию, которую, я полагаю, выберет настоящий съезд. Предлагают, далее, изменить наименование «государство рабочих и крестьян». «Классы у нас остались, они еще существуют... Конституция не может забегать вперед».

Признаки союзных республик: три признака. Возражения против второй палаты, и несостоятельность: многонациональный характер нашего государства.

Нам нужна стойкость в законодательстве.

Принять поправки: равенство членов союзного Совета и Совета национальностей; прямые выборы членов Совета национальностей;

повысить число товарищей председателя Совета Союза до 11; выделить оборонную промышленность.

Новая Конституция СССР будет обвинительным актом против фашизма.

Конец — 7 ч. 50 м. Заключительная овация.

Итак, исторический доклад о Конституции произнесен. Он выдержан в больших принципиальных тонах. Текущей политики в нем мало. Вопреки ожиданиям, докладчик не коснулся ни международной ситуации, ни Испании, ни троцкизма. Правда, заключение упомянуло о фашизме, указавши тем самым великую, основоположную контраверзу нашей эпохи.

По первому впечатлению, останавливает внимание тезис: диктатура рабочего класса сохраняется, однако расширяется ее база.

И еще: классы у нас еще существуют.

И в то же время конституцией зарегистрирован социализм в нашей стране.

Теоретикам раздолье для раздумья и рассуждений. Будущим историкам — божественная пища. Нам — великое счастье жить в такие дни...

(8 ч. 10 м. вечера)

26 ноября 1936 г.

Основное, характерное и вместе с тем глубоко отрадное — это историческая температура происходящего Съезда Советов. Съезд победы — и в то же время борьбы. Пафос диктатуры — и в то же время демократии. Дух равенства и братства. Демонстрация силы.

Силы нового общества. Силы нашей страны. Исторической силы народившегося социализма.

Увлекательное зрелище — живой, конкретный процесс рождения новой большой эпохи всемирной истории. Увлекательна прихотливая изогнутость путей, захватывающе интересна жизненная ослепленность переходной исторической обстановки. Увлекательна динамика охвата жизненного материала новой творческой, великой идеей.

Активная идея. Активная воля. Высокое принципиальное руководство. Идеократия.

Великая страна. Великий советский народ. Великая культура. Великая русская история.

От каждого по способностям и по труду. Все силы — нашей великой родине, великой нашей революции!

(10 ч. 25 м. дня)

30 ноября 1936 г.

Рассказывают об обстановке эпизода с «Богатырями»³¹⁶, положившего демонстративный конец оплевательскому хамству по адресу нашего исторического прошлого.

Эта пьеса Демьяна Бедного шла раз десять в театре Таирова. И ничего. Говорят даже, сам Керженцев³¹⁷ видел ее. И тоже ничего. Многие, по инерции, похваливали: «здорово это он... действительно, «богатыри»... а как крещение-то? хе-хе...»

Пришел Молотов В. М. на спектакль. Смотрел, все в порядке. По окончании, Таиров к нему —

с книжкой для почетных посетителей. Не откажите, Вячеслав Михайлович, вписать нам на память Ваше мнение.

— Мое мнение? Разрешите подождать до завтра. Через день-два Вы его узнаете — из газет.

И через день-два Таиров узнал, а вместе с ним — *urbis et orbis*^{*}. Таиров — на свою беду, остальные — на великую радость. В самом деле, как не возликовать?.. Да. «В искушениях долгой кары, перетерпев судеб удары...» — восприняла великая наша страна, и, гордая своей историей, своим настоящим и прошлым, бестрепетно смотрит в лицо своему будущему..

(10 ч. 10 м. дня)

5 декабря 1936 г.

Бегают впечатления, мысли, чувства, сны... Бегут дни, месяцы. Жаль, что не дано сосредоточиться, поймать хоть за хвост бегущие наблюдения!

Захватывающе увлекательна эмпирика великой эпохи. Живописна сложная и, зачастую, «противоречивая» динамика бегущих дней. Вдохновенны одинаково ее диалектическая противоречивость и ее диалектическое единство. Историк зафиксировал ее основную направленность, отметит, конечно, и ряд ее деталей. Но консервировать живой и неповторимый *аромат* ее вряд ли ему удастся. Это — дело и долг современников. Но современникам сейчас — не до записей. Тысячи замечательных штрихов и штришков пропадают ежедневно незакрепленными. Газеты наши и литература отражают жизнь в ее магистральной устремленности, но не в органической, всеобъемлющей ее глубине. Газеты и литература причесаны сами и причесывают жизнь.

Но и лохматая, но и неумытая, — наша нынешняя жизнь прекрасна. Прекрасна — огромной, величавой, полной драматизма — и вместе с тем божественной иронии — исторической красотой!

(9 ч. 40 м. утра)

6–7 декабря 1936 г.

Праздник Конституции³¹⁸. Целый день радио-аппарат пылал патриотическим восторгом и социалистическим торжеством. Очередная массовая демонстрация по всей стране. Демонстрация общегосударственной солидарности и социального братства.

Хорошо! Отрадно. То, что нам недоставало, за что нас презрительно третировал Дюги³¹⁹: мы не были *нацией* в смысле концепции, которая требует от нации наличия общенародного сознания единства и целокупности. Когда-то я оспаривал Дюги, готов и сейчас признать, что он неправ по отношению к нашему прошлому. Но вместе с тем — ясно: только теперь, только в последние годы поднята и встряхнута, как следует, активность масс, вдохнута в них некая элементарная, но зато и четкая сознательность. Самосознание целого.

Искусство власти. В каком совершенстве владеет им наш ведущий слой, наша партия! Править такой страной, как наша! Да в такое время! Да еще в таком плане, как наш, идущий наперекор всему буржуазному миру, т.е. всем государствам нынешнего мира! — Гигантская задача. Нечеловеческий труд! Несравненная смелость!

Казалось бы. А посмотрите, как «просто» это выходит у нас. Гладко, «естественно». Даже сразу не заметить всего замечательного мастерства, тут необходимого. Съезжаются доярки, Макар Мазай³²⁰, Алексей Стаханов избираются в редакционную комиссию для выработки окончательного текста Конституции, выработывают его совместно во всех уголках страны.

«Каждая кухарка должна управлять государством»³²¹. Общее дело. «В ранце каждого солдата — маршалский жезл». Макар Мазай — это великолепно: это «репрезентативно», как сказал бы Кайзерлинг, Ортега³²² *et tutti quanti*^{**}. *Massenmensch*^{***}

И в то же время — конкретный символ волевого упора, персонификация государства, персонификация социализма, воплощение нового плана бытия и сознания:

— Сталин!

Это организующее, гипнотизирующее имя — имя лозунг и имя личность — есть логический, исторический и социальный фатум. Удавшаяся революция — великая революция! — да и в такой стране, как наша, многонациональной, да еще с народами, привыкшими мыслить конкретно, должна получить явственное, осознанное, конкретное возглавление. И счастье — что она его получила! В самой удаче ее — творится ее сегодняшний лик.

Пусть это обстоятельство приводит в смущение, а подчас и в ярость кое-кого из «старых большевиков», диалектически превращающихся в контр-революционеров³²³; пусть оно вызы-

* Ко всеобщему сведению (правильно — *urbi et orbi*) (*лат.*).
Поголовно все (*лат.*).
Людские, человеческие массы (*нем.*).

ваает привычно кривые улыбки у перманентных скопцов нашей горе-интеллигенции; оно не становится от этого менее необходимым и менее провиденциальным. Страна наша — не Дом ученых у Мертвого переулка³²⁴, а механика государственной власти Евразии в критический час всемирной истории не управляется рефератом по английскому конституционному праву доброго старого стиля. Да, нужен талисман, нужен — Сталин, СТАЛИН³²⁵, чтобы привести в действие все эти поршни, клапаны и пружины, эти людские системы систем, призванные спасти, перестроить, возвеличить наше государство и завоевать, утвердить, распространить социализм! Многомиллионный Макар Мазай и единственный, несравненный, любимый Сталин — понятия соотносительные. Соотносительные и организационно, и политически, и исторически. Кто этого не понимает или не «принимает», тому нет места в царстве современных реальностей и, кроме того, — «тот не любит отчизны своей!»

Черт возьми, разве не ясно, что страна совершала небывалый, невероятный исторический прыжок вперед и что сейчас приходит в равновесие на новом месте. Опаснейший момент! Этот прыжок вывел весь мир из равновесия, и ныне либо мы создадим новое равновесие в мире, либо... даже не хочется и говорить о второй возможности альтернативы.

Alea iacta est*. Нет уже выбора. Ныне патриотизм неразрывен для нас с большевистским интернационалом. Самое бытие нашей родины неотделимо от ее мировой позиции. Вот почему нужно, если случится, умереть в Испании и за Испанию Красного фронта, за советский Китай³²⁶ и т. п., понимая, что тем самым умираешь за свою страну, за ее историческую судьбу, за ее будущее, за ее творческий Логос³²⁷. Умирать — рядом с Мазаями — под стягом великого Сталина!..

(2 ч. ночи)

8 декабря 1936 г.

День рождения. В Москве; домой, в Лосинку, не поехал. На душе — горечь одиночества. Грустно. Вечером — в Большой Театр, на «Кармен». Ее музыка — исчадие, гнездо, рассадник реминисценций. Калуга, студенчество, Харбин.

Хороший день сегодня, легкий морозец, туман слегка, сизо-голубое небо. На Театральной площади³²⁸ — нарядно, бодро, хорошо. И фон — тихая душевная горечь. Один.

Жизнь. Опыт жизни. В сущности, основное в жизни теперь — именно «опыт». Как это там, давно, у Соловьева: «О, боги вечные! Возьмите

мой горький опыт и верните / Мне силу первых вешних гроз!»

Unmöglich**. Да нет, пожалуй, и unnutzlich***. Больше того: unwunschlich****. Не нужно. За опыт уплачена целая жизнь, — зачем же его отдавать... хотя бы за вешние грозы!

Всему свое время. Нечего бунтовать, прибегать к парикам или хне. Бери, что дают, — обед в Доме Ученых, мемуарную «Кармен», эту терпкую горечь одиночества в окружении близких людей. Бери и, как воспитанный опытом человек, говори — «спасибо».

(4 ч. 45 м. вечера)

14 декабря 1936 г.

Опять — проблема политической статьи. Пока я слушал «Кармен» — позвонили из редакции «Известий». На следующий день — опять. Насчет статьи о Конституции. К сожалению, праздничный номер вышел урезанным, в четыре полосы, и, мол, моя статья не смогла в него войти. Будет очень хорошо, если я напишу вторую статью, частично использовав для нее материал первой. Нужна публицистическая статья.

Ну, что же, отлично. И эти дни — писал. Вышла статья под заголовком «Самопознание социализма»³²⁹

* Жребий брошен (лат.).
Невозможно (нем.).
Бесполезно (нем.).
Нежелательно (нем.).
Превыше всего (нем.).

Мне кажется, получилось «нормально»: статья-статьей. Трудно было писать, по обыкновению и даже сверх обыкновения. Вчера отвез ее в редакцию. Обещали дня через два-три, после ознакомления, позвонить. Подождем.

Не пройдет — отложим публицистику в сторону. Специфического литературного честолюбия у меня как будто почти не осталось. Полезно — пожалуй, я готов. Но самому протискиваться, проявлять инициативу — нет, не стану. Дисциплина, организованность — uber Alles*****. Недаром прожита жизнь — и в какое время.

(10 ч. утра)

16 декабря 1936 г.

Ну, оглянемся, передохнем. Посмотрим на себя. Как живется? Чем человек жив?

Да что ж, — ничего. Что может быть любопытней жизни вообще, жизни мыслящей в частности, жизни нашего времени в особенности?

Однако, если взглянуть вблизи, жизнь полна будней: пять будних дней на один праздник. А будни полны заботами, малыми делами, мелкими заботами дня.

Старость: вот факт, все неотвязней о себе напоминающий. Старость, переплетенная с болезнью. От болезни никак не могу, как следует, вылечиться, ну, а старость, по свидетельству опыта, заведомо неизлечима.

Маленькие заботы: то экзамен по «правилам технической эксплуатации» железных дорог (путь, станция, сигналы, подвижной состав), то записки, отчеты, протоколы по кафедре — и вечно: зубрежка цифр, названий, возня с картами — для эконом-географического курса. И вот изредка — праздничные взлеты родной публицистической стихии: как кажется, для редакционной корзины *par excellence**. Две больших статьи для «Известий».

(8 1/2 ч. вечера)

17 декабря 1936 г.

Нечего греха таить: акция «Известий» в какой-то мере меня вывела из состояния тихого равновесия. Публицистика для меня, несомненно, есть ОВ — отравляющее вещество. Написать «кровью сердца и соком жил»: это не профессия, это — страсть.

К чему эта акция? Неужели и впрямь мое имя способно появиться на столбцах руководящей советской прессы?! *Invraisemblable*** Но тогда зачем же — повторная, вторичная акция? Нужно думать, люди действительно меня втягивают, не прочь втянуть в хорошую работу. Значит, дело за «высококачественной статейной продукцией»?

Писал, как мог, «держа голову холодной, а сердце горячим». Но... *la plus belle fille ne peut donner que ce qu'elle a**** Передавая статью, просил товарища Горелика³⁰ (так?) откровенно высказать критические замечания. Он ответил, что прочтет статью, посоветуется с товарищами и денька через два, через три позвонит мне. Сегодня — четвертый день...

Жаль, что разговор происходил бегом, по телефону. Я хотел бы сделать маленькую персональную декларацию. Именно, хотел попросить, чтобы статью печатали только в том случае, если редакция признает ее политически безукоризненной. Больше всего опасаясь я публичной враждебной «проработки» статьи после ее напечатания. Если возможность такого казуса не исключена, ни в коем случае не следует печатать статью. Я так ценю свою жизнь на родине, свое легальное положение, свою позицию ни в чем не заподозренного советского гражданина, что не хочу подвергать все это риску ради литературного честолюбия, мне уже чуждого. Если статья сама по себе подходяща, я ничего-де не имею против того, чтобы она пошла под псевдонимом. Никакого желания выпячивать свое «имя» у меня нет.

Теперь мне всегда бывает приятно, когда его перевирают:

— Как вы говорите? Кустрялов? Устряев?

Отлично. Уйти в массовую неизвестность и в почетной массовой неизвестности тянуть наш общий, наш советский воз. Выполнять заданную работу на заданном участке. Подавлять беспощадно «но-стальгию индивидуального», поскольку она не укладывается в заданный участок, заданную работу. Если поэтому из-за строк заданной мне статьи непрошено высовываются неуместные когти или уши, — в печку такую статью, в яму, в корзину! Нет у меня когтей, а уши... Эх, страничка кончена, и об ушах поговорим когда-нибудь в другой раз...

(1 ч. 45 м. дня)

18–19 декабря 1936 г.

Именины. Маленький «бал» в Лосинке, передвинутый на день раньше из-за выходного дня. Чай, ужин, беседа друзей, спутников первой, второй и вот уже третьей жизни.

Именинный подарок: сегодняшний номер «Известий» с подвалом «Самопознание социализма». Напечатали целиком и полностью. С тремя-четырьмя небольшими поправками.

Большая политическая статья на страницах советских «Известий»! Хочется протереть глаза:

— Что это? Не сон ли?

Нет, не сон. Явь. Волнующая и почти головокружительная. Поистине, — *es schwindelt*****!..

Со стороны видней. Но могу еще раз себе признаться: писал, не кривя душой и не малодушествуя. Кровью сердца и соком жил. Хотя и не без участия ума.

«Подошло»? Декабрь 1936. Неужели и впрямь я «имманентен» вполне, по-настоящему, великому советскому государству и его идеоправительнице? Если б так!..

* По преимуществу (*фр.*).
Невероятно (*фр.*).
Самая красивая девушка не может быть красивее, чем она есть (*фр.*).
Это головокружительно (*нем.*).

Однако, статья-то в самом деле глядит со страницы «Известий». Это — «не обещание, а факт». Пошла и пошла, — но вот как еще пройдет? Будь, что будет.

(2 ч. 20 м. ночи)

20 декабря 1936 г.

Отмечу поправки, внесенные редакцией в мою статью:

- 1). На пятой колонке, в конце второго раздела. У меня было сказано: «советский вооруженный гуманизм». Слово «вооруженный» редакция пропустила (выкинула). Мотив понятен: не дразнить гусей.
- 2). На шестой колонке, конец предпоследнего абзаца. У меня было сказано: «великим актом самопознания и самопроверки». Слова «и самопроверки» редакция выкинула.
- 3). На последней колонке, конец первого абзаца. У меня было сказано: «патриотизм зоологический, бестиальный» etc. Слово «патриотизм» редакция заменила словом «шовинизм».
- 4). Последний абзац статьи. В первой фразе абзаца редакция вставила слова «еще больше». Мотивы ясны: Сталинская Конституция — уже и сейчас оказывает влияние в различных сферах нашей жизни.

Опечатки:

- 1). Первая колонка, третий абзац. Напечатано: «Они есть». Нужно: «Она есть».
- 2). Пятая колонка, первое слово пятого абзаца третьего раздела. Напечатано: «Великая». Нужно: «Велика».
- 3). Последний абзац статьи, третья строчка от конца. Напечатано: «межой». Нужно: «Метой».

(11 ч. 15 м. дня)

26–27 декабря 1936 г.

По дороге из Института зашел в кино-хронику на Страстной площади³³¹. Нахожусь под впечатлением мадридских картин. Ужас. Бытовой ужас. Историческое величие. Эпизоды мировой революции, в которую человечество по существу уже въехало. «Второй тур войн и революций».

*Страстная
площадь.*

Что-то нас ждет впереди?..

По дороге в Институт, на площадке трамвая размышлял о реальной демократии и позитивной свободе — темах последней моей статьи. И на траверзе Университета³³² пришел в голову термин: телеократия. Власть цели. У нас властвует именно цель: строительство социализма. Этой цели все подчинено — и Советы, и партия, и сам вождь. Цель — правительница.

Это лучше, чем «идеократия» евразийцев, отдающая чем-то «идеалистическим», интеллигентским. Наше государство пронизано целеустремленностью: «ясность цели, настойчивость в деле достижения цели и твердость характера, ломающая все и всякие препятствия». Позитивная свобода есть свобода в цели. В противовес демократии формальной, лицемерно нейтралистской — демократия реальная, телеократическая. Le mot est trouvé!^{*}

(1 ч. ночи)

29 декабря 1936 г.

Приятные письма — оба на редакцию «Известий», и пересланы оттуда. Одно — от старого профессора Голубова³³³ из Ялты, знавшего папу, маму, дядю Андрея³³⁴, другое — от проф. Сырцова³³⁵, бывшего коллеги моего по Перми. Оба приветствуют тепло и душевно мое «Самопознание социализма». Повидимому, и впрямь удалось мне затронуть какие-то хорошие струны у этого типа людей. Может быть, это и естественно: все-таки статья написана «кровью сердца и соком жил»...

Отзыв партийца из Наркомюста:

— Некоторые мотивы статьи, конечно, не наши, но что же из этого? Нельзя же и требовать, — он же не коммунист...

А. З. Айзенберг всецело признает удачу статьи, но отмечает душок чуть-чуть, по его мнению, чрезмерной акцентировки авторитарности власти: «волевая, твердая» — это хорошо, но не слишком ли это у меня подчеркивается?

Не думаю, что чересчур. По-моему, в меру, но меньше сказать об этом было бы несоответственно ни реальному, ни идеальному плану статьи... и существа дела. Ну, как бы то ни было, «еже писах-писах»...

(11 ч. 15 м. вечера)

PS. Читал сегодня в МИИТе лекцию по курсу экон. географии (электрификация СССР).

31 декабря 1936 г.

У порога нового года. Уже второй новый год — на родине. У пристани.

«В тихой гавани — все корабли...»

Прежде, бывало, это — новая мета на восходящем пути. Подведение итогов, формулы планов. Сейчас — совсем, совсем не то, не так. Сейчас — настроение даже не пятого акта, а эпилога. Однако, без полета острого трагизма. Скорее, напротив. В основном, спокойное сознание посылно исполненного долга. И готовность, если нужно и если придется, жить в духе того же долга и дальше. Вячеслав Иванов³³⁶ назвал меня когда-то «эпиком», чуждым трагическому мироощущению. Тогда я был молод и в свите³³⁷ Е. Н. Трубецкого воевал против концепции трагического иррационализма Флоренского—Булгакова—В. Иванова. Как это все далеко-далеко, как это все давно-давно!..

Трагическое мироощущение, мирозерцание. Потом я ему отдал дань — и в жизни, и в мысли. («Проблема прогресса»)³³⁸. Но, быть может, в основе, в корне Вяч. Иванов прав. «В конечном счете» всегда жило во мне некое сверхлогическое убеждение, что «всё благо». Могучее влияние Гегеля? Религиозный фундамент детских лет?

Это — осталось. Это пронесено через всю жизнь. Думаю, это уйдет со мною и в могилу.

...Детки спят. В половине двенадцатого их разбудим, и вместе, семьей, встретим Новый год. Бутылочка Абрау-Дюрсо, крушон из бутылки белого вина и банки калифорнийских фруктов, еще уцелевших с Харбина. Чего же еще? Что еще надо?

Ничего. Спасибо за счастливую, спасибо за интересную и — кажется, можно сказать — достойную жизнь. Если придет пора, когда родная страна потребует тех или других «жертв» — всегда готов.

Какое счастье, что не оторвался от нового, молодого мира, и в то же время не ощущаю необходимости в каком-то лицемерии, в тягостной фальши перед самим собой!

...Вот уже сейчас одиннадцать часов, нужно накрывать новогодний стол, потом будить деток. Музыка у нас, музыка в соседних квартирах, гармония нового года, новогодней ночи...

(10 ч. 56 м. вечера)

* Определение (термин) найдено (*фр.*)

4 января 1937 г.

Сегодня — снова вещий стук в дверь. От «Известий». Записка — от зав. отделом литературы и искусства:

— Нужна статья о Пушкине.

Пушкин в истории русской интеллигенции. Либо: — Пушкин в русской национальной культуре.

Желательно — к 15 января. Газета замышляет пушкинский месяц. Большой юбилей³³⁹

Опять боевая музыка в ушах старой полковой лошади!

Только что уселся за стол и принялся за конспект экономгеографической лекции:

— Концентрация превращает конкуренцию в монополию.

А тут — «веселое имя Пушкин!» Панорама ста лет! Русская национальная культура!!

Словно хор ангелов в первом акте «Фауста»³⁴⁰. И нет уже чаши с ядом... то бишь экономгеографического конспекта... И кружится голова, и проносятся райские видения.

Что за несносный, отпетый, мальчишеский нрав!

(4 ³/₄ ч. дня)

20–21 января 1937 г.

Эти две недели — сплошное мучение над пушкинской статьей³⁴¹. «Муки творчества» — в подлинном смысле.

Так трудно, так бесконечно сложно! Что сказать о Пушкине?! Чтобы и содержательно, и читабельно, и в какой-то мере свежо. Как трудно дается мне мой слог, мой «стиль»³⁴²! Люди не верят, что «поту» в статьях моих гораздо больше, чем «таланта». Самый «талант» — в трудолюбивой преданности технике письма. Не помню, кто это из наших больших людей сказал, что «работа над формой есть дело благочестивое»...

Нет, но на этот раз было как-то особенно, как-то даже необычно трудно. Рождение в муках. И в результате — не полное удовлетворение. Статья без выразительного названия, статья с неудавшимся концом. Не хватило сил. Но, в общем — сносно.

Отнес 17-го вечером в редакцию, продиктовал машинистке, оставил секретарше. Изгоева³⁴³ не застал. Что из этого получится? Пока места в газете нет: съезд Советов, а 23-го начинается процесс «параллельного троцкистского центра»³⁴⁴ — Пятакова, Сокольников, Радека, Серебрякова и др...

(12 ч. 45 м. ночи)

21 января 1937 г.

Вчера поздно вечером позвонил Коровин и сообщил, что умер Л. В. Успенский, от воспаления легких, осложненного еще какой-то жестокой болезнью. Кажется, сегодня похороны; надо справиться в Правовом Институте.

Бедняга! Видел его за это время всего лишь один раз; приходил он ко мне в прошлом году на Хохловский³⁴⁵. Постарел как-то безобразно, пухло потолстел, но в субстанции остался все тем же Леонидом Васильевичем, смешным, нелепо талантливым, философом милостью божией и в то же время житейским хитрецом из поповичей, — тем же Успенским прежних трубецких лет. Рассказывал о Камчатке, откуда только что тогда вернулся с полным карманом червонцев, высматривал себе дачку под Москвой — и по-прежнему цитировал новейшие немецкие философские книжки.

Помер. Первый из нашего университетского гнезда. Чей-то за ним черед? И так сказать: всемо свое время.

Пойти бы отдать «последний долг». Но ведь «мы ленивы и нелюбопытны». Опять же, нужно ехать на вокзал, купить билет в Калугу: хочется съездить на праздники.

(9 ч. 35 м. утра)

22–23 января 1937 г.

Ночь. Радио откуда-то издалека изрыгает нечто певучее, теноровое. Написал смаху статейку для курортной газетки — так, шалости пера, мимолетный червонный клёв (через кафедру экономгеографии): «Бурят-Монгольская АССР». Кроме того, списал сегодня на машинке статью П. А. Трейтера, старого моего калужского учителя истории; отвезу ему. Интересный старик — не утратил способности к размышлению и, что особенно отраднo, к гибкой мысли: с искренним сочувственным вниманием следит за нашей эпохой, за советской историей, хотя сам живет в нищете и незаслуженном пренебрежении.

Хочу завтра съездить в Калугу. Заказал билет по телефону, обещали оставить. Калуга, зима, наш дом, Ruinen...

...Мысли лениво и легко катятся в мозг, словно на коньках. Редко теперь случаются такие воль-

Рабочие кондитерской фабрики «Красный Октябрь» на митинге трудящихся Москвы на Красной площади 30 января 1937 г.

готные моменты — надо ловить их. Но когда они приходят, совсем не знаешь, как их «поймать»... Вот хотел записать что-то определенное, предметное, а этот «скотинг-ринг»* в голове помешал... Рассеянное состояние. Бывают такие летние дни с рассеянным светом. Солнце за легким, не густым, но сплошным покрывалом серых облаков.

(1 ч. ночи)

29 января 1937 г.

Только что приехал из Калуги. Еще темно: предутренний час московского января. Допишу эту страничку — и поеду в Лосинку, домой.

Опять и опять — Калуга. Родной дом, мама, любовь. Мир тишины, деталей, микрокосм, правда, возмущенный непосредственным дыханием макрокосма: радио. Но все-таки, в основе — жизнь человека в натуральную величину. Или — под микроскопом?

Холода, и в комнатах холодно. Для тепла горят керосиновые лампы, шумят примусы. Но все же холодновато и изо рта выдыхается обильный пар.

Старухи. Четыре старухи за преферансом. Вместе им за 300. И каждая — целый мир, прекрасный, как жизнь.

Люблю беседовать с мамой. Теперь для меня это одна из первейших жизненных отрад. Аромат родного гнезда. Вот что такое — «пенаты и лары»³⁴⁶. Беседуешь, слушаешь — и хочется одновременно плакать, смеяться, улыбаться, и терпкие волны нежности заливают грудь. Спасибо, спасибо, что привелось дожить до свидания с ней!

(7 ч. 40 м. утра)

30–31 января 1937 г.

Приговор по делу троцкистского параллельного центра. Из 17 подсудимых 13 осуждены на смерть. Среди четырех счастливых — Радек и Сокольников: по 10 лет тюрьмы.

Сложные переживания. Хотя гибель этих людей диктуется логикой истории, при вести о Радеке и Сокольникове ощутил искреннейшую радость. Что это: интеллигентское слюнтяйство? уважение, — отвлеченное, цеховое — к «уму», к «таланту», к знаниям? вера, что эти люди способны всерьез исправиться и пригодятся родине? — Во всяком случае, должен сознаться: когда диктор объявил, что эти двое останутся живы, органически ощутилось душевное облегчение.

В 5 часов — митинг на Красной площади: привет приговору суда³⁴⁷. В комнату из радио-ящика неслись чувства миллионных советских масс. Гнев, ненависть к врагам, негодование. Шум, гул приветствий, музыка. Энтузиазм. Свобода. Социализм.

...Легкий поворот радио-рычажка — и снова шум, гул, приветствия, ура, восторги. Откуда это? — Берлин, Фридрих-штрассе³⁴⁸. Четырех-

* От англ. «skating-ring» — круглый ледяной каток, здесь — основанное на фонетике — значение «скотский круг».

3 февраля 1937 г.

Заходил вчера в «Известия» — посмотреть статью, просмотренную и проредактированную редакцией. Встретился с тов. Изгоевым, редактором отдела литературы и искусства. Хорошо его помню по Харбину, где мы были в течение, должно быть, года или двух коллеги по «Новостям Жизни»³⁴⁹. В частности, припоминаю его большую критическую, полемическую статью в ряде номеров газеты — о моем «Итальянском фашизме»³⁵⁰. Подписывался он тогда «Момус». Это было году в 27-м. Затем он приезжал еще раз в Харбин уже после советско-китайского конфликта 30 года³⁵¹ и, помню, делал у меня на квартире (Соборная ул.) сообщение о колхозах. Производил всегда впечатление толкового журналиста.

Сообщил, что статья моя о Пушкине должна быть напечатана в ближайшие дни. Редакция исключила две фразы — в случае напечатания статьи выпишу их на этих страничках. Редактор, однако, еще не читал статьи, — читал ее зам. редактора. Некоторые товарищи оспаривали кое-какие мои тезисы. Значит, о «принятии» ее можно будет говорить только после напечатания.

Внес в нее несколько исправлений стилистического порядка.

(9 ч. 20 м. утра)

6 февраля 1937 г.

Неприятная весть на службе. Айзенберг в любезной, дипломатичной форме сообщил, что мне не придется читать курса в наступившем весеннем семестре. И дал понять, что эта неожиданная перемена произошла в силу общего положения, властно предписывающего «бдительность». Несомненно, инициатива veto** исходит не от Айзенберга, а откуда-то со стороны или сверху.

Грустно. Вот уже год готовился — и снова без академической работы. Положение становится явно фальшивым. «Числиться» — а не «быть». До поры, до времени «терпеться» — так, что ли? «Чуждый элемент». В зоне «бдительности». Да, грустно, даже тяжело (нечего таиться).

Помню, Энгельфельд³⁵² в Харбине ехидничал:

— Вы-то к революции лицом, да она-то к Вам задом!

Рок прошлого. Наследие собственного вчерашнего дня. Что же делать? — Что бы ни было, весь и целиком я — вместе с революцией, родиной, независимо от их отношения ко мне. Fais ce que doit...***

(1 ч. 40 м. дня)

10 февраля 1937 г.

Тяжелые дни для меня — в Институте. Курс, мне предназначавшийся, ускользнул в другие руки. Накануне 7 февраля мне сообщил об этом Айзенберг. Затем, на следующий день, он же сообщил, что вообще, я оказываюсь лишним на кафедре экономической географии, а следовательно и в Институте. Эта информация, нужно признаться, была достаточно угнетающая, хотя она преподносилась в отменном нарядных пилюлях. У нас установились с А. З. Айзенбергом прекрасные отношения. Тем огорчительнее было узнавать от него столь неприятные вещи.

Я сказал, что поговорю с Начальником Института. Мой собеседник горячо поддержал это решение. Я решил это сделать немедленно же. Но, зайдя в приемную, узнал, что Начальник занят на совещании, которое продлится больше часа.

Это было вечером, часов в семь, третьего дня. Из приемной я зашел в диспетчерскую и позвонил в редакцию «Известий» — узнать о судьбе пушкинской статьи. Секретарша Изгоева Пава ответила: «Ставим ее назавтра». Сказал ей, что заеду посмотреть гранки. «Заезжайте».

Отправился. На месте выяснилось, что нужно сократить статью на 73 строки, так как она не влезает в уготованное ей место. Какой неблагодарный труд, какая тягостная ампутация!

Черкал, кромсал — с чувством досады и отвращения. Наконец, выкинул 71 строку. По просьбе редактора странички, заменил заглавие: нужно было, чтобы в нем не было «Пушкина», ибо этим именем была озаглавлена вся страница. Ушел, разумеется, в полной уверенности, что завтра статья появится.

На другой день развертываю газету, — статья исчезла, и на ее месте — отрывки из пушкинской «Истории Петра»!

* Факельное шествие (нем.).

Запрещаю (лат.).

Делай то, что должно (следует)... (фр.)

Беда не приходит одиноко. Пришла беда — открывай ворота. И в хвост, и в гриву. Возвращаюсь к Институту. После ночи,

проведенной весьма тревожно, еду в Институт. К Начальнику. Но еще до этого, ранним утром, пишу на всякий случай письмо Л. М. Кагановичу. Заранее уверен, на основании слов Айзенберга, что Начальник даст мне сразу же чистую отставку. Витают мысли более «глубокого» порядка: видно, такова общая установка. Вероятно, есть какие-либо высокие директивы, и А. З. даже намекал на их наличие. Ну, что же, всегда готов.

Еще перед отъездом из Харбина говорил, что если для блага родины потребуется моя «жертва», понадобятся и мои «кости» — роптать не стану никогда. Но, конечно, грустно. Грустно, что служить родине приходится не разумом, не знаниями и опытом, а «костями».

Итак, иду к Начальнику Института. Ефим Иванович Медков. Молодой еще (35 лет) инженер, всецело дитя революции. Кончил наш Институт, три года прожил в Америке, молодец. Человек воли, новый человек в полном и хорошем смысле. Это уже не из тех, кого называли: «хоть сопливенькие, да наши». Это — «всецело наш и отнюдь не сопливенький». Крепкий большевик, твердый администратор, деловой, знающий инженер³⁵³.

Беседа с ним носила вполне сердечный, можно сказать, характер. Я выразил свои огорчения, сообщил о фальшивом положении, в какое попал, и не скрыв своего беспокойства: очевидно, налицо политическое недоверие?

Он рассеял мои тревоги. Никакого политического недовольства мною нет. Напротив, линия моей работы в Институте политически правильна. Но есть технические трудности. Часов экономгеографии отводится мало, и наличные силы кафедры используются недостаточно. Но, во всяком случае, нет и речи о моем отчислении среди учебного года. Посмотрим летом, прикинем, — там видно будет.

Ушел я от него успокоенный, но, конечно, не совсем. Что же произошло, в самом деле? Почему не дали мне намеченного курса? Очевидно, был какой-то отвод. Парторг? Партком? Или извне? — Все это для меня тайна. И, нельзя не признаться, грустная тайна.

Ночью, до беседы с Медковым, набросал на всякий случай обращение к Л. М. Кагановичу: *ultima ratio**. Но теперь, к счастью, его можно спрятать себе на память, не прибегая к нему. Начальник Института не поддержал заведующего кафедрой. Какова тут подлинная роль последнего? Неясно мне это. Я очень был расположен к тов. Айзенбергу и полагал, что он тоже относится ко мне хорошо. Даже и сейчас не вполне в том разуверен. Так в чем же дело? — Вопрос исторический *par excellence***

В сегодняшнем номере «Известий» напечатана пушкинская моя статья. Это приятно. Жаль только, что она исковеркана сокращениями. К моей операции редакция прибавила еще две досаднейших, хотя и мелких купюры.

(весь день)

14 февраля 1937 г.

С досадой размышляю об исковерканной пушкинской статье. Обидно. Нельзя возражать против правок принципиального порядка: это право редакции (разумеется, с согласия автора). Но *вивисекция по узко техническим основаниям*, по соображениям метража — это же курьез, это недостойно ведущего органа печати!

Правда, я мог решительно отказаться от этой операции, и, пожалуй, напрасно не отказался. Лучше вовсе снять статью, нежели ее уродовать. Но в тот вечер был я чересчур удручен грустной историей в Институте, чтобы мыслить вполне здраво. Кроме того, в редакции не было Изгоева, с которым можно было бы поговорить на эту тему всерьез. И, опять-таки по причинам случайным (все тот же казус в Институте), мне хотелось видеть статью напечатанной, и притом возможно скорее.

С *тяжелой болью* в сердце принял я за сокращение. Каждый абзац, каждая строчка исчезали трудно, чадно, тоскливо. Платон говорит в «Пире»³⁵⁴, что наши духовные дети почтеннее детей физических.

Статьи мои, дающиеся мне всегда в муках, несомненно, ощущаются мною в подлинном смысле, как духовные дети. Каждая «большая» статья — есть своего рода художественное произведение. Это нечто вроде стихотворения в прозе, нечто вроде, скажем, статуи для скульптора. Все там продумано, проверено, прилажено, все пропорции соблюдены, слова подобраны. Все рассчитано на соответствующее восприятие читателя.

И вдруг:

— Необходимо сократить на 73 строки!

Варварство. «Сократить статью на аршин». «Выкинуть десяток строк из стихотворения». Ерунда. Конечно, статья вышла исковерканной, изуродованной.

Но мало того. Помимо меня, к ней приложили руку еще дополнительно какие-то технические работники из редакции. У меня: «Всякое оп-

* Последний, решительный довод (*лат.*).
По преимуществу (*фр.*).

ределение есть отрицание и ограничение. Существо пушкинского духа есть утверждение и беспредельность».

Работники, чтобы сберечь еще одну строку, выбросили слова «и беспредельность». Строка была выиграна, но энтелехия абзаца убита наповал.

У меня: «...В этом смысле можно сказать, что Пушкин не проблема: он — аксиома. Самоочевидность культурно-национального сознания».

Чтобы сберечь еще одну, 73-ю, строчку, работники выкидывают поясняющую, завершающую, увенчивающую фразу «самоочевидность культурно-национального сознания». Строчка оказалась выигранной, но абзац обезглавлен начисто.

Мне самому пришлось изъять немало переходных, связующих, скрепляющих фраз, не отнимающих у статьи ее основной мысли, но необходимых для ее художественной, а следовательно и логической цельности. Могла ли после всего этого получиться хорошая, не ухабистая, не кособокая статья?

Конечно, внимательный и грамотный читатель это замечает сразу. Соответствующие отзывы уже до меня доходят. Так немудрено загубить литературную репутацию. Ясно, что придется отсюда сделать практические выводы.

(10 ч. 15 м. дня)

14 февраля 1937 г.

На днях в метро встретил старинного университетского товарища *И. И. Савостьянова*. Гляжу, будто он. Вижу, и он в меня всматривается. Вместе поднимаемся у Кировской³⁵⁵. Подходит ко мне и говорит:

— Удивительно знакомое что-то лицо!

Я немедленно отозвался:

— Иван Иванович?

Да, ох. Поговорили. Остро вспомнились далекие дни. Был он филолог, философ, очень талантливый, прекрасный стилист. Писал о Шеллинге. Лопатин³⁵⁶ очень ценил его.

Жил он на берегу Москвы-реки в Мамонтовском подворье³⁵⁷. Занимал отличный номер. Владельцы подворья приходились ему какими-то родственниками. Ходили мы к нему играть в винт. Знал я его через И. С. Веревкина, с которым он водил дружбу, перемешанную с размолвками. Потом он куда-то исчез. Веревкин сообщал, будто он опустился и занимается только тем, что играет на бильярде с маркерами... Я его считал умершим.

Оказывается, нет. Жив и даже перевел Тютчева на немецкий язык стихами. И поигрывает в бридж. Приятно было встретить еще одну тень невозвратного прошлого...

(3 ч. дня)

16 февраля 1937 г.

Став фактически безработным, невольно поддаешься напору праздных мыслей: было бы болото, — черти найдутся. Была бы праздная голова — размышления найдутся: природа не терпит пустоты. Что думает экс-профессор политических наук, когда ему нечего делать? *Разумеется, размышляет о политике!*..

Процесс троцкистского параллельного центра со всеми параллельными ему явлениями. Какой удобный предмет для размышлений! Великое драматическое действие, достойное строк Шекспира, звуков Вагнера, кисти Давида³⁵⁸.

Кисельному сердцу интеллигента — несравненный повод уйти в пятки. Политический ум обретает, напортив, благодарнейшую среду для самопроверки и консолидации. Историк — головокружительное раздолье: история — вот она, на блюде, со всеми приправами. Остается только жевать.

Впрочем, пожалуй, не совсем так: истинный историк не мыслится вне архивов. А тут — история в свежем виде, *au naturel!* Приправы — да, но не из пыли веков...

История — современность. «Узловые этапы». Да, нечто гигантское, напоенное судьбой. Schicksalschwer**

(4 ч. 15 м. дня)

17 февраля 1937.

Внезапно пал Пашуконис³⁵⁹, долголетний фюрер нашего правового фронта, гроза «буржуазных» юристов, нещадный утеснитель ересей. Еще одно великое падение.

* В натуре (*фр.*).
Изощренная каверза (*нем.*).

Повидимому, это была на редкость несимпатичная фигура. Я лично отстоял от нее вполне далеко, но от наших ученых юристов прихо-

дилось нередко слышать это имя, произносимое всегда с не оставляющими сомнений интонациями. С ненасытной хищностью выискивал он сучки в глазах ближних., а вот *теперь взоры НКВД*³⁶⁰, как видно, вскрыли немалое бревно в собственном его глазу. Ближайшие его сотрудники, еще вчера поклонявшиеся ему, сегодня его величают не иначе, как «гадом». Поговаривают, будто вскрыты чуть ли не шпионские его связи. Чудеса!

*Но что нам Гекуба*³⁶¹? Гораздо существенней — результаты этого падения. Скажутся ли они в области нашей советской юриспруденции и, в частности, нашего правового образования? Вот уж действительно, один из наиболее «отсталых участков»! Хотелось бы надеяться, что ликвидация руководившего им вредителя благотворно отзовется на всех точках этого большого и важного фронта.

(10 ч. 25 м. дня)

18 февраля 1937.

Вчера наша институтская кафедра решила выпустить до окончания учебного года два «бюллетеня» (нечто вроде журнальчика)³⁶². Мне поручено написать статью «общего» характера. Наметил тему: — Активная география.

Либо: — География социализма.

Надо будет позаняться. Статья, примерно, в половину печатного листа. Напечатают ли? Впрочем, бюллетень будет печататься на стеклографе. «На правах рукописи». И в небольшом количестве экземпляров. Но хорошо, что все же в какой-то степени загасится это тягостное сознание своей ненужности, отстраненности от жизни. Нелегко чувствовать себя «лишним человеком» в наши дни, когда, казалось бы, каждому найдется вдоволь дела!

Хочется уйти по горло в деятельность — только бы не быть лишним в нашу пору, в исторический час, когда решаются судьбы нашей великой страны, нашей великой революции. Хочется вполне, до конца стать своим в рядах советских людей, советских патриотов, и тягостно переносишь свою постыльную изолированность, окружающие тебя взгляды холодной «бдительности» и корректного недоверия...

(11 ч. дня)

19 февраля 1937 г.

Смерть Орджоникидзе³⁶³. Рано утром, еще затемно, позвонил дворник Петр и сообщил грустную повесть. Я немедленно включил радио. Передавалась какая-то траурная мелодия. По ее окончании — обстоятельный выпуск «последних известий». Сейчас опять — траурная музыка.

Г. К. Орджоникидзе на смертном одре. Стоят (слева направо): З. Г. Орджоникидзе, тт. Молотов, Ежов, Сталин, Жданов, Каганович, Микоян, Ворошилов.

Старая гвардия. Привлекательная фигура пламенного борца, трибуна, организатора. Бесстрашный большевик.

Эти люди создаются в долгих испытаниях исторической судьбы, в страстном отборе, в суровой и великой школе жизни. Они влияют на историю, на жизнь, они творят историю и жизнь — и непосредственно, силой своего ума и своей воли, и, так сказать, косвенно, властью своего имени. *Имя* — величайшая, активнейшая вещь, несравненный «усилитель» влияния, мощный дополнительный рычаг, чудесный творческий инструмент; недаром создается оно редко и нелегко, в большом, сложном, порою затейливом процессе.

«Руководство». Как хорошо понимают большевики историческую значимость этого понятия! Отсюда — роль гвардии. Отсюда — *горечь утраты*. Смерть Орджоникидзе, — можно сказать, перефразированным изречением Талейрана³⁶⁴, — есть, «не новость только, она — есть событие». Печальное для нас.

(8 ч.20 м. утра)

27 февраля 1937 г.

Вчера в Доме Ученых зашел в аудиторию, где происходил пушкинский вечер. На кафедре стоял старый, седой человек профессорского обличья и комментировал «Сказку о рыбаке и рыбке». Своей внешностью и несколько сладковатой манерой речи он почему-то напомнил мне харбинского профессора Кузнецова. Но по содержанию сообщение его было насыщенным и интересным. Кто это?

Вслед за ним выступил проф. Винокур и в первых же словах назвал своего предшественника: *Юрий Матвеевич Соколов*³⁶⁵

Ю. М. Соколов! Боже мой! — И сразу завертелась машина времени, и сладостно-горько заныло где-то в груди. Юрий Матвеевич Соколов.

«Братья Соколовы». Молодые студенты-филологи. Совсем одинаковые, не отличишь: близнецы. Приятные юноши, с несколько сладковатыми манерами и одинаковыми русскими бородами. Про них говорят, что они увлекаются фольклором и подают большие надежды.

Встречал их еще на Пятницкой³⁶⁶, в доме кузины калужского моего одноклассника Борьки Благовещенского. Это была пышная такая блондиночка — дородная попадя *in statu nascendi**. Отец ее был священником и жил при одной из тамошних, замоскворецких церквей. Помню, была она курсисткой словесницей, и я ей раз написал полушуточное сочинение на заданную тему: «Народ под пером Толстого». Как ее звали? Твердо помню отчество: Семеновна. Кажется, Зоя Семеновна. Один из Соколовых — не Юрий ли? — был в нее влюблен, и скоро они поженились. Это было давно, очень давно: году в девятом, в десятом.

Так вот кто этот почтенный профессор фольклорист! Смотрю на него, выискивая «черты другие» за этим седым профессорским фасадом. Да, есть что-то прежнее, конечно, есть. Но что делает всеистребительное время! Какое печальное зеркало: ведь мы — ровесники!

Даже в голову не пришло, что это он, хотя не только лицо, но и самая тема выступления, казалось, могли его обнаружить. Тем более, что имя его было вполне свежим в сознании — в связи с недавним «богатырским» эпизодом, с его печатной и всяческой проработкой³⁶⁷ по случаю злосчастной пьесы Демьяна Бедного.

Думаю: подойти разве к нему в перерыве? Вспомнит? Узнает?

Вот и перерыв. Встречаемся в проходе. Он подходит и уверенно здоровается. Приятная неожиданность: узнал.

— Узнаете?

— Ну, как же, сразу. Вас легко узнать. Чуть пополнили только... А ведь мы не виделись с Вами, должно быть, с 10 года!..

Побеседовали. С подлинным и глубоким дружелюбием (по крайней мере, с моей стороны). Помынули брата его, Бориса Матвеевича, погибшего в 1930 от нераспознанного вовремя воспаления почек. Поговорили и об его работе, о фольклоре. В последние годы на всем пространстве страны идет усиленное собирание фольклорного материала³⁶⁸. Большую роль в пробуждении соответствующей энергии здесь сыграл покойный А. М. Горький, не без его, Ю. М. Соколова, подстрекательства. Огромные материалы добываются в национальных республиках и областях. Эпизод с «богатырской» проработкой, где Ю. М.-чу пришлось исполнять обязанности опытно-показательного еретика, конечно, не прошел для него без трепки нервов; но по существу, объективно, для дела он может иметь благотворное значение, давая работникам фольклора компас, путевку в их изысканиях.

— Что же, есть у Вас школа, есть достойная смена?

Да, уже образовалась группа учеников, есть знающие и любящие это дело люди. Но талантливого фольклориста, «с огоньком», которому можно было бы порадоваться в полной мере, пока еще как буд-

* В стадии зарождения (*лат.*).

то нет.

...Невольно волнующая встреча. Пласты,

слои жизни. Жизнь, как слоеный пирог. Через спутников остро схватываешь собственное прошлое и ловишь за тулуп пушкинского «лихого ямщика», не желающего передохнуть, слезть с облучка...

(11 ч. 45 м. дня)

Пауза в работе, в спасительных иллюзиях дела, «полезного участия в жизни». Нехорошо. Рождается психология лишнего человека, причем беда в том, что сознаешь себя лишним. Нечего делать, ибо твое делание никому не нужно. Для соблюдения приличий пиши записку о тоннах чугуна и угля в Донбассе, компилируй, — для мусорной корзины. Все-таки это грустновато. Неужели так безнадежно пагубен «одним имени»*?

(2 ч. дня)

28 февраля — 1 марта 1937.

Пушкинский пленум писательского союза³⁶⁹ Нельзя сказать, чтобы впечатления были отрадны. Неблагополучно с нашей литературой. Всем это ясно. Но попытки улучшить положение приводят фатально к обратным результатам. Система задерживания бедных писателей. Как не в меру задерганная лошадь начинает бессмысленно мотать головой и останавливается посреди дороги, так ныне наша писательская братия. Слишком уж много критиков и понукателей. Словно в знаменитом сне Раскольников...

Спору нет, критика нужна. Но у нас каждый Тряпичкин³⁷⁰ ныне норовит клонуть побольнее, почувствительней, изболочить, уничтожить. Чествуем Пушкина, читаем Тургенева, а попробуй какой-нибудь современный поэт или прозаик предаться аналогичной тематике... — забодают! Какая-то печальная несуразность. К беллетристике применяется критерий публицистики сегодняшнего дня и даже часа. Так нельзя.

Вот где требуется более, чем где-либо, властное слово сверху. Одернуть одергивателей. Даровать великую хартию вольностей советской литературе. И, нужно думать, советская литература достойно оправдает такую хартию.

(12 ч. ночи)

2 марта 1937.

Сегодня Эке 14 лет. Вчера (выходной день) справили это событие «балом». Сегодня дети не пошли в школу и провели день празднично.

Четырнадцать лет. Уже начинает ломаться голос. От отрочества к юности. Помню по себе этот возраст: первые приступы юношеских волнений и тревог. Волнение в груди, в крови. Помню весну того года, разлив Оки, беседку, сеновал, весенний дым в душе и в теле...

Думаю о милом моем мальчике, живу им, его интересами. Хороший, умный, добрый мальчик. Хорошие задатки. Только бы не заглохли. Увлекается химией и свободное время отдает химическим формулам. Что же, в добрый час!

Любопытная вещь. Папа хотел видеть меня натуралистом, врачом — я вышел философом московской школы³⁷¹, юристом, публицистом. Я хотел привить сыну интерес к истории, литературе — он увлекается химией. Диалектика поколений.

Четырнадцать лет назад, Харбин, голубые туманные глазенки, смутные чувства, весенний воздух... Эчочка мой, милый мой...

(11 ч. 35 м. ночи)

4 марта 1937 г.

Да, необходима людям какая-то иллюзия «дела» и самообман «смысла жизни» — пустейший, но и спасительнейший из всех наших самообманов, имя же им легион.

Что-то делаешь, чем-то занят, как-то вкраплен в жизнь большого целого, общества, государства, — и рад. Иллюзия «нужности». А время идет, и ты следуешь обычному кругу: из ничего — в ничто. Замечательно, непревзойденно сказано у Гераклита³⁷²: «дитя, играющее песком».

Вот смотришь на детей. С какой серьезностью, с каким сознанием важности дела строят они дома из кубиков, мельницы и корабли из жестянок «Конструктора», собирают коллекции марок и спичечных этикеток. Тут для них — «смысл жизни». Потом вырастут, и место кубиков займут... лекции, страницы исписанной бумаги, хождения на различные службы, бесконечные слова... И когда это от них отнимается, они начинают чувствовать себя несчастными, ныть от «пустоты жизни», ощущать свою «ненужность», завидовать. Они считают себя лишенными содержания, опустошенными. Им кажется, что отнят у них смысл

* Одно только имя (*лат.*).

жизни — в то время как на самом деле у них отняты лишь иллюзии. Заберите песок или формочки у гераклитовского младенца — он заплачет, забунтует, потеряет равновесие.

Повидимому, я попал до некоторой степени в положение такого младенца, у которого отняли привычные игрушки. Этот год жил вспомогательными стимулами: готовился к лекциям, зубрил географию, подсчитывал тонны и километры. И вдруг — не нужно этого ничего! — Лишний человек!

Неотреагированный комплекс. Инфантильные эмоции, как будто Гераклита и не существовало. Все время саднит досада в груди, именно какая-то опустошенность, конечно, по существу суетная и недостойная. Занимайся своими кубиками, но не хнычь, дуралей, если их от тебя уберут. Вдобавок не забывай, что природа не терпит пустоты: уберут одни формочки, явятся другие... ну, вот хотя бы в виде этих дневниковых строчек...

(2 ч. дня)

4 марта 1937 г.

Те же желтые мимозы, та же ранняя весна. Еще холодно по утрам, по вечерам и ночам, но днями уже подтаивает, а два часа назад на дереве, что против моего окна, рядом с вороною, поживаясь от холода, поблескивал клювом грач. Весна идет. Весна неизбежна. «Юнкер Шмит, честное слово, Лето возвратится».

Конечно... для юнкера.

(2 ч. дня)

5 марта 1937 г.

«Отелло» в Малом Театре. Хорошо, но Островский все-таки лучше. Там, в Островском, — действительный, полновесный «реализм», здесь же — какая-то противоречивая помесь натуралистических декораций с абстрактным, математическим сюжетом. Алгебра чувства. Геометрия ревности. Классика, застывшая в своем самодавлении. Ромбы и параллелограммы душевных эмоций. И эти трупы последнего акта... «не страшные», как у Леонида Андреева. Паноптикум страсти.

Впрочем, быть может, это я зря? Рядом со мной сидела девушка, на лице которой дрожали блики ужаса, страдания, сострадания, гнева — по ходу пьесы. Когда зажегся свет в антракте, она спешила смахнуть или стереть ползущие по щекам слезы. То, что мне представляется великим турниром формул, пленяющим разум, но не сердце, — для нее, очевидно, полно плотью и кровью; что для меня — гениальный «формализм», то для нее — реализм. *Suum cuique**.

Я сам готов смахивать слезы — на пьесах Чехова, даже на последнем акте «Евгения Онегина». Но здесь они ни разу даже и не подступили к глазам. И не потому, что в деталях спектакля, дающего Венецию или Кипр давнего века, неизбежно ощущалась бессмертная тень Вампуки³⁷³. Нет, сама конструкция трагедии такова, что навевает думы, а не слезы.

В интерпретации Ленина, игравшего вчера Отелло, последний показан не столько несчастным и жалким, сколько сумасбродным тупцом и одержимым маньяком. Помню, в игре Дальгейма мавр вызывал к себе больше сочувствия, сострадания. Здесь он отрешен и без специального умысла: пусть публика убеждается, сколь глупа и пуста ревность. Так эстетически приятное увязывается с социально полезным.

(10 ч. 50 м. дня)

7 марта 1937 г.

На правовом, на философском, на историческом, на теоретико-политическом и прочих «гуманитарных» (по-старому) фронтах науки. Кумиры дня погружаются в быстрые сумерки, идейки, имеющие хождение сегодня, проваливаются за ночь в тартарары. В умах смятение. В студенческих душах — тревога: «дайте учебник, если старый, если вчерашний не годится». Но кто решится писать новый учебник, когда «панта рей»** и каждый печатный листок грозит оказаться завтра убийственной уликой?..

И выход — один:

— Учебник? Какой вам еще учебник?! Читайте Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина!

Универсальная классика — руководство по всем предметам. Прекрасно. Конечно, отрадно, что есть такая гранитная гавань, но ненасытные студенты все же беспокоятся. В этих гранитных книгах они не могут вычитать ни подробностей о тридцатилетней войне³⁷⁴, ни определения понятия изнасилования. И снова виснет вопрос о «стабильных учебниках» — на зло гераклитовой

нашей, нашей очаровательной действительности...

* Каждому свое (*лат.*).
Все пройдет (*греч.*).

(12 ч. 30 м. дня)

Классика! Наши философские институты подымают великий груз³⁷⁵: на русском языке рождаются Аристотель, Лукреций, Лейбниц, Гегель, многие и многие другие. Едва ли не все наличные наши философские силы мобилизованы именно по этой линии. Как это прекрасно! Как это дальновидно! Приобщение к мировым культурным ценностям.

Но... Или обойтись без «но»? Нет, мои «но» меньше всего зловредны, меньше всего «оппозиционны». Просто — маленькая моментальная фотография сегодняшнего дня, коего величие в плане всемирной истории для меня — абсолютная достоверность.

Так вот. Лейбница мы будем переводить в больших сотнях страниц и тщательно изучать. А, скажем, лейбницианца Лопатина проклинаем последними словами: и мракобес, и поп, и чуть ли не идиот. Классиков идеализма жуем..., а современников, подозреваемых в отдаленном сочувствии к идеализму, изbleываем из уст на большое расстояние... Что это? Нелепость? — Нет, читайте Гегеля, читайте Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, и вы поймете, что это совсем не нелепость?

(1 ч. 15 м. дня)

8 марта 1937 г.

Из письма Герцена к Огареву (начало 50-х годов)³⁷⁶: «Я ничего не жду для себя, меня ничто не может ни слишком поразить, ни слишком обрадовать. И мне стало все до такой степени безразлично, во мне столько рассудительности и старческого скептицизма, что я переживу все удары судьбы, хотя мне не хочется ни долго жить, ни скоро умереть. Конец, как и начало, придет случайно, помимо сознания и разума. Я не буду стремиться ни ускорять, ни избежать его».

Прекрасная формулировка! Как непосредственно и четко ощущаю я ныне аналогичное душевное состояние, хотя в личной жизни и не пережил удара, выпавшего тогда на долю Герцена. Но и в личной жизни так много перегорело, так много прожито и пережито, так безвозвратно потускнели все впечатленья бытия. Есть печальные преимущества такого состояния чувства и сознания. И еще — у Герцена (письмо к Мейзенбут)³⁷⁷: «...Меня лишь одолевает ироническое желание, мне просто любопытно посмотреть, что будет дальше...»

(11 ч. 25 м. дня)

9 марта 1937 г.

Смотрел вчера новый фильм «Последняя ночь»³⁷⁸. На днях в нашем Институте организуется диспут, посвященный этому фильму. Организаторы просили меня принять в нем участие.

Тема: октябрьская эпопея 17 года в Москве. Большая тема. «Дни, которые потрясли мир».

Даны одни сутки, в сущности, даже только вечер и ночь. Нужно было показать в их рамке фокус великой исторической драмы. Нелегкое задание.

Два мира, два стана. Две репрезентативные семьи: рабочий и фабрикант. «Мы» и «они».

Три критерия нужно держать в голове при оценке такого рода произведений искусства:

1). Историческая правда — в ее энтелехии и в ее детальной обстановке. 2). Художественная правда, т.е. проблема логики сюжета, обрисовки характеров, психологического проникновения и т.д. — критерий «убедительности» изображения. 3). Социальная действительность, т.е. агитационно-пропагандистская значимость произведения, впечатление, вызываемое им в массах (ср. ленинский тезис об агитационном значении кино-картин).

Что же можно сказать, учтя эти критерии, о «Последней ночи»?

Показаны два мира. Стан революции обрисован, бесспорно, удачнее и ярче, чем стан ее врагов.

Семья Захаркиных. Соблюдена общая ситрическая правда. В основном соблюдена и художественная правда: видишь и слышишь живых людей. Очень хорош старик Захаркин, старуха несколько конфетна, трафаретна, но тоже все-таки хороша. Матрос ярок и убедителен. Сочетание правды исторической и правды художественной дает прекрасный агитационный эффект. В бытовых деталях есть погрешности изображения: не передана расхлябанность тогдашних солдат во всей ее исторической подлинности. Ленину приписана борода, в те дни у него как раз отсутствовавшая (в своем убежище он брил бороду), допущен речевой анахронизм: современное «давай, давай» в 17 году еще не звучало... Но повторяю, обрисовка революционной среды (Захаркины, Михайлов, масса), в общем, удачна: представлены живые и, что весьма важно, типические люди. Таких было много. И впрямь так выглядела революционная среда Октября.

Несомненно, слабее вышел стан врагов. Тут, как всегда при изображении врага, перед художником встают две противоположные опасности: а) уклон «лже-объективизма», заведомый отказ от оценочной обрисовки, скопческое «умывание рук» и б) опасность окарикатуривания, принижения врага, вольное или невольное искажение его действительного облика.

В этом фильме историческая правда, в ее зерне, соблюдена: конечно, наша буржуазия была и сла-

ба, и дезорганизована, и разобщена. Но против правды художественной допущены ряд погрешностей, режущих глаз. Старик Леонтьев не типичен; это карикатура, стилизация, абстрактный образ плакатного «капиталиста». Не убедительна сцена его встречи с сыном, приезжающим из Петербурга (ругань и отказ подать руку). Не убедителен и собственноручный расстрел им старика Захаркина. Не типична и девушка Леонтьева, гимназистка; особенно фальшива сцена уличных поцелуев среди грома гранатных взрывов.

Вообще. Чтобы показать величавость, революционность борьбы, нужно вскрыть ее драматичность. Победа над идиотами, трусами и развратниками стоит немногого. Драматизм борьбы не дан фильмом во всем его несравненном историческом величии.

(целый день)

15–16 марта 1937 г.

Записка от Изгоева: просит статью о Герцене для «Известий». Лестная и прекрасная тема. «Пусть я бездарен, но тема моя талантлива».

Герцен. Читал о нем эти недели. И снова его образ, как прежде, сияет в сознании.

Но что и как писать о нем? Его мирозерцание? — Нет, это не для краткой юбилейной статьи в газете. Конечно, его портрет! По Шпенглеру: «артистическая практика духовного портретирования».

Умница. Аромат ума. Зоркость ума. Вместе с тем «фаустовская» натура, деятельная и пытливая. Жаркая яковлевская кровь³⁷⁹, однако, вечно замораживаемая рефлексией. Зрелище какого-то холодного кипятка. Этот «рефлектор рефлексии» мучил его самого, убивал волевою энергией, для полного расцвета которой всегда требуется немножко тени, темноты, вдохновенной ограниченности. Он сам понимал и это, но помочь себе тут уже не был в состоянии. Горе от ума. Фауст, не изживший в себе Мефистофеля.

(1 ч. 15 м. ночи)

22 марта 1937 г.

Читаю о Герцене, вживаюсь в его атмосферу, в его индивидуальность. Вот человек, призванный «мыслить и страдать!»

Жизнь — сплошное мечтание. Кружение ума и кружение сердца, «мира восторг беспредельный». — и в то же время томление «желаньем чудным», реминисценцией «звуков небес».

Бегство от родины, тоска по чужбине — отчаяние чужбины, тоска по родине. Страх настоящего, эрос будущего — потемки настоящего, бунт против будущего, лирика прошлого. Скитания духа, взывания града, не живущего на земле., но и холодный взор в пустое небо. Рыцарь истины, бедный рыцарь, несчастный Дон Жуан³⁸⁰: «Я нигде не встретил дамы, / Той, чьи взоры непреклонны».

Длинный жизненный путь: такие жизни измеряются по насыщенности их — месяц за год! Всепостигающий ум. И, значит, самопостигающий: познай самого себя!

Счастливы те, кто себя не познает. Спасительная иллюзия: не знать себя или хотя бы узнать себя не до дна. «Обольщаться»...

Да и вообще и всегда: много знания — много скорби. Ясная голова при горячем сердце.

Мог ли быть он счастлив? Ну, дожил бы до революции русской что ли. Вернулся бы на родину. Да, встреча с родиной высекала бы прекрасные искры из этого огненного сердца. Но дальше?..

Нет, это вечные путники, вечные странники, факелы, живущие лишь горением, сгоранием.

Счастье? — Впрочем, разве это не счастье: мыслить и страдать?

Читаю, вдумываюсь, «вчувствуюсь» — и все ближе, все роднее этот замечательный образ. Как часто ощущал в себе самом — в какой-то мере — те состояния души, ума, сердца, так недостижимо запечатлены на этих страницах, вечно живых и неизменно волнующих!..

(2 ч. дня)

23 марта 1937 г.

Эпизод, рассказанный доктором Белоголовым³⁸¹. Беседа с Герценом об эмиграции. Белоголовый сообщил Герцену об одном своем приятеле, собирающемся эмигрировать из России.

Герцен прервал его с необыкновенной живостью:

«Бога ради, уговорите Вашего приятеля не делать этого; эмиграция для русского человека вещь ужасная; говорю по собственному опыту; это не жизнь и не смерть, а это нечто худшее, чем смерть, — какое-то глупое, беспощадное прозябание!.. Мне не раз приходится раздумывать на эту тему, и — верьте, не верьте, — но если бы мне теперь предложили на выбор мою теперешнюю скитальческую жизнь,

или сибирскую каторгу, то, мне кажется, я бы без колебаний выбрал последнюю. Я не знаю на свете положения более жалкого, более бесцельного, чем положение русского эмигранта!..»

Да, знакомые чувства, знакомый опыт. Ностальгия. Отрыв от родной земли — неизлечимая рана в душе. Вся жизнь, как бы даже «наполнена» она ни была, поражена какой-то трещиной, ущербленностью. Эта проблема остро ставилась передо мною два года назад. Что бы ни случилось, — счастлив, что решил ее так, как решил.

(6 ч. вечера)

3 апреля 1937 г.

Вчера отвез Изгоеву статью о Герцене. Получилось длинно, и по качеству так на 3+ или 4-. Все-таки изюминки какой-то нет. Больше механизм, нежели организм. Это, конечно, грустно.

Вчера же пригласил меня некий т.*Уманский*, ведающий изданием советских книг для заграницы³⁸². Спрашивал, не соглашусь ли я написать текст для альбома «Народности СССР»³⁸³, *затейного его учреждением*. Семь-восемь печатных листов — о 60 народностях: на каждую по две строчки. Нелегкое дело. Но, пожалуй, небезынтересное. Посмотрим, получится ли что из него. На днях будем разговаривать вплотную. Может быть, ничего не выйдет.

Угнетает, признаться, обстановка в Институте. Какая-то фальшь, рядом что-то склизкое, поминутно вызывающее брезгливость. *Печально*. Неужели это длится идеологический карантин? Так, вероятно, можно и вовсе погрязнуть в нем... Или я все это зря?

В большой политике — большие дела. Старый крот неумоим, как сукин сын.

(10 ч. 25 м. дня)

6 апреля 1937 г.

Статья о Герцене в сегодняшних «Известиях»³⁸⁴. Вчера вечером Изгоев просил засخать в редакцию: есть ряд недоуменных вопросов корректуры и, кроме того, нужно будет по техническим основаниям сократить оригинал. Приехал.

Оказалось, корректуру смущают несколько нездешних слов статьи, как-то: основоположный, историософский, вещий. Вызывает значительное недоумение «студеный кипяток». Слово «зреет», признаться, наводит на размышление и меня самого. Отмечено и слово «обличительский». Кроме того — ряд вопросов пунктуации.

Кстати: «студеный кипяток» освящен авторством Лермонтова. В «Герое нашего времени» есть «холодный кипяток нарзана». У меня сначала было написано тоже «холодный»; но повторение этого слова в одной фразе заставило найти другое определение. Лучше было бы: «язык горячей крови и *ясной* головы».

Итак, с корректурой обошлось. Хуже — с купюрами. Нужно выкинуть сорок строк. Это досадно, но все же это не так жестоко, как в прошлый раз, с пушкинской статьей. Принялся за эту тяжелую операцию.

Выкинул две цитаты из Герцена, еще кое-что. Наскреб 32 строчки. Потом Изгоев помог мне, предложив исключить 8 строк из заключительного абзаца. Нужно признаться, что все эти купюры не нанесли статье особого ущерба.

Затем возник вопрос о заголовке. У меня статья называется «Наш Герцен». Но так как имя Герцена носит вся страница, нужно его исключить из заглавий статей.

Стали думать. Заглавие — трудная вещь, и бывает, что хорошее заглавие долго не приходит на ум. Так вышло и вчера. Сколько ни напрягал я мысль, — ничего нужного в голову не шло. *Изгоев назвал несколько неудачных* заголовков, среди которых, пожалуй, наилучшим был: — Революционер-демократ.

Мне он не нравился, но ничего лучшего я придумать не мог. Так на нем и остановились.

Проснувшись сегодня утром, я стал опять невольно, хотя и практически бесплодно, перебирать заголовки. Пришел в голову: — Колокол свободы. Он был бы удачнее. Он более соответствовал бы содержанию статьи. И вместе с тем состоял бы из двух русских слов.

(9 ч. 20 м. вечера)

6 апреля 1937 г.

Беседовал с Изгоевым насчет работы где-нибудь в журнале что-ли. Пусть, при случае, попробует сказать об этом Талю, ныне главному редактору «Известий». Хотя бы эпизодически, вот как в газете, отчего бы, в самом деле, не написать *журнальной* статьи о том же Герцене?

Странно: тянет к этой мучительной канители. Нанизывание слов, как бус, консервирование мыс-

лей в строках. Зачем это? Честолюбие? Нет, едва ли: всякая форма честолюбия, казалось бы, изжита мною вполне *grundlich*^{*}. Все эти детские погрешности — далеко позади. Так что же?

Именно погрешности. Прекрасная бесцельность, — а то даже и не прекрасная. Но все же — жажда «обнаружиться», по выражению Герцена. Живешь — шумишь. *Spiro — spero*^{**}

Опять нет: уже ни на что, в сущности, не *spero*, и ничего шумного мне на свете не надо.

* Основательно (*нем.*).

Дышу — надеюсь (пока дышу — надеюсь) (*лат.*).

Разве вот — любопытство: что изо всего этого получится? До чего-то он, старый сукин сын, дороеется? Занятно. Хотя и здесь не может

быть особых неожиданностей: ну, пророеет земной шар насквозь и вывалится с другого боку...

(11 ч. 30 м. ночи)

13–14 апреля 1937.

Ездил в Калугу — приобщиться родному воздуху, приложиться к дорогим мощам. Весна, апрель, на дворе несколько островков оледенелого снега. Кричат петухи. Ruinen.

Вывез оттуда недавно каким-то образом откопанные старые мои и Мишины письма — домой. Папа заботливо их сохранил, помечая датами и сортируя по периодам. Вчера перечитал их все... Май души, студенческая пора.

Трудно, да и неохота описывать впечатление этой поздней встречи с ожившим прошлым, с этими грустными и трогательными образами. «Да, вот каким я был...»

Широко и наивно раскрытые глаза. Так ребенок глядит на объектив фотографического аппарата, откуда «сейчас вылетит птичка». Отовсюду вот-вот полетят эти невиданные, несравненные птички...

*Потом Цуриков*³⁸⁵ в своем злом письме колко попрекнул меня этими на все открытыми глазами, глотающими с одинаковой восторженностью Незнакомку и *Розанова*, ночную извозчицью чайную и кантовский категорический императив... Чудак ... и бедняга!

(1 ч. 30 м. ночи)

14 апреля 1937 г.

«Трагедия старости всегда рискует быть комичной». Отсюда не лишены, конечно, комизма чувства, возникающие в нынешней моей душе по случаю созерцания старых писем. Со стороны это смешновато. Вероятно, лишь старикам это понятно.

Жизнь впереди, в утренней дымке. Строятся «планы», рисуется какой-то важный «смысл», слово «будущее» несет разгадку всех загадок... К услугам — всевозможные прекрасные образы принцев, рыцарей, богатырей. И — главное: «... новы все впечатленья бытия».

Вот это, действительно, великая вещь! Свежий огурец и земляника доселе способны напомнить это безвозвратно утраченное чувство новизны, первости, необъезжанности впечатлений. Напомнить — не возродить.

...Будущее стало настоящим. Правда, удивительная живучесть души попрежнему конструирует, так сказать, «новое будущее»: *spero — spero*. Однако — не то, не то.

Жизнь прошла — и не плохо прошла. Но, конечно, ни синих птиц, ни царь-девиц, ни градов Китежей³⁸⁶... — «и вот и всё».

(2 ч. дня)

15 апреля 1937 г.

Был вчера в Правовом Институте, беседовал с директором, похожим на Чапаева³⁸⁷... только тот гулял по Уралу, а этот *гуляет по праву*. Тянет к родным пенатам, к родным осинам, тянет неизлечимая ностальгия.

Прием вполне любезный и даже обещающий. С кадрами вовсе не так уж благополучно, — с кадрами государствоведов — в особенности. «Квалифицированные силы нам нужны». Условились, что я зайду через два-три дня: быть может, к этому времени наметится и конкретное задание. Скажем, принять участие в разработке программы курса государственного права.

В советских правовых вузах это новый курс! Пора, давно пора. Повидимому, не исключена возможность благого поворота в сфере нашего юридического образования. Падение Пашукониса может стать началом лучших дней.

Хорошо бы засесть за большую работу, скажем по истории политических учений. Монография, скажем, о каком-нибудь политическом писателе, вроде де Мэстра³⁸⁸, либо о целой эпохе с ее «духом» и контраверсами...

(10 ч. 15 м. утра)

15 апреля 1937 г.

Статья «Активная география социализма» для нашей институтской кафедры. Сейчас вчерне закончил, буду, значит, скрести, полировать, наводить лоск.

Пожалуй, статья о Герцене вышла недурной — на полную четверку. В печати выглядит она прилично.

Досадный пропуск по моей вине: пропустил слово духовным в известной фразе: «Начавши с крика радости при переезде через границу, я окончил своим духовным возвращением на родину». Как это я допустил такой грубый пропуск? Ну-ка, Фрейд!

Выпишу также на память выпущенную часть предпоследнего абзаца статьи, после слов — «искать и найти себя»: «Социализмом революционная идея стала у нас народной. В социализме встретила Русь с революцией. В нашу прекрасную и грозную эпоху социализм претворяется в историческую плоть и кровь. И перед освобождающейся человеческой личностью встают великие задачи самосознания, самоопределения и самопроявления».

Следует признаться, что статья ничего не потеряла от исчезновения этого пассажа. Скорее, даже выиграла.

(3 ч. 40 м. дня)

20 апреля 1937 г.

По привычке смотришь вокруг и вдумываешься в увиденное. Бывает, что смотришь — и почти ничего не понимаешь. Бывает, что смотришь — и неодобрительно пожимаешь плечами: не нравится. Но, пожав, снова и снова начинаешь вдумываться.

Бывало и раньше: смотрел — и «не одобрял». А на проверку выходило отлично. *Ошибался я, а «линия» гнула* именно туда, куда следовало. *Задним числом сознавал* и признавал свою ошибку. С годами догадывался: больше критичности по собственному адресу, больше скепсиса в отношении к собственному думанию. Больше доверия к этой умной и замечательной «линии», столь умело выходящей по труднейшим лабиринтам и столь изобретательно вывозящей из разнообразнейших деликатных положений.

Теперь это доверие вползло глубоко в плоть и кровь. И, если порой кое-чего не понимаешь, если кое-что кажется неудачным, досадным, даже уродливым, — говорить себе: надо додумать, передумать, осмыслить. Наконец, поверить в кредит.

Но нельзя ли так превратиться в Панглосса³⁸⁹, в китайского болванчика, вечно кивающего головой, в осла из Заратустры³⁹⁰:

— Und der Esel schrei: J-a, J-a*

Нет, этого тоже надлежит остерегаться. Нельзя сказать, что все безошибочно вокруг. Конечно, всяких курьезов и дефектов немало. Но суть в том, что, во-первых, не все то ошибочно и курьезно, что таковым кажется нашему брату, и, во-вторых, эти ошибки и курьезы не должны огорчать до утраты чувства перспективы и душевного равновесия.

Тут следует фундаментально уразуметь одну весьма важную истину: наша действительность менее всего статична. Наша действительность в высочайшей мере пластична. Она течет, она меняется, она «становится».

Сплошь и рядом люди этого не понимают, нередко приходится и самому ловить себя на таком непонимании. Расстраиваешься по поводу явления икс или явления игрек, а пройдет месяц, квартал, год — и от этих явлений останется лишь воспоминание. Строится дом — повсюду мусор, едкая известка, леса; обычно всего этого больше, чем могло бы быть при большей заботливости о чистоте, при более высоком культурном уровне плотников, землекопов, штукатуров. Но терять душевное равновесие от этого преходящего мусора — верх неблагоприятия.

Здание строится — и неплохое. Здание строится — и вовсе не черепашими темпами. Напротив. Если мыслить в исторических масштабах, выйдет, что время летит быстро, дело подвигается на всех парах. Но, конечно, тут нужен именно исторический кругозор. Обывательские масштабы, исходящие из прикидок на сроки человеческой жизни, здесь не годятся.

Но из этого не следует, что для человеческой жизни все пропало. Вооружась надлежащими масштабами, обзаводишься и надлежащим настроением. Потерянная жизнь оказывается возвращенной.

И самые детали, живущие сегодня, а завтра исчезающие, становятся своего рода забавными орнаментами прекрасной исторической реальности, — чем-то вроде «химер» парижского Собора Богоматери³⁹¹. Лишь детям прилично пугаться этих химер и охать от их безобразия. Следует преодолеть в себе такие детские реминисценции. Словом — du courage**

* И осел согласно кричит: «И-а, И-а» (нем). Мужество, присутствие духа (фр.).

(11 ч. дня)

21 апреля 1937 г.

Сегодня в МИИТе научно-техническая конференция. От нашей кафедры А. З. Айзенберг выступает с докладом подобающего специального содержания. *Совместно готовили этот доклад.*

Кстати, из жизни Института. Месяца два-три тому назад в коридоре остановил меня молодой человек и напомнил, что в Харбине он состоял студентом юрфака и слушал мои лекции. Действительно, я как будто припомнил его лицо. Теперь он студент МИИТа и работает в институтской газете. После этой встречи видел его как-то еще раз в профессорской столовой.

А вчера Айзенберг сообщил, что этот маньчжурский молодой человек оказался японским шпионом! Тошно. Неприятное ощущение в ладонях: словно от прикосновения к чему-то неприличному и отвратительному. Стыдно за харбинцев: все-таки столько нечисти среди них.

Написал статью «Активная география социализма» для предполагаемого Бюллетеня при нашей кафедре. Сейчас иду в Правовой Институт — беседа с его директором т. Сахач. Может быть, доведется приобщиться — хотя бы и периферийно — родному делу...

(10 ч. 10 м. дня)

22 апреля 1937 г.

Директор Правового Института вручил мне программу по курсу советского государственного права с просьбой написать по ней обстоятельный отзыв, в который можно включить общие соображения о преподавании государственного права в Институте. Нужно это сделать к 5 мая.

Непростая вещь! Но и интересная. Нужно мобилизовать весь остаток энергии и сообразительности (велик ли он?), чтобы справиться с этим делом возможно более удачно. Отраднo, что пахнуло родной атмосферой «своего» предмета. Но курс нынешнего советского государственного права в его специфике, в его современной обстановке — есть для меня все же нечто новое, непривычное. Надо вникать, привыкать, вдумываться. Вот просмотрел программу — и с первого взгляда затрудняюсь сказать себе, что же буду писать о ней в своем «обстоятельном отзыве»...

Опять весна. Канун озеленения, в воздухе свежесть и образы прошлого — и «... память дальнего былого / Слезой прозрачно жива...»

(10 ч. 40 м. дня)

30 апреля 1937 г.

Весна. В Лосинке — прелесть. Воздух первой зелени, захватывающий дыхание...

«Соображения» о программе государственного права. Надумал, написал — к добру ли? Основная мысль: нужно переводить курс от политграматской агитки в солидный, *углубленный академический фарватер*. Но, разумеется, всецело и вполне имманентный социализму, ленинизму, духу нашей эпохи и нашей веры. Еще не отшлифовал писанины окончательно. Не знаю, что из этого получится. Худо, что везде — мышья возня мелких самолюбий, честолюбий, корыстолюбий. Подальше бы от них.

Никуда не тянет, разве лишь кроме вот этого воздушного настоя из первых листочков. Какая-то успокоенная и утешительная насыщенность жизнью. Гипертрофия жизненной мудрости... не становится ли последняя от этого собственной противоположностью? Какая-то черствость натуры. Сердечный склероз: боль сердца воспринимается головой, а не грудью... за единичными, правда, исключениями (дети). Комплекс «хрустального сердца» — по далекому Андерсену³⁹²...

(10 ч. утра)

Ездил вчера на Двенадцать евангелий³⁹³ в собор у Киевского вокзала³⁹⁴ — впервые был там. Знакомые напевы, *воскрешающие былое*, от самых ранних детских лет.

«Разделиша ризы моя и об одежде моей меташа жребий». Ну и, конечно, — «Разбойника Благодарзумного».

Приятный хор, благообразная внешность помещения. Только вот ладан без запаха ладана, — так дымок... Публика — обычная, московская. Не сказать, что впечатление «отработанного пара», как это было еще как-то, кажется, в этот же день прошлого года, — помнится, я заходил тогда в Чудов монастырь³⁹⁵. Нет, здесь — обычная аудитория советской Москвы. Думается, эти люди, — по крайней мере, в большинстве, — красный праздник 1 мая считают не менее *своим* праздником, нежели старую, добрую Пасху. Не начинается ли мало по малу процесс действительного воплощения Сталинской Конституции?

На основе добротного социализма жизнь способна сверкать всеми цветами радуги духа. Жало холопства и угнетательства вырвано у «исторической» религии... Или это я еще недостаточно, не до конца перестроился?..

(10 ч. 45 м. дня)

2 мая 1937 г.

Первомайская Красная площадь. Музыка нового мира. Да, дожили! Видеста очи мои...

Блок в 1920:

— Музыки старой — уже нет, новой — еще нет. Скучно (на юбилее Большого Драм. Театра³⁹⁶, 16 января).

Теперь — уже есть. Новая музыка. И в ней — извечные мотивы. Иначе говоря: прекрасное в старом не умерло. Прекрасное в старом — бессмертно; оно переходит в новое. И новое — прекрасно.

Мелькает в праздничной голове: 1). традиция Белинского, Герцена, Добролюбова, Некрасова, Чернышевского и 2). традиция славянофильско-соловьевско-блоковская.

Прежде все это было расщеплено. Современность явно несет собою какой-то большой синтез. Новая музыка снимает диссонанс старой. И мы, люди рубежа, уже не гибнем, подобно Блоку, от ужасной паузы: «звук нет, все звуки умерли». Нет, звуки есть, звуков много, много, воздух от них разрывается, как церковная завеса³⁹⁷ в пятницу...

(2 ч. 10 м. дня)

8 мая 1937 г.

5 мая заходил в Правовой — ныне Юридический — Институт. Тов. Сахач беседовал со мною по поводу отзыва моего на программу курса советского государственного права, который я передал ему накануне.

Повидимому, отзыв этот попал в жилу. В нем верно почувствовано и отмечено «главное звено» в преподавании права на сегодняшний день. В результате, новое поручение и даже целых два:

- 1). Написать самостоятельно проект программы по курсу советского государственного права и
- 2). Написать критический отзыв на программу по курсу истории права и государства.

Нелегкое дело. *La critique est aisée...** а вот самому составлять программу!.. Но как же быть: взявши гуж..

Второе. Писать критический отзыв на неведомый мне курс... тоже нелегко! Но, опять-таки, отказываться нельзя. Попробую.

«Зажить предметом». Зажить логикой советской идеи, советской революции, советского государства!..

(9 ч. 30 м. утра)

10 мая 1937 г.

Приходится частенько заглядывать в Ленина. И каждый раз с новым удивлением восхищаешься гением этого человека! Его ум словно сделан из какого-то особого сверхчеловеческого материала. Какое-то потрясающее ясновидение, вытекающее из аппарата мысли, логики. Читаешь его статьи 1904, 6, 8, 10 годов³⁹⁸ — ведь это черт знает что такое: грядущее — как на подносе, как на хирургическом операционном столе, со всеми потрохами!.. «Заветов грядущего вестник».

Мало ли умных политиков, прекрасных политических аналитиков, — но здесь не то, здесь другое, здесь какое-то фантазмагорическое вдохновение анализа, соединение с порожденной этим вдохновением волевой бурей. Т. е. анализ, доведенный до предельного совершенства, превращается в сокрушительную синтетическую силу, становится сам фактором, ручательством своей достоверности. Замечательно. Чудо без чуда.

Да, исключительное явление. Интеллектуальная экстастика, обернувшаяся историческим катаклизмом.

(11 ч. 15 м. дня)

12 мая 1937 г.

Сижу над программой: «Советы, как новый тип государственной власти... Диалектика диктатуры пролетариата и отмирание государства...»

А под ухом коробка переносит в Большой Театр, в первый акт «Кармен»... «Не любишь ты, так...»

Что это за манящие, колдовские звуки, всякий раз приводят в дребезжание столь уже подержанные, поистрепанные струны души?.. Что это: власть реминисценций, словно запах давних джуж, щеко-чущих память, — либо самодовлеющая сила этих задорных и лукавых созвучий любви?.. Либо то и другое вместе?

Нет, нет, надо вернуться к программе...
статьи, и коробка смолкла — антракт.

* Критика легка, критиковать — легко (*фр.*).

Трудная работа. Трудная задача. Чувствуется, что она не неразрешима, но для разрешения ее требуется так много умственных усилий, что я не уверен, способен ли уже я на них...

Однако, довольно, за дело!.. И сейчас начнется... Второй акт!

(8 ч. 40 м. вечера)

20 мая 1937 г.

К сегодняшнему дню, согласно уговору, закончил свой проект программы по курсу советского государственного права. Звоню Директору Юридического Института. Оказывается, он куда-то уезжает:

— Позвоните через несколько дней.

Чего же было так торопить? — Все еще никак не могу привыкнуть к стилю наших уважаемых Институтков. «Точность — вежливость королей». Неужели вместе с королями следует отменять и их «вежливость»?..

...Весна. Черемуха отцветает, цветет вишня и яблони, зацвела сирень. Соловьи — целый хор: «Над рекою гнутся ивы, / Соловьи у нас болтливы».

Природа. Как в юности, неизреченная радость и грусть. Но, в отличие от юности, старость не пытается их изречь. Природа, жизнь, смысл жизни. В разговорах о смысле жизни есть что-то нецеломудренное...

Впрочем, что такое старческое целомудрие и какая ему цена? Вечер в разгаре... и в кустах бузины — соловьи...

(12 ч. 10 м. дня)

25 мая 1937 г.

Звонил Директору Юридического Института — осечка: тов. Сахач уже «не работает», и в директорском кабинете — новый человек, *меня не знающий. Скучно, товарищи.*

... Но в общем и целом — весело! *Радостная*, действительно волнующая победа над Северным полюсом. Прекрасное дело обуздания стихий. Оседлать землю, очеловечить природу.

Тринадцать советских полярников — на льдине у полюса. Шмидт и его двенадцать учеников³⁹⁹, апостолов активного гуманизма. Такова современная форма всечеловеческого дела, преисполненного великого смысла и священнейших традиций. Такова генеральная линия всемирной истории. Вспоминаются тютчевские строки: «О, жертвы мысли безрассудной! / Вы упали, может быть, / Что станет вашей крови скудной, / Чтоб вечный полюс растопить?!»

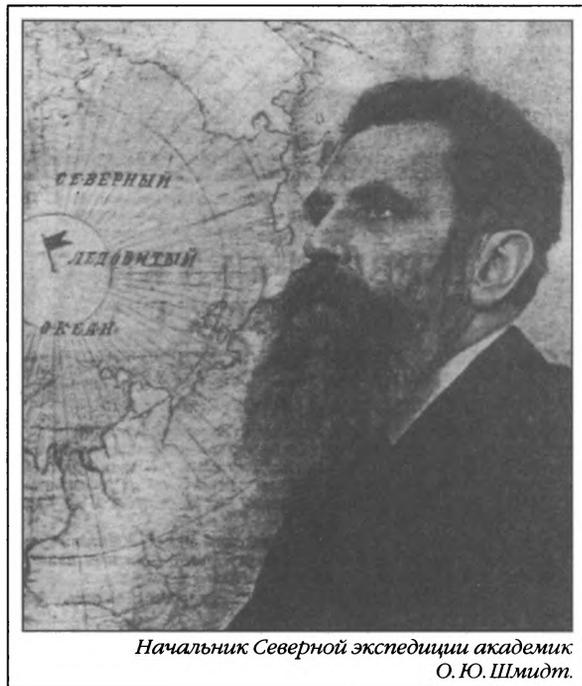
На этот риторический вопрос старого поэта история дает ответ и в символическом, и в реальном планах. Полюс русского самодержавия «растоплен» кровью нескольких, — четырех, пяти, — поколений. «Скудная» кровь декабристов не пропала зря. Но еще интересней, что на наших глазах принимаются «растопливать» и другой, не метафорический, а реальный, в известном смысле и впрямь «вечный» полюс! «Зима железная дохнула — и не осталось и следов...»

Нет, ошибся поэт, остались следы. Из искры возгорелось пламя, — и подалась, подается вековая громада льдов.

И еще. Оба полюса оказываются взаимно связанными, неприступность одного обуславливалась наличием другого. Тронул лед истории — будет сломан и лед природы. Чтобы освободить мир, человек должен освободить самого себя.

Не случайно, ой, не случайно этот громовой полярный подвиг осуществлен людьми именно советской страны, именно людьми социализма. Ибо тут не только героизм, расчет, отвага, — тут система. Да, да, в этом героизме, в этом расчете, в этой отваге — есть система. В них живет новый мир, рожденный в крови и в крови утверждающий себя, свое бытие. Эта кровь, дымясь во льдах и растапливая льды, есть все та же святая кровь нового завета, за нас и за многих изливаемая...

(8 ч. 50 м. вечера)

Начальник Северной экспедиции академик
О. Ю. Шмидт.

28 мая 1937 г.

Вчера — в Художественном театре: «Любовь Яровая»⁴⁰². Видел эту пьесу в первый раз.

Оживились воспоминания. Infandum, regina, jubes renovare dolorem*!

Гражданская война. Красные и белые. Тут же — радуга соединявших и разъединявших их промежуточных цветов. Переплет личных трагедий, тупиков, конфликтов, комическое и трагическое qui pro quo**. Жизнь живая. Быль.

Конечно, в пьесе она — быль — преподнесена немало препарированной. Мenee, чем в других наших пьесах, но все же достаточно густо. Нет, это еще — не реакция искусства на жизнь, — все это еще оружие борьбы. Дуло — в одну сторону. Кривоватое зеркало... но все же зеркало, а не оловянная пуговица.

Близится quand tême*** время иного подхода к фабулам той эпохи. Для них наступает история. Революция уже настолько овладела нами, нашей страной, что уже скоро можно будет позволить роскошь более серьезного, более предметного восприятия страшных тех и великих лет...

(9 ч. утра)

29 мая 1937 г.

Корреспонденция Эренбурга с парижской выставки — об итальянском и немецком павильонах: «В гостях у старых друзей» (вчерашний номер «Известий»)⁴⁰³

При желании, легко было бы заподозрить автора в зловредном вредительском умысле: реклама фашизма и почти нескрываемая тенденция уподобить его большевизму. А между тем из содержания статьи, достаточно интересного, нетрудно было бы сделать иные выводы, — вернее, нетрудно было бы иначе, действительно по-советски оформить информационное содержание статьи. Для этого лишь нужно было бы дешевое и явно вымученное зубоскальство заменить элементами серьезного, принципиального анализа.

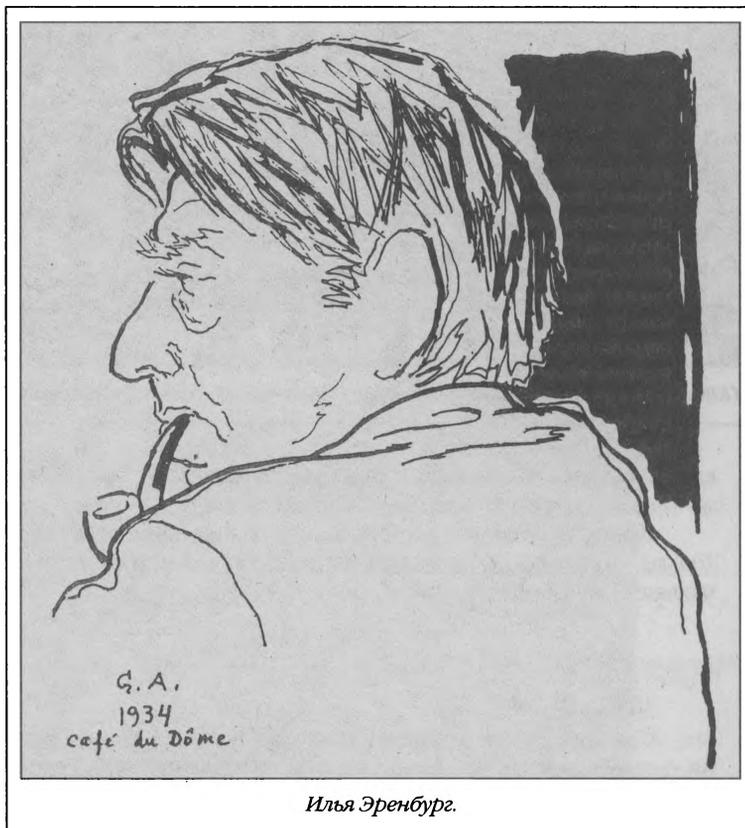
Итальянский павильон. Итальянская авиация. Гордость фашизма: металлические птицы. Девиз итальянского фашизма: «верить, повиноваться, воевать». Фрески: Ромул и Рем, Леонардо, Колумб, Гарибальди, Маркони, Муссолини, Хартия труда⁴⁰⁴.

Я не знаю, чего издеваться над этими экспонатами — самими по себе. Эренбург пыжится издеваться, что выходит у него на редкость плоско, халтурно, словно это не Эренбург... У каждого способного размышлять советского читателя сами собой поднимутся вопросы:

— А мы разве не гордимся нашими пилотами и самолетами, разве не называем гордыми соколами нашей родины? Разве, далее, мы отвергаем веру, повинование, борьбу? Разве, наконец, мы отрекаемся от прошлого нашего народа, от его великих людей, его исторической славы?

Рассказав о лозунгах фашизма и покрыв этот рассказ глупейшими, площадными шуточками, Эренбург способен лишь сыграть в руку фашизму. Удивительно, как этого не видит редакция «Известий».

* Ужас, правительница, возобновление скорби (лат.).
Путаница (лат.).
Однако, тем не менее (фр.).

Столь же неудачно, как об итальянцах, информирует автор и о немцах.

А между тем можно было все это преподнести достойно и поучительно. Не в том беда

Павильон Советского Союза на Международной Парижской выставке. 1937 г.

и обреченность фашизма, не в том его отталкивающая порочность, что он гордится своей авиацией и призывает верить, повиноваться, воевать, а в том, что во всем этом он видит самоцель, последний закон мудрости, сущность вещей. Мы тоже хотим быть сильными и вооруженными, мы тоже знаем цену энтузиазма, дисциплины и военной доблести, но мы не смешиваем целей и средств, не превращаем оружия в абсолют. И мы реалисты — и даже в гораздо большей степени, чем фашизм, — но мы знаем реальности более высокие и более фундаментальные, *чем кулак, страх и драка*. Мы несравненно богаче и счастливее фашизма.

Иначе говоря, сокрушить фашизм нужно и можно, *но делать это следует с умом*. Неосторожно, близоруко, глупо помещать критику его в план средств, где мы по необходимости вынуждены проделывать много того, что нас с ним сближает. Такая близору-

кая, фальшивая критика способна навести нашего же читателя на предательский вопрос:

— Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!

Нужно непрестанно иметь в виду радикальное притивоположение в мире целей, на высотах. Только тогда мы будем непобедимы даже и в газетном споре. В противном случае, лучше уж молчать. Si tacuisses, philosophus nonsisses*

(5 ч. 15 м. дня)

30 мая 1937 г.

С наслаждением читаю о Пушкине: «Пушкин в жизни» Вересаева⁴⁰⁵. В мозгу бегают мысли о жизни, о судьбе, о делах человеческих. Повторительный курс. Ретроспектива.

Словно со стороны. Ничего уже нет и не может быть нового. Эпилог.

Жизненный путь — «умудряет». Правда, оглянешься назад, на весь этот приключенческий и вместе философический фильм — и хочется улыбнуться: отрешенно и всепонимающе. «Сова Минервы»⁴⁰⁶ — вот она. Круглоглазая. Сумерки — уже без нового рассвета. Это ясно, «беспощадно ясно».

Где-то сказано, что бывает такая доза мудрости, которую уже перестает умещать дрящущая жизнь: «Исполнен долг, завещанный от Бога, Мне, грешному».

Вернее, не «исполнен долг», а «исполнился жребий». Жизнь не только прожита, но и изжита. «Прожита и рассказана». Груз опыта. Опыта жизни и опыта мысли. Жил — и «мыслил», «рефлектировал на жизнь». В результате до конца истрачено, пропало то воспетое древними философами удивление перед миром, в коем — корень познания и живой источник самой жизни. Теперь уже как-то

* Умеющий хранить тайну прослывет мудрым (лат.).

ничему не «удивляешься» в этом, философском смысле термина, — да, пожалуй, тоже и в житейском. Ничто не стряхнет ни мозга, ни сердца. Знаешь звучание всех струн мысли, чувства во всех планах — и уже не откликаешься на это звучание, а лишь регистрируешь... «Это — do, а это — si, а это — la bemol»^{*} Это — от Канта, а это — от Энгельса и Маркса. Это — от Геббельса, а вот это — ... и т.д. Много струн, много песен, и знаешь досконально запах каждой, и что к чему, и кто куда. Душа превратилась в стертую гривну, выдавшую виды... много видов... И она не утратила, однако, оттого целомудрия, — может быть, напротив: приобрела целомудрие, ненужное и несносное в этом мире жара и страсти.

Не знаю, так ли это у меня выходит на бумаге, что-то слова плохо слушаются, но ясно, что поймет эти строки лишь тот, кто сам дошел до жизни такой...

Груз интеллектуального, морального, ну и «физического» опыта. «Выход из себя» ... и из игры!..

(2 ч. дня)

2 июня 1937 г.

Вчера был у Скитальца⁴⁰⁷ Рассказывал он о встрече Куприна на вокзале⁴⁰⁸ Не виделись они 25 лет, с 1912 года. И вот, довелось... Встретились.

Но как! Это было грустное свидание. В сущности Куприна нет, — есть «то, что было Куприным». Бедняга стал развалиной, полутрупом. Не узнает окружающих, ничего не помнит, еле идет, поддерживаемый женой⁴⁰⁹ Явно опоздал вернуться. Хотя бы лет с пяток тому назад!

Встретили его тепло, явились на вокзал несколько десятков писателей во главе с руководством писательского союза — Ставским, Панферовым⁴¹⁰ И, разумеется, все были разочарованы. Отвезли в «Метрополь»⁴¹¹, отвели отличный номер. Издают два тома избранных его произведений.

Скиталец с грустью рассказывает о встрече:

— Ну, здравствуй, Александр Иванович, здравствуй... Скиталец! Скитальца помнишь? Не узнаешь?..

— Скитальца? А-а... Да, Скитальца помню. Вспоминаю...

И говорит безучастным голосом со Скитальцем о Скитальце в третьем лице... Vixerunt**

Рядом с заметкой⁴¹² о приезде Куприна газеты помещают заметку о самоубийстве Гамарника⁴¹³, запутавшегося в связях с антисоветскими элементами.

(2 ч. дня)

4 июня 1937 г.

Иногда думаешь:

— Как хорошо бы не думать!

В самом деле, есть нечто беспокойное, изнурительное в самой стихии мысли. Говорят: «навязчивые мысли». Но разве не каждая мысль является в какой-то степени «навязчивой»? Мыслительный процесс в значительной мере самопроизволен. Хочешь затушить его, как свечу, — и не выходит.

«Черные мысли, как мухи, жала, жужжат и кружатся...»

* Обозначения нот — до, си, ля бемоль (*лат.*).
Живший давно (*лат.*).

Но, с другой стороны, разве в природе мысли нет внутреннего света, способного победить тьму этих черных мух? Конечно, есть.

Но, должно быть, именно вот это-то противоборство света и тьмы в нашем мозговом аппарате и утомляет, изнашивает, изнуряет его. «Свет победил, но аппарат окончательно сдал».

Как хорошо бы не думать! — Разумеется это вздор. Это равносильно иному: «как хорошо бы не жить». Ибо — cogito ergo sum*. Значит, остается: света, больше света! Mehr Licht**!

(12 ч. 40 м. дня)

* Я мыслю, следовательно, я существую (лат.).
Больше света! (нем.).

Ф. 3. Оп. 59. Д. 32. Л. 81–215 об. Автограф

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Чжалантунь — город на границе Китая и Монголии, соединенный железнодорожной веткой с Читой; на дорогу от Харбина до Москвы семья Устряловых потратила две недели (с 20 мая по 2 июня).
- 2 Семья Устряловых жила в Харбине на зеленой Соборной улице.
- 3 Информацию о Советской России печатали издававшиеся в Харбине русские газеты и журналы разных идейных направлений — «Рубеж», «Нива», «Харбинская Заря». Свои издания в 1922–1936 гг. имели русские эмигрантские объединения и общества: «Католический вестник» (Русского епархиального византийско-славянского отряда в Китае), «Сибирь—Палестина» (Палестинского информационно-эмигрантского бюро на Дальнем Востоке), «Вестник Маньчжурии» и «Вопросы школьной жизни» (КВЖД и Союза учителей КВЖД), «Известия Юридического факультета в Харбине», «Вестник Маньчжурского педагогического общества», «Известия Общества изучения Маньчжурского края», «Хлеб небесный» (Казанско-Богородского мужского монастыря в Харбине). Информационное влияние на русских эмигрантов в Харбине оказывала в 1922–1949 гг. крупная эмигрантская колония соотечественников в Шанхае.
- 4 В августе 1929 г. была введена рабочая неделя с одним нефиксированным выходным, который мог быть любым днем недели: так, 30 мая 1935 г. (в тексте — «выходной») приходится на четверг.
- 5 В XVI в. в предместье Калуги рядом с крепостными сооружениями («завалом») Симеонова городища и Лаврентьева монастыря возникла слобода Подзавалье. Здесь ежегодно 10 августа (ст. ст.) отмечался день памяти блаженного Лаврентия, юрдового Калужского (1515).
- 6 В 1925 г. Н. В. Устрялов был нанят советскими властями и работал в Бюро преподавания зоны КВЖД, в числе служащих которого были как советские подданные, так и эмигранты. В 1935 г. в связи с продажей КВЖД СССР финансировал отъезд советских граждан на родину. Вместе со всеми уезжала и семья Устряловых, получившая официальное разрешение вернуться в Россию в феврале 1935 г. Путь из Харбина в Москву пролегал практически по всей южной границе СССР.
- 7 Город на реках Оке и Яченке в 188 км от Москвы. Впервые упоминается около 1371 г. в грамоте литовского князя Ольгерда. В 30-х гг. XIX в. — процветающий уездный, а к началу XX в. — тихий провинциальный город. В 1913 г. он имел на 55 тыс. населения 62 полукустарных предприятия на 2,8 тыс. рабочих. Здесь в доме бабушки Елизаветы Митрофановны на Никитской улице Н. В. Устрялов провел свое детство. Позже особняк был куплен Духовной Консistorией.
- 8 Здесь и далее в дневнике приводятся строки из произведений А. Архангельского, Бальмонта, Блока, Брюсова, Волошина, Есенина, Лермонтова, Некрасова, Пушкина, Игоря Северянина, В. Соловьева, В. Соллогуба, Тютчева, Саши Черного, из оперных арий, романсов, песен и частушек, а также стихотворные строки самого Н. В. Устрялова. Встречающиеся в тексте дневника афоризмы принадлежат Аристотелю, Белому, Герцену, Горькому, Достоевскому, Ларошфуко, Мюрату, Козьме Пруткову, Пушкину, Тургеневу, Хомякову, Шекспиру.
- 9 Живописная деревня в ближайших окрестностях Калуги.
- 10 Имеется в виду центральное в Калуге Пятницкое кладбище.
- 11 Расцвет политики репрессий в отношении культовых построек пришелся на 30-е г. Ее проводниками стали областные организации Союза воинствующих безбожников. В Калуге были уничтожены Лаврентьевский монастырь (XVI в.), монастырь во имя Животворного креста Господня (XVII в.), храм великомученика Никиты (XVII в.). Многие церковные помещения стали использоваться для городских нужд.
- 12 Речь идет о 4-м акте трагедии «Царь Феодор Иоаннович», написанной А. К. Толстым (1817–1875) в 1868 г. В сцене «Берег Яузы» (4-й акт) показан гусляр, поющий былинку о походе польского короля на Псков.
- 13 Имеется в виду переложное в виде духовного стиха и исполняемое нищими ради милостыни апокрифическое «Хожение Богородицы по мукам» (XII в.)
- 14 Рудый Ю. В. (в тексте также — Ю. В. Р.; Ю. В.-у; Ю. В.; Юлий Викентьевич) — с января 1925 г. член коллегии НКПС, уполномоченный НКПС и Экономического совета при СНК РСФСР, с июня 1935 г. по август 1937 г. председатель Научно-технического Совета НКПС.
- 15 Китайская Восточная железная дорога, строящаяся Россией в 1897–1903 гг., проходила по территории Северо-Восточного Китая и связывала Владивосток с Транссибирской магистралью. По Портсмутскому мирному договору (1904) она отошла к Японии, которая в 1918 г. ввела войска

- в этот район. На Вашингтонской конференции (1921–1922) за право владения дорогой разгорелся спор. По советско-китайскому соглашению 31 мая 1924 г., она была признана коммерческим предприятием совместного управления. В 1935 г. КВЖД была продана Японии за 140 млн. иен.
- 16 В 1930 г. на юго-западе от Садового кольца на месте Сукина болота был заложен Государственный подшипниковый завод № 1. Одновременно с корпусами завода возводился комплекс домов для рабочих. Завод был торжественно открыт 29 марта 1932 г.
- 17 Шпенглер О. (1880–1936) — немецкий философ-идеалист. В своем главном сочинении «Закат Европы» (русский перевод издан в 1923 г.) развил учение о культуре как множестве «замкнутых организмов», выражающих коллективную эстетику и «душу народа».
- 18 В начале 30-х г. в связи с запрещением обращаться к творчеству зарубежных авторов на сценах советских театров был представлен только отечественный репертуар. В конце десятилетия были разрешены постановки зарубежной оперной и драматургической классики (Россини, Верди, Шекспир).
- 19 Младший сын Н. В. Устрялова — Лев (в тексте также Лялька) родился в Харбине 16 июля 1924 г.
- 20 По приезду в Москву Н. В. Устрялов занимал комнату в доме для работников НКПС в районе Zubовского бульвара. Путь его домой пролегал через центр Москвы, который по Генеральному плану реконструкции в первую очередь подлежал «парадному» реконструированию.
- 21 В октябре 1935 г. была отменена карточная система снабжения населения товарами и установлена открытая торговля по единым государственным ценам. За 1928–1940 гг. число магазинов по стране выросло со 170 тыс. до 495 тыс.
- 22 Имеется в виду перефразированная мысль В. И. Ленина, высказанная им в ряде статей и выступлений 1921–1922 гг. (Доклад на II съезде Политпросветов; статьи: «О международном и внутреннем положении», «О значении золота»; в речи: на IX съезде Советов, XI съезде РКП(б), IV конгрессе Коминтерна, пленуме Моссовета).
- 23 Этим термином из речи Н. И. Бухарина на XIV партконференции (апрель 1925 г.) стали обозначать курс ВКП(б) на построение социализма и культурную революцию.
- 24 Шатобриан Ф. Р. де (1768–1848) — французский писатель и политический деятель, сторонник идеи преимущества веры перед революционными действиями. В 1791 г., с началом якобинской революции он уехал в Америку в поисках нетронутых цивилизацией стран. В 1792 г., вернувшись во Францию, сражался на стороне роялистов. После ранения уехал в Англию. По возвращении из эмиграции в 1804 г. занимал ряд дипломатических постов. Автор труда «Опыт о революциях».
- 25 В декабре 1932 г. было принято постановление СНК СССР «Об установлении единой паспортной системы по СССР». «Инструкция о выдаче паспортов» (январь 1933 г.) наряду с ограничениями предписывала проведение паспортизации с обязательной пропиской в Москве и Ленинграде. Согласно «Инструкции по паспортной работе» (1935), паспортная книжка имела 3-летний срок действия.
- 26 11 марта 1922 г. В. И. Ленин получил из Представительства РСФСР в Германии сборник статей «Смена веков», изданный в Праге. Одним из его авторов был Н. В. Устрялов, писавший, в частности, о нэпе как «эволюции революции к буржуазному строю». В 1922 г. на X съезде партии и в статье «Заметки публициста» В. И. Ленин назвал Н. В. Устрялова «откровенным классовым врагом». Под «устряловщиной» он подразумевал форму борьбы внутренних и внешних врагов против советской власти под видом сотрудничества с ней.
- 27 В 1917 г. в Москве жили 1,8 млн человек. Революции и гражданская война сократили численность москвичей вдвое. Москва лишилась большей части дворян, купцов, интеллигенции и духовенства, а оставшиеся представители этих сословий подвергались репрессиям. К 1937 г. их потомки составили 3% от 4 млн жителей Москвы.
- 28 Имеется в виду дом Е. М. Устряловой (см. прим. 7).
- 29 Народный Комиссариат путей сообщения был образован в 1917 г. Общесоюзный Наркомат руководил исключительно железнодорожным транспортом. В 1933 г. с целью упрощения его структуры НКПС был реорганизован в управление отраслевого характера, располагающее сетью уполномоченных в союзных и автономных республиках.
- 30 В 1922–1938 гг. общесоюзное издательство «Академия» имело свои отделения в Москве и Ленинграде. Ими были подготовлены многотомные книжные серии: «Сокровища мировой литературы», «Классика мировой литературы», «Литературные памятники» и другие.
- 31 До возвращения в СССР Н. В. Устрялов вел переписку с «советофильствующими» (выражение Устрялова) русскими эмигрантами в европейских странах, в том числе с главой группы интеллигенции в Париже Ю. А. Ширинским-Шихматовым (1890–1942) — юристом, публицистом, корреспондентом журналов «Утверждение», «Завтра» и сторонником всемирной помощи России со стороны русской эмиграции. (В 1941 г. он был арестован нацистами и погиб в Освенциме.)
- 32 Сведения о более раннем знакомстве Н. В. Устрялова с А. М. Горьким в специальной литературе не обнаружены.
- 33 Имеется в виду советско-румынская конференция по вопросам железнодорожного транспорта (июнь 1935 г.)
- 34 Миша — брат Н. В. Устрялова.
- 35 Писательница М. С. Шагинян (1888–1982) выступала в Московском доме журналистов в связи с проходившим 21–25 июня 1935 г. в Париже I Международным конгрессом писателей в защиту культуры.
- 36 13 ноября 1908 г. А. А. Блок (1880–1921) выступал на заседании Петербургского Религиозно-философского общества с докладом «Народ и интеллигенция», где поднимал этот вопрос («Золотое руно» 1909. № 1).
- 37 Речь идет о французской буржуазно-демократической революции 1789–1794 гг., провозгласившей лозунг: «Свобода! Равенство! Братство!» Ряд статей Н. В. Устрялова, последовавший за эссе «Путь Термидора» (1920), был посвящен сравнительному анализу европейских и русских революций.
- 38 Стюарт — королевская династия в Шотландии (1371–1714) и Великобритании (1603–1714). Здесь — в значении «давние, древние времена».
- 39 Н. Г. Смирнов учился вместе с Н. В. Устряловым на юридическом факультете Московского университета.
- 40 Имеется в виду гостиница «Княжий двор», построенная на улице Волхонка в 1892 г. Ее комнаты бы-

- ли сразу превращены в общежитие для преподавателей и студентов Московского университета. Там до 1917 г. жил Н. В. Устрялов.
- 41 См. прим. 20.
- 42 После февральской революции 1917 г. Н. В. Устрялов возглавлял Калужскую организацию партии кадетов.
- 43 Летом 1925 г. Н. В. Устрялов был в краткосрочной командировке в России.
- 44 Личность Л.Г. установить не удалось.
- 45 Наташа — жена Н. В. Устрялова.
- 46 Скиталец — Петров С. Г. (1869–1941) — публицист, прозаик, один из группы писателей, объединившихся вокруг издательства «Знание».
- 47 Торгсин — Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами. Образован из отдела Наркомата торговли, которому подчинялся ряд закрытых магазинов, продававших иностранцам промышленные и продовольственные товары на валюту. Осенью 1931 г. они были открыты для советских граждан, которые могли обменять драгоценные металлы на продукты питания. В мае 1934 г. СНК СССР постановил прекратить деятельность Торгсинов с января 1936 г.
- 48 Сетницкий — коллега Н. В. Устрялова по службе в Бюро преподавания зоны ВВЖД.
- 49 Поместье «Горки», располагавшееся в ближайшем западном Подмоскovie (на Рублево-Успенском шоссе), было в ведении хозяйственного управления ЦК ВКП(б). А. М. Горький занял госдачу «Горки-Х» в 1928 г. и прожил там вплоть до своей кончины в июне 1936 г.
- 50 Н.В.Устрялов имел опыт библиотечной работы: с 1928 г. он был директором Центральной библиотеки ВВЖД, с 1932 г. возглавлял журнал «Библиографический сборник». Библиотека НКПС имела в основе Библиотеку бывшего Министерства путей сообщения. На 1927 г. в ней насчитывалось более 148 тыс. томов.
- 51 Василевский М. Ф. был секретарем Ю. В. Рудого.
- 52 Каганович Л. М. (1893–1991) (в тексте также Л.М.К.; Лазарь Моисеевич) — в 1935 г. занимал пост секретаря ЦК ВКП(б) и первого секретаря МК партии, был председателем КПК при ЦК ВКП(б), наркомом путей сообщения.
- 53 Образцов В. Н. (1874–1949) — ученый, автор трудов по развитию, проектированию, строительству, эксплуатации железных дорог и других видов транспорта. Член ВЦИК, депутат Верховного Совета СССР.
- 54 Орден Ленина являлся высшей государственной наградой СССР, учрежденной 6 апреля 1930 г. Лицам, награжденным этим орденом, по его статусу ежемесячно дополнительно выплачивали 25 рублей.
- 55 Значок члена ЦИКА вручался в 1922–1936 гг. членам этого высшего органа государственной власти в СССР.
- 56 ВТУЗ — высшие технические учебные заведения в СССР готовили советские («красные») инженерные кадры.
- 57 Барбюс А. (1873–1935) — французский писатель и общественный деятель, почетный член АН СССР. Приехал в Москву 25 июля 1935 г. с целью подготовки комментария к французскому переводу переписки В. И. Ленина с родными. Скончался в Москве 30 августа 1935 г.
- 58 МЮД — Международный юношеский день являлся всемирным праздником прогрессивной молодежи. Он был установлен в 1915 г. решением Бернской международной конференции социалистической молодежи. В России впервые проведен в сентябре 1917 г. (С 1945 г. Всемирный день молодежи.)
- 59 В 1931 г. СНК РСФСР была утверждена для милиции единая форма одежды: белая гимнастерка и фуражка, темно-синие брюки-галифе, высокие сапоги.
- 60 Имеются в виду 14 портретов великих композиторов и музыкантов, расположенные в медальонах под сводом Большого зала Московской Консерватории.
- 61 Ближайшими к Консерватории станциями первой линии Московского метро, открытыми в 1935 г., были «Арбатская» и «Коминтерновская» (с 1946 г. «Калининская», в настоящее время «Александровский сад»).
- 62 3 сентября 1935 г. из Москвы в Ашхабад отправился состав из 7 крытых товарных вагонов и 16 платформ, на которых отправились домой, проводившие в столице 12 дней всадники Туркмении, совершившие спортивный конный переход Ашхабад—Москва. Они получили в подарок 32 грузовика «ГАЗ» и чек на 465 тыс. рублей для развития местного колхозного строительства.
- 63 Название «Дикой дивизии» носила Кавказская туземная дивизия, сформированная во время первой мировой войны из воинов горных народностей Северного Кавказа. Организую свой поход на Петроград в августе 1917 г., Л. Г. Корнилов рассчитывал на ее вооруженную поддержку. Распропагандированная большевиками дивизия отказалась служить контрреволюции, ее командир покончил с собой.
- 64 Кеч С. Ф. — коллега Н. В. Устрялова по службе в Бюро преподавания зоны ВВЖД.
- 65 Народный комиссариат юстиции, организованный постановлением II съезда Советов в октябре 1917 г., осуществлял общее руководство судебными учреждениями РСФСР. В июле 1936 г. при реорганизации Наркомата в его составе было создано специальное Управление учебными заведениями юридического профиля.
- 66 См. прим. 26.
- 67 Няня в доме Устряловых.
- 68 Имеются в виду места ссылки и лагерей принудительных работ. Соловки — с XV в. крепость и религиозный центр на Соловецком острове в Белом море. Соловецкий лагерь особого назначения был организован там на основании постановления СНК РСФСР от 2 октября 1923 г. Бам — Кругобайкальская железная дорога — являлась продолжением Сибирского железнодорожного пути. Бамлаг действовал там на основании декрета ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 17 мая 1919 г.
- 69 Крючков П. П. (1880–1938) — секретарь А. М. Горького и его доверенное лицо в издательских и финансовых делах. В 1938 г. проходил по делу «Правотроцкистского антисоветского блока»: был обвинен в убийстве А. М. Горького и его сына.
- 70 Рябушинский П. П. (1871–1924) — старшина Московского биржевого комитета, член ЦК «Союза 17 октября». В 1920 г. покинул Россию. Построенный им в 1900–1903 гг. по проекту Ф. О. Шехтеля особняк на Малой Никитской улице стал самым знаменитым зданием московского модерна. С 1917 по 1930 г. там поочередно располагались Отдел виз НКВД, Госиздат, ВОКС. С 1931 по 1936 г. в доме жил А. М. Горький.
- 71 Иванов Вс. Вяч. (1895–1963) — писатель-прозаик.

- В 1917 г. работал в Омском губернском исполкоме; первые его произведения посвящены событиям революции и гражданской войны в Сибири.
- 72 Имеется в виду Бородинский мост, построенный в 1912 г. по проекту Р. Клейна и Н. Осколкова. Он соединял Смоленскую улицу с Дорогомиловской заставой, от которой вела дорога на запад Подмосковья.
- 73 К Можайскому шоссе примыкали живописные районы Давыдовка, Кунцева, Рублева, Сетуни, являвшиеся с середины XIX в. дачной местностью. Запад Подмосковья традиционно был местом строительства дач для членов Политбюро, Правительства, советского генералитета.
- 74 Ауслендер С. А. (1886–1943) — прозаик, драматург, публицист. Автор корреспонденций с фронтов первой мировой войны. С 1919 г. сотрудник колчаковской газеты «Сибирская речь» (Омск), затем работал в жанре историко-революционной беллетристики для юношества.
- Вяткин Г. А. (1885–1941) — поэт, прозаик, публицист. С лета 1917 г., примкнув к левым эсерам, служил в Управлении комиссариата Северного фронта в Пскове. С 1918 г. корреспондент колчаковских газет в Омске, позже работал в советской прессе.
- Маслов Г. В. (1895–1920) — поэт, публицист. В 1917 г. уехал в Симбирск для организации выборов в Учредительное собрание. В 1918 г. участвовал в создании Добровольческой армии. Вместе с частями Чехословацкого национального корпуса отступил в Омск, где служил рядовым в армии А. В. Колчака. Корреспондент омских газет. Умер от тифа.
- 75 Имеется в виду I Международный конгресс писателей в защиту культуры, проходивший в Париже 21–25 июня 1935 г. На конгрессе были представлены 35 стран-участниц. В состав делегации СССР входили Вс. Иванов, А. Караваева, В. Киршон, М. Кольцов, Ф. Панферов, Б. Пастернак, Н. Тихонов, А. Толстой, М. Шолохов, И. Эренбург и др.
- 76 Усадебный дом в Горках представлял собой двухэтажный особняк, характерный для московской архитектуры конца XIX в. Точных сведений о владельце поместья установить не удалось.
- 77 Речь идет о Надежде Алексеевне Пешковой.
- 78 Максим Алексеевич Пешков умер 11 мая 1934 г.
- 79 Имеется в виду протестантская церковь, отколовшаяся от католицизма в период Реформации (XVI в.). В 20–30-е гг. XX в. ее отличал сугубо пессимистический взгляд на европейскую цивилизацию.
- 80 Гонения большевиков против церкви в 30-е г. породили неофициальную, неконтролируемую государством «катакомбную» церковь. В число ее христиан входили «федоровцы», получившие свое название по имени отца Феодора (Рыбалкина), организовавшего в конце 20-х гг. в Воронежской губернии религиозно-монархическое движение. В 1928 г. состоялся открытый процесс над членами секты, после которого движение приняло еще более массовый характер, захватив кроме России Украину, Кубань, Северный Кавказ.
- 81 Сперанский М. М. (1772–1839) — государственный деятель, автор «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» (1803), инициатор создания Государственного совета и ликвидации крепостного права еще в 1810 г., под его руководством было впервые составлено 45-томное «Полное собрание законов Российской империи».
- 82 Байер Г. З. (1694–1738) — немецкий историк и филолог, член Петербургской Академии наук, основоположник «норманнской теории», автор трудов по истории Древней Руси.
- 83 Подробных сведений о проекте Дворца слова не установлено.
- 84 Евразийство являлось литературно-философским течением в среде русских эмигрантов. По мнению его последователей, господствующая в мире романо-германская культура переживает кризис и на смену ей приходит культура славянских народов, в частности, русская культура.
- 85 Трубецкой Н. С. (1890–1938) — лингвист, философ, культуролог, приват-доцент Московского университета. С 1920 г. жил и работал в Софии. Инициатор международных конгрессов славистов в Гааге (1928) и Праге (1929). В период изучения философии российской истории издал книгу «Европа и человечество» (1920), положившую начало евразийству.
- 86 Принятый в 1935 г. «Примерный устав колхоза» гарантировал крестьянам право иметь небольшой приусадебный участок для выращивания на нем овощей, держать одну корову, ограниченное число свиней или овец. Продукты с приусадебных участков предназначались только для собственного потребления.
- 87 Машино-тракторные станции (МТС) были созданы в 1928 г. как государственные предприятия для технической помощи колхозам.
- 88 Группа пород белых свиней, выведенных в XIX в. в графстве Йоркшир (Великобритания).
- 89 Канал Москва—Волга сооружался в 1932–1937 гг. с целью решения вопросов водоснабжения, транспорта и выработки электроэнергии. На 128 км водного пути было построено 240 гидросооружений. (В 1947 г. каналу было присвоено имя Москвы.)
- 90 Трифонов Н. Н. был сослуживцем Н. В. Устрялова по юридическому факультету Харбинского университета.
- 91 Одна из первых статей Н. В. Устрялова, написанная в первой половине 1920 г. и вошедшая в сборник «В борьбе за Россию» (Харбин, 1920).
- 92 Город Сергиев Посад Московской области в 1930–1991 гг. носил имя партийного деятеля В. М. Загорского. Историческое ядро посада составлял Троице-Сергиев монастырь, основанный в 1345 г. Сергием Радонежским и получивший в 1744 г. статус лавры. В монастыре, включенном в стратегическую систему обороны Москвы, процветали соби́рание и переписывание книг, церковные и художественные ремесла. Так, в Троицком соборе лавры сохранились фрески живописца московской школы Андрея Рублева (1360–70—1430). За длительную историю существования в его ризницу в виде вкладов от царствующих и именитых особ, в том числе Ивана IV (1533–1584), семьи Годуновых, Михаила Романова (1613–1645), Алексея Михайловича (1645–1676), Екатерины II (1762–1796) и других, поступило большое число высокохудожественных произведений иконописи и прикладного искусства, ювелирных изделий, драгоценного шитья. В 1919 г. лавра была закрыта. В 1920 г. на ее территории был открыт музей древнерусского искусства XIV–XIX вв.
- 93 Сергей Радонежский (1321–1391) — церковный и политический деятель, основатель Троице-Сергиева монастыря, его игумен в 1353–1391 гг. Моральный авторитет Сергия Радонежского связан

- с именем князя Дмитрия Донского и победоносной Куликовской битвой. Мощи Сергия Радонежского хранятся в Троицком соборе (XIV в.) монастыря.
- 94 С XV в. Сергиев Посад стал центром ремесел, в числе которых была резьба по дереву и изготовление игрушек. Единственный в России Музей русской игрушки был основан в 1918 г. в Москве, а в 1931 г. переведен в Сергиев Посад.
- 95 Речь идет о сборнике статей и выступлений И. В. Сталина, посвященных пропаганде ленинского идейного наследства.
- 96 Имеется в виду сцена из повести Н. В. Гоголя (1809–1852) «Страшная месть» (1831–1832), изображающая приход отца Катерины к святому схимнику с просьбой замолить его смертные грехи и отказ последнего, поскольку буквы его священной книги налились кровью.
- 97 Наполеон I (1769–1821) — французский император в 1804–1814 гг.
Муссолини Б. (1883–1945) — диктатор Италии в 1922–1943 гг.
Гитлер (Шикльгрубер) А. (1889–1945) — с 1921 г. глава национал-социалистической партии, с 1933 г. рейхсканцлер Германии.
- 98 Предводитель крестьянской войны 1773–1775 гг. донской казак Е. И. Пугачев (1740–1775) приказывал для устрашения властителей сплавлять по рекам на плотах виселицы с казненными им помещиками.
- 99 Имеется в виду сцена из романа Л. Н. Толстого (1828–1910) «Война и мир» (1863–1869), описывающая размышления о земном и вечном одного из главных героев повествования, князя Андрея Болконского, раненного во время Аустерлицкого сражения.
- 100 1 января 1935 г. были отменены карточки на хлеб и муку. 29 сентября 1935 г. в городах была упразднена потребительская кооперация. 1 октября 1935 г. были отменены карточки на мясо, жиры, рыбу, сахар, картофель, однако цены на продукты питания сохранились высокими.
- 101 К 1936 г. 90% крестьянских хозяйств входило в колхозы: от этих мер ожидался рост урожая зерна вдвое. Однако валовой сбор зерновых в 1935 г. (75,0 млн т.) остался практически на уровне 1928 г. (73,3 млн т.). Государственные заготовки выросли почти в три раза, экспорт зерна не прекращался даже при чрезвычайных обстоятельствах.
- 102 См. прим. 26.
- 103 Имеется в виду издательство «Трансжелдориздат», основанное в 1923 г. в системе Госиздата СССР.
- 104 Речь идет о Доме техники НКПС, созданном при реорганизации НКПС в 1933 г. как музей и дом для целевых занятий молодежи.
- 105 Ежедневная общеполитическая газета «Известия Советов народных депутатов СССР», выходила в Москве с марта 1918 г.
- 106 Личность Г. Гр. установить не удалось.
- 107 В мае 1896 г. был подписан Союзный договор между Россией и Китаем, а в августе — контракт на строительство Китайской Восточной железной дороги (см. прим. 15). В конце мая 1898 г. в среднее течение Сунгари (от маньчж. — «мутная», «молочная» река) прибыли два русских парохода — «Иннокентий» и «Благовещенск». Так был заложен русский город Харбин (от маньчж. — «переправа через реку»), где разместилось Управление КВЖД. После 1917 г. Харбин стал белоэмигрантским центром.
- 108 Живописное село Ромоданово стояло на притоке Оки — речке Вырке. Здесь в 1740 г. Евдокимом Демидовым был заложен железоделательный завод. 3 апреля 1752 г. ромодановские рабочие подняли бунт против жестокости заводчика.
- 109 Небольшой приток речки Яченки.
- 110 Брат отца Н. В. Устрялова.
- 111 ЦОП — Центральное объединение профсоюзов.
- 112 В деле имеется письмо Н. В. Устрялова на имя Л. М. Кагановича, переданное через Ю. В. Рудого (без даты, машинописный текст, подпись — автограф).
- 113 Эренбург И. Г. (1891–1967) — писатель, общественный деятель, член Союза писателей. В 1934–1935 гг. совершил большое путешествие по Советскому Союзу; итогом его стали книги очерков «Хроника наших дней» (1935) и «Не переводя дыхания» (1935).
- 114 Россов А. С. — с марта 1935 г. зам. начальника Политуправления НКПС, начальник Центрального отдела приема и увольнения работников НКПС.
- 115 В 1896 г. в Москве было основано Инженерное училище, реорганизованное в 1913 г. в Институт инженеров путей сообщения. На его базе в 1924 г. был создан МИИТ — Московский институт инженеров железнодорожного транспорта.
- 116 Речь идет о герое повести А. С. Пушкина (1799–1837) «Пиковая дама» (1833), который о свое время открыл графине тайну трех карт.
- 117 Имеется в виду музыка, написанная П. И. Чайковским в 1890 г.
- 118 В 1913 г. Н. В. Устрялов закончил юридический факультет Московского университета. В 1916–1918 гг., будучи приват-доцентом, преподавал там государственное право.
Архив Московского университета располагался в полуподвальном этаже усадебного дома Д. И. и А. И. Пашковых, на углу Моховой и Никитской улиц, приобретенного в 1833 г. для нужд университета.
- 119 Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920) — правовед, философ, преподаватель Московского университета.
Вышеславцев Б. П. (1877–1954) — философ, преподаватель юридического факультета Московского университета, участник созданной Н. А. Бердяевым в 1912 г. Вольной Академии духовной культуры.
Ницше Ф. (1844–1900) — немецкий философ, один из основателей «философии жизни».
Соловьев С. М. (1820–1879) — историк, ректор Московского университета.
Вережкин И. С. учился вместе с Н. В. Устряловым на юридическом факультете Московского университета.
Возможно, речь идет о «Мадоннах» старых мастеров, поскольку рядом с Волконскими комнатами (см. прим. 40) в 1912 г. был открыт Музей изящных искусств, но, скорее всего, имеется в виду знаменитая драматическая актриса М. Н. Ермолова (1853–1928), слышавшая «Мадонну московского студенчества».
- 120 Перед зданием Московского университета на Моховой улице в 1876 г. был установлен бронзовый бюст М. В. Ломоносова (скульптор С. И. Иванов). (В 1941 г. он пострадал во время налета немецких самолетов на Москву и был перенесен в помещение университетского Клуба.)
- 121 Гостиница Моссовета «Москва» была построена в 1930–1935 гг. на Манежной площади в стиле кон-

- структивизма (архитекторы А. В. Щусев, Л. В. Савельев, О. А. Стапран).
- 122 Имеется в виду «Курс практических занятий по экономической географии», изданный в Ленинграде в 1924 г.
- 123 Острое воспалительное заболевание органов пищеварения, обусловленное серьезными нарушениями в питании.
- 124 См. прим. 47.
- 125 1 января 1936 г. была отмечена девальвация рубля по отношению к французскому франку (1 руб. = 3 франкам). Возврат к курсу рубля по отношению к доллару произойдет только в 1937 г.
- 126 14–17 ноября 1935 г. состоялось I Всесоюзное совещание стахановцев промышленности и транспорта. (Стаханов А. Г. (1906–1977) — забойщик шахты «Центральная» в Донбассе, зачинатель движения за рекордные нормы труда.) Заседание происходило в здании Большого Кремлевского дворца, построенного как московская резиденция императорской семьи в 1838–1852 гг. (архитектор К. А. Тон). После 1917 г. стал местом проведения крупных съездов и совещаний.
- 127 17 ноября 1935 г. на закрытии совещания стахановцев (см. прим. 126) с речью выступил И. В. Сталин, призвавший неизменно повышать производительность труда во всех отраслях народного хозяйства.
- 128 Дойран — город на юге Югославии. В связи с хлопотами Н. В. Устрялова о возвращении в СССР «белые газеты» в Харбине распространили сведения о его желании купить там дом и остаться «невозвращенцем».
- 129 Киров (Костриков) С. М. (1886–1934) — с 1926 г. первый секретарь Ленинградского обкома партии и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б), с 1930 г. член Политбюро, с 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б). Погиб 1 декабря 1934 г. в результате террористического акта.
- 130 В 1908 г. Н. В. Устрялов окончил Николаевскую мужскую гимназию в Калуге.
- 131 Имеются в виду эволюция взглядов Н. В. Устрялова (кадет, национал-большевик) и его многочисленные разезды по России (Петербург, Москва, Калуга, Пермь, Омск и др.) и зарубежным странам (Франция, Италия, Югославия, Китай и др.).
- 132 Совещание передовых комбайнеров состоялось в Москве 1 декабря 1935 г.
- 133 19 декабря (нов. ст.) русская православная церковь отмечает день памяти чудотворца Николая архиепископа Мир Ликийских (ок 345 г.).
- 134 Имеется в виду профсоюз работников транспорта.
- 135 В 1934 г. вышла грампластинка с записью джаз-оркестра Л. Утесова. Музыкальная обработка песни «У самовара» принадлежала Л. Дидерихсу. Автором слов значился В. Лебедев-Кумач. На самом деле одноименная эстрадная песня была написана в 1933 г. на польском языке Ф. Квятковской для кабаре «Морское дно», ею же был сделан русский перевод. «Песня о беспокойном сердце» была создана И. Дунаевским и В. Лебедевым-Кумачом в 1934 г. для кинокомедии «Веселые ребята».
- 136 В 1920 г. Госиздат впервые наложил запрет на переиздание поэтического цикла С. А. Есенина (1895–1925) «Москва кабацкая». В 30-е гг. Есенин был отнесен к запрещенным поэтам. В апреле 1935 г. прошла кампания изъятия из библиотек сочинений Г. Е. Зиновьева и Л. Д. Троцкого, а также книг, где упоминались эти фамилии. В их числе была «Песнь о Великом походе» С. Есенина.
- 137 Вертинский А. Н. (1889–1957) — артист, поэт, композитор. С 1913 г. исполнитель эстрадных песен в Мамонтовском театре миниатюр. Живя с 1918 г. в эмиграции, гастролирует по европейским странам, США, Китаю. В 1943 г. получает разрешение вернуться в СССР. С неизменным успехом, при полном молчании официальной прессы, певец выступал в Домах творческой интеллигенции, концертных залах, клубах.
- 138 Имеется в виду административно-жилой комплекс ЦК ВКП(б) и СНК в непосредственной близости от Кремля на ул. Серафимовича, построенный в 1928–1931 гг. по проекту Б. М. Иофана (так называемый «Дом на набережной»).
- 139 Фраза, сказанная И. В. Сталиным 17 ноября 1935 г. в речи на закрытии I Всесоюзного совещания стахановцев.
- 140 Карельская автономная советская социалистическая республика.
- 141 Идея восстановления празднования Нового года с елкой принадлежала кандидату в члены Политбюро ЦК ВКП(б) П. П. Постышеву (1887–1939). Постановление ЦК ВЛКСМ от 29 декабря 1935 г. рекомендовало повсеместное проведение новогодних праздников для пионеров и школьников. Мособлисполком дал указание райлесхозам о заготовке елок. «Правда» сообщила 1 января 1936 г., что в предновогодние дни на московских рынках продавалось до 400 елок в час, за три последних дня 1935 г. москвичи оставили в кассах магазинов 1 млн 200 тыс. рублей: ими было куплено 7 тыс. тортов, 10 тыс. бутылок шампанского, 4 вагона кондитерских изделий и годовой запас грецких орехов.
- 142 Магазин «Детский мир» находился в эти годы в помещении Петровского пассажа.
- 143 30 декабря 1935 г. была объявлена отмена всех ограничений, связанных с социальным положением или происхождением граждан при поступлении в вузы и техникумы.
- 144 На совещании 1 декабря 1935 г. (см. прим. 132) в ответ на слова передового комбайнера А. Г. Тильбы: «Хотя я и сын кулака, но я буду честно бороться за дело рабочих и крестьян...», И. В. Сталин подал эту реплику («Правда». 4 декабря 1935 г.)
- 145 См. прим. 80.
- 146 Имеется в виду описание последних дней жизни одного из главных героев романа Л. Н. Толстого «Война и мир» — князя Андрея Болконского. После ранения во время Бородинского сражения и вещего сна о безнадежности борьбы со смертью, под воздействием своеобразной духовной эволюции он постепенно угасает.
- 147 Хроникальные кадры, снятые при жизни В. И. Ленина, а также документальные съемки его похорон было объединены в 1936 г. кинорежиссером Д. Вертовым в документальные фильмы «Ленин» и «Три песни о Ленине».
- 148 См. прим. 127.
- 149 Имеется в виду Комиссия содействия ученым. Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК РСФСР (ЦеКуБу) была создана по инициативе А. М. Горького в 1920 г., в 1931 г. переименована в КСУ при СНК СССР (просуществовала до 1937 г.).
- 150 Имеется в виду поэтический образ лирики В. С. Соловьева (1853–1901) — религиозного философа, поэта и публициста, оказавшего принципиальное влияние на развитие русского идеализма и символизма.

- 151 Речь идет о мировоззрении, сформулированном французским религиозным философом, писателем и математиком Б. Паскалем (1623–1662) в труде «Мысли» (1669). Он говорил о трагизме человека, находящегося «между двумя безднами — бесконечностью и ничтожеством».
- 152 Геоцентрическая модель космоса была создана древнегреческим философом Анаксагором (610–547 гг. до н. э.) в труде «О природе».
- 153 В философской лирике Ф. И. Тютчева (1803–1873) развит космический мотив «всесокрушающей силы природы», противоречивости и иллюзорности установленного человеком миропорядка.
- 154 Кузнецкий мост был в 30-е гг. средоточием книжных магазинов («Красная Москва», «Книжная лавка писателей» и др.) и издательств («Международная книга» и др.).
- 155 Петровский Ф. А. (в тексте также: Ф., Федя) (1890–?) — филолог-античник, поэт-переводчик, сотрудник издательства «Academia». Автор литературоведческих работ по античной литературе. В 30-е гг. редактировал и комментировал издания сочинений Цицерона, Лукреция Кара, Кампанеллы, Ювенала.
- 156 В 1936–1938 гг. в издательствах «Academia» и «Художественная литература» выходили переводы сочинений римских поэтов Горация и Овидия и древнегреческого писателя и историка Ксенофонта.
- 157 Бухарин Н. И. (1888–1938) — в 1936 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б), ответственный редактор газеты «Известия».
- Покровский М. Н. (1868–1932) — старейшина историков-марксистов. С 1918 г. зам. наркома просвещения и руководитель Коммунистической академии и Института красной профессуры, автор трудов по истории России.
- 26 января 1936 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) была создана комиссия во главе с А. А. Ждановым для рассмотрения, улучшения и переделки учебников по отечественной истории. В русле этого постановления 27 января 1936 г. в газете «Известия» была помещена статья Н. И. Бухарина «Нужна ли нам марксистская историческая наука?», в которой он критиковал методологические ошибки М. Н. Покровского.
- 158 Плевако Ф. Н. (1842–1909) — юрист, выступал защитником на крупных политических процессах 1880–1905 гг. Его речи признаны образцом высокого профессионализма, риторики и афористичности.
- 159 Мирский (Святополк-Мирский) Д. П. (1890–1939) — публицист, переводчик, литературовед. В сентябре 1932 г. вернулся из эмиграции в Россию. С августа 1934 г. член Союза писателей СССР. В 1937 г. арестован за сочувствие евразийскому движению.
- Автором лозунга «Православие, самодержавие, народность» является министр народного просвещения С. С. Уваров (1786–1855).
- 28 января 1936 г. в газете «Известия» была опубликована статья Д. П. Мирского «О советской поэзии», подводящая итоги I съезда советских писателей.
- 160 15–19 января 1936 г. проходило совещание по вопросам детской литературы. В его работе приняли участие 120 детских писателей, художников и редакторов издательства детской литературы.
- 161 Секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев (1895–1971) выступил на совещании 19 января 1936 г. Он под-
- нял вопросы о литературной критике и художественном оформлении детских книг.
- 162 Секретарь ЦК ВЛКСМ А. В. Косарев (1903–1939) выступил на совещании 19 января 1936 г. Его выступление о роли книги в воспитании молодежи часто прерывалось аплодисментами.
- 163 Личность Сергея Ерохина установить не удалось.
- 164 Скорее всего, речь идет о Н. В. Крыленко (1885–1938), имевшем с октября 1905 г. партийную кличку «товарищ Абрам». В 1904 г., будучи студентом историко-филологического факультета Петербургского университета, он, вступив в студенческую подпольную организацию социал-демократов, эсеров и нейтралов, участвовал в нелегальных студенческих собраниях. В 1908 г. выезжал в Петербург и Москву как член Коалиционного совета для объединения и координации студенческого нелегального и забастовочного движения.
- 165 Милюков П. Н. (1859–1943) — политический деятель, историк, публицист. Один из организаторов партии кадетов (1905), член ее ЦК. После Февральской революции 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства первого состава. Депутат III (1907) и IV (1912) Думы от фракции кадетов. В 1920 г. эмигрировал в Англию.
- 166 В 1907–1910 гг. Н. И. Бухарин учился на экономическом отделении юридического факультета Московского университета. С 1908 г. член Московского комитета РСДРП. В 1910 г. сослан в Онегу.
- 167 Имеется в виду одна из статей Е. Н. Трубецкого (см. прим. 119), помещенных на страницах крупнейшей московской газеты либерального направления (выходила в 1863–1918 гг.) в связи с волной студенческих демонстраций в ноябре 1910 г., вызванных смертью Л. Н. Толстого.
- 168 Особняк В. А. Морозовой, располагавшийся на Воздвиженке, был построен в 1886 г. (архитектор Р. И. Клейн). В салоне, организованном его хозяйкой, еженедельно собиралась культурная элита Москвы.
- 169 Основанное Н. А. Бердяевым (см. прим. 170) Религиозно-философское общество, в 1918 г. переросло в Вольную Академию духовной культуры, которая была официально зарегистрирована Моссоветом.
- 170 Бердяев Н. А. (1874–1948) — религиозный философ, публицист, общественный деятель. В 1917–1921 гг. профессор Московского университета. С июня 1917 г. соучредитель Лиги русской культуры, член правления Московского союза писателей. В 1922 г. выслан из России.
- 171 Станция Ярославской железной дороги в 8 км от Москвы.
- 172 Имеется в виду анонимная статья «Об одной гнилой концепции», опубликованная в «Правде» 10 февраля 1936 г.
- 173 Подробные сведения о Л. В. Успенском см. в дневниковой записи от 21 января 1937 г.
- 174 Платон (426–347 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист. Плотин (204–270 гг.) — греческий философ-идеалист, основатель неоплатонизма.
- 175 Рамзин Л. К. (1887–1948) — ученый-теплотехник, участник разработки плана ГОЭЛРО, первый директор Всесоюзного теплотехнического института.
- 176 Медвежьегорск — город на северном берегу Онежского озера в Карелии.
- Берман М. Д. (1898–1939) — с июня 1932 г. начальник Главного управления лагерей ОГПУ—НКВД СССР, с сентября 1936 г. зам. наркома внутренних дел СССР.

- 177 ДВК — Дальневосточный край.
- 178 В книге «Мечта и мысль Тургенева» (1919) историк литературы М. О. Гершензон (1869–1925) писал о том, что русская интеллигенция с самого рождения считала отправной точкой своего мировоззрения «болезненное ощущение чуждости народу».
- 179 Махно Н. И. (1889–1934) — анархист, глава контрреволюционных отрядов на Украине. В апреле 1918 г. возглавил партизанскую борьбу с австро-германскими оккупантами и гетманскими властями. С 1919 г. воевал против белой, затем Красной армий. Трижды вступал в соглашение с советской властью и нарушал его. В 1921 г. бежал в Румынию. Отличался храбростью и жестокостью.
- 180 Здесь намек на Л. К. Рамзина (см. прим. 175), который в 1930 г. был привлечен к суду по делу «Промпартии» и в 1936 г. амнистирован.
- 181 10–16 февраля 1936 г. в Минске проходил III пленум правления Союза писателей СССР, посвященный вопросам развития национальных литератур. Работа пленума освещалась в центральных газетах.
- 182 Сурков А. А. (1899–1983) — поэт, общественный деятель, автор текстов многих популярных песен.
- 183 Союз советских писателей (ССП, Союз писателей СССР) — творческая общественная организация литераторов, созданная в 1934 г. по инициативе А. М. Горького.
- 184 Старший сын Н. В. Устрялова — Сергей (?) (в тексте также Эка, Эчокка) родился в Харбине 2 марта 1923 г.
- 185 В деле названной рукописи нет.
- 186 Философский и общественно-политический журнал «Под знаменем марксизма» выходил в Москве в 1922–1944 гг.
- 187 Таль Б. М. (1898–1938) — в 1929–1937 гг. зам. зав. Отделом агитации и пропаганды, зав. сектором науки Отдела культуры, зав. Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б), член редколлегии газеты «Правда», с 1936 г. зам. редактора газеты «Известия ЦИК».
- 188 Митин М. Б. (1901–1987) — философ, академик АН СССР, автор трудов по диалектическому и историческому материализму и критике буржуазной философии.
- 189 В октябре 1925 г. на конференции в Локарно (Швейцария) между Бельгией, Великобританией, Германией, Италией и Францией был заключен гарантийный пакт о неприкосновенности германо-французских, германо-бельгийских границ и демилитаризации Рейнской зоны. 7 марта 1936 г. был созван германский рейхстаг, на котором выступил А. Гитлер (см. прим. 98) с речью о расторжении Локарнского договора и ремилитаризации Рейнской зоны.
- 190 Брюсов В. Я. (1873–1924) — поэт, прозаик, критик. В 1917 г. возглавил Библиографический совет при Моссовете, работал в Госиздате. В 1921 г. в Москве по его инициативе был создан Литературный институт.
Н. В. Устрялов купил книгу издательства «Художественная литература» — В. Брюсов «Неизданные стихотворения» (М. 1935).
- 191 28 января и 6 февраля 1936 г. в «Правде» были опубликованы статьи «Сумбур вместо музыки» и «Балетная фальшь». Этими статьями была открыта так называемая дискуссия о формализме в искусстве. Содержание этих статей было направлено на формирование общественного мнения путем отождествления формализма с контрреволюционной идеологией.
- 192 14 марта 1936 г. в Лондоне была созвана чрезвычайная сессия Совета Лиги наций в связи с разрывом Германией Локарнского договора (см. прим. 189).
- 193 Состояние здоровья Н. В. Устрялова требовало лечения в бальнеологическом санатории.
- 194 Фрейд З. (1856–1939) — австрийский врач-психиатр, основатель психоанализа.
- 195 Штирнер А. А. — коллега Н. В. Устрялова по факультету права в Харбинском университете.
- 196 В 1920–1934 гг. Н. В. Устрялов преподавал государственное право на юридическом отделении Харбинского университета.
- 197 Унтербергер — коллега Н. В. Устрялова по факультету права в Харбинском университете.
- 198 Доклад «Буржуазная демократия и фашизм» был прочитан Н. В. Устряловым на конференции кружков изучения марксизма в МИИТе 2 июня 1936 г. (В деле имеются тезисы этого доклада.)
- 199 См. прим. 26.
- 200 На XIV съезде ВКП(б) (1925) в связи с критикой идеологии «сменовеховства» И. В. Сталин упомянул Н. В. Устрялова: «Он служит у нас на транспорте. Говорят, что он хорошо служит. Ежели он хорошо служит, то пусть мечтает о перерождении партии, мечтать у нас не запрещено. Но пусть он знает, что, мечтая о перерождении, он должен вместе с тем возить воду на нашу большевистскую мельницу. Иначе ему плохо будет» (Сталин И. В. Сочинения. Огиз. 1947. Т. 7. С. 342).
- 201 Речь идет о героине сказки английского писателя О. Уайльда (1854–1900) «Рыбак и его Душа» (сборник «Гранатовый домик». 1891).
- 202 Сведений о Подставиных установить не удалось.
- 203 Нилус Е. Х. — экономист, публицист, автор «Исторического обзора КВЖД за 1893–1923 гг.» (Харбин. 1923).
- 204 Сведений об Авдощенковых установить не удалось.
- 205 Имеется в виду церковь Преображения Господня, что на Глубоком (XVI в.).
- 206 Личность Амилия установить не удалось.
- 207 Под таким названием 15 июня 1936 г. в «Правде» была помещена статья Н. В. Устрялова, посвященная опубликованному 12 июня 1936 г. проекту Конституции СССР. Вырезка из газеты «Правда» с текстом этой статьи приложена Н. В. Устряловым к его дневнику.
- 208 В 1934 г. недалеко от Ленинградского проспекта для старейшего партийного издательства был введен в строй комбинат, объединявший редакторско-издательский и типографский комплексы.
- 209 Упомянутая статья(?) в «Правде» до конца 1936 г. напечатана не была.
- 210 Радек (Собельсон) К. Б. (1883–1939) — деятель международного коммунистического движения, публицист, в 1919–1924 гг. член Президиума Исполкома Коминтерна, в 1925–1927 гг. ректор Университета им. Сунь Ят-Сена. Упомянутая статья (?) К. Б. Радека в «Правде» до конца 1936 г. опубликована не была.
- 211 Имеется в виду метод исследования в философии.
- 212 А. М. Горький умер 18 июня 1936 г. Для всенародного прощания гроб с телом писателя был установлен в Колонном зале Дома Союзов.
- 213 В результате разукрупнения ВСНХ 5 января 1932 г. был учрежден Наркомат тяжелой промышленности, из которого, в свою очередь, в 1936–1937 гг. были выделены Наркоматы оборонной промышленности и машиностроения.

214. Скорее всего, имеется в виду С. Н. Булгаков (протоиерей отец Сергей) (1871–1944) — богослов, философ, общественный деятель, публицист, автор статьи «Героизм и подвижничество», опубликованной в сборнике «Вехи».
- А также — В. Ф. Булгаков (1886–1966) — секретарь Л. Н. Толстого, автор книг «Христианская этика» (1917) и «Толстой-моралист» (1923).
- Под «люцефериапством» подразумевается недоступный рядовому человеку гигантизм проникновения в тайны сущего, доходящий до сатанизма.
215. Первое знакомство А. М. Горького с учением Ф. Ницше (см. прим. 119) состоялось в 1890 г. по устным рассказам студента-химика Н. Васильева. Интерес к публикуемому с 1897 г. в журналах переводам трудов философа отразился на романе «Фома Гордеев» и рассказах 1899 г.
216. Из нижеупомянутых достопримечательностей Ленинграда прокомментированы только нетрадиционные названия, использованные Н. В. Устряловым, и наиболее часто приводимые имена. Чугунный Александр — памятник императору Александру I (1777–1825), установленный на Невском проспекте (в 20-е гг. перенесен к Русскому музею). Адмиралтейская перспектива — левобережная панорама, составленная идущими веером от Адмиралтейства тремя магистралями — Невским, Вознесенским, Гороховой. Скульптурами титанов, выполненными А.Теребениным и Гальбригой был украшен один из великокняжеских особняков на Дворцовой набережной. Аники — скорее всего, Аничков мост, построенный в 1839–1841 гг. и украшенный в 1849–1850 гг. П. К. Клодтом скульптурами коней. Александровский Ангел — бронзовая фигура ангела (скульптор Б. Орловский), увенчавшая в честь победы в войне 1812 г. Александрийскую колонну. Исаакий Далматский — монументальный храм, воздвигнутый в 1817–1857 гг. под руководством А.Монферана. Канавка — малый канал Зимняя Канавка. Бронзовый конь — конный монумент Петра Великого, выполненный в 1766–1778 гг. французскими скульпторами Э. Фальконе и М. Колло. Школьный дворец императора русской литературы — Царскоесельский лицей, в котором в 1811–1817 гг. учился А. С. Пушкин.
- Бренна В. Ф. (1745–1820) — архитектор и художник-декоратор, в 1783–1802 гг. работал в Павловске, Гатчине, Петербурге.
- Камерон Ч. (1730–1812) — архитектор, с 1779 г. работал в Царском Селе, Павловске, Петербурге.
- Кваренги Дж. (1744–1817) — архитектор, с 1780 г. работал в Петербурге.
- Растрелли В. В. (1700–1771) — архитектор, работал в Петербурге, Петергофе, Царском Селе.
- Фельтен Ю. М. (1730–1801) — архитектор, работал в Петербурге.
217. Имеется в виду метод описания действительности в романе Ф. К. Сологуба (Тетерникова) (1863–1927) «Мелкий бес» (1905), где неразрывно переплетаются реальное и фантастическое.
218. Н. В. Устрялов ошибается: старейший русский Александринский театр строился в 1832 г. в стиле ампира под руководством К. Росси (1745–1849), а не В. Растрелли (1700–1771).
219. Скорее всего, речь идет о повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи» (1848).
220. Имеется в виду парк Царскоесельского лица, где Н. В. Устрялов сводит в своем воображении героинь повестей А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (1830) и А. П. Чехова «Дама с собачкой» (1899).
221. Распутин (Новых) Г. Е. (1872–1916) — крестьянин Тобольской губернии, обладавший даром провидения и знахарства. Будучи фаворитом императора Николая II, вмешивался в государственные дела.
222. Речь идет о Николае II (1868–1918), российском императоре в 1894–1917 гг.
223. В течение всего дооктябрьского периода Петербург, как столица России, сохранял литературную гегемонию, тем более что к началу XX в. в обеих столицах было сосредоточено 46% всех литераторов страны. Кроме того, в Петербурге находились все важнейшие книжные и журнальные издательства. К 1913 г. 14,8% всего населения России составлял пролетариат, 10% из этого числа — проживали в Москве и Петрограде, ставшими в силу этого центрами революционного движения.
224. См. прим. 217.
225. А. С. Пушкин скончался 10 февраля 1837 г. в 14 ч. 45 м. в своем кабинете в квартире на Мойке, 12.
226. Зимний дворец как резиденция русских царей был построен под руководством В. Растрелли в 1754–1862 гг. в стиле барокко. Эрмитаж как музей возник в 1764 г. из частного собрания Екатерины II (открыт для публики в 1852 г.). Перемещение коллекций Эрмитажа в Зимний дворец началось в 1923 г. В 1931–1935 гг. велась работа по реэкспозиции собрания на основании принципа классового деления общества.
227. Старая Пушкинская улица идет на север от Невского проспекта.
228. Имеются в виду: Петропавловская крепость, заложённая в 1703 г. на Заячьем острове; крупные острова, на которых расположен Петербург; Гатчина — дворцово-парковый ансамбль, с 1796 г. являвшийся вотчиной российских императоров; город на берегу Финского залива, возникший в 1721 г. при Сестрорецком оружейном заводе.
229. Петергоф — загородная резиденция русских императоров на берегу Финского залива. Дворцово-парковый ансамбль строился там с 1714 по 1829 г. Знаменит своими пейзажными парками и системой фонтанов.
230. Подразумевается аналогия с пригородной резиденцией французских королей. Дворцово-парковый ансамбль Версаля строился под Парижем в 1682–1789 гг. в стиле классицизма.
231. Период Великой французской революции (1789–1794), обусловленный идеями просветительского классицизма, характеризовался в искусстве простотой и естественностью форм. Напротив, в искусстве наполеоновской эпохи (1804–1814) преобладал ампира, имевший помпезный характер.
232. Имеется в виду персонаж Евангелия от Луки Симеон Богоприимец, который по предсказанию, не мог умереть раньше, чем увидит Младенца Мессию. Когда в Храм принесли Иисуса, Симеон, взяв его на руки, сказал: «Ныне отпускаешь раба твоего, Владыко...» Эти слова Симеона приняты как молитва.
233. Ленотр А. (1613–1700) — французский архитектор, мастер систематичности и упорядоченности в садово-парковом искусстве.
234. Имеется в виду Конституция СССР, принятая на 2-й сессии ЦИК 6 июля 1924 г.
235. Идею непрерывного изменения, движения всего в мире впервые высказал древнегреческий философ-диалектик Гераклит (VI–V вв. до н. э.).
236. Речь идет об объекте паломничества буддистов — гигантской бронзовой статуе Будды (XIII в.) в городе Камакура на японском острове Хонсю.

- 237 Платон (см. прим. 174) получил имя Божественно-го на основании главной идеи его всеобъемлющего учения.
- 238 Значение установить не удалось.
- 239 Пей-Тай-Хо или Бай-Хэ (на пекинском наречии) — Белая река, главная река Чжи-Лиской провинции Китая, названа так по цвету песка, устилающего ее дно и берега.
- 240 В 1837 г. по «делу о непозволительных стихах» («На смерть поэта») М. Ю. Лермонтов (1814–1841), окончивший школу гвардейских прапорщиков, был отправлен в действующую армию на Кавказ.
- 241 Кампанелла Т. (1568–1639) — итальянский философ, поэт и политический деятель. По обвинению в ереси 27 лет провел в тюремном заключении, где писал сочинения по философии, политике, астрономии и медицине, в их числе был роман-утопия «Город Солнца».
- 242 Имеется в виду описание муравейника в главе VII («Охота») повести Л. Н. Толстого «Детство» (1852).
- 243 Термин, использованный А. И. Герценом (1812–1870) в статьях 1854–1859 гг. («Старый мир и Россия», «Русский народ и социализм»), посвященных общинному самоуправлению в России.
- 244 Источник минеральной воды, применяемой при лечении болезней органов пищеварения, открыт бальнеологом С. А. Смирновым в 1860 г.
- 245 Ростиславов А. А. (1860–1920) — художник, искусствовед, автор воспоминаний о русском драматическом театре.
- 246 Миф о голубой крови восходит к записям наблюдений средневековых врачей, оказывавших медицинскую помощь женщинам из аристократических сословий. Кровь их имела часто серовато-голубой оттенок из-за недостаточности железа, что, в свою очередь, являлось следствием их затворнической жизни. Однако отличие от алой крови простолюдинов стало трактоваться как знак принадлежности к знатному роду. С конца XIII в. наряду с пятью основными цветами, принятыми в геральдике, голубой стал символом благородства.
- 247 Цвейг Ст. (1881–1942) — австрийский писатель, мастер психологического портрета.
- 248 Из основания горы Железной бьют минеральные источники, питающие город Железноводск.
- 249 Имеется в виду фантастический пейзаж, на фоне которого разворачивается действие пьесы бельгийского драматурга и поэта М. Метерлинка (1862–1949) «Синяя птица» (1809).
- 250 Навьи — духи смерти в древнеславянской мифологии. «Навьи чары» (1908) — название романа Ф. К. Сологуба (см. прим. 217).
- 251 По плану ГОЭЛРО Кавказский экономический район был одним из восьми, где должны были быть построены ГЭС, в том числе на реке Баксан.
- 252 Киото-город, построенный в VIII в. на острове Хонсю, — до 1868 г. официальная столица Японии.
- 253 «Храм Воздуха» в Кисловодске представляет собой просторную беседку в центральном городском парке на живописном возвышенном берегу реки Подкумок.
- 254 Саша Черный (Гликберг А. М.) (1880–1932) — поэт, прозаик, драматург, литературный критик, переводчик. С начала 1920 г. в эмиграции; член Берлинского и Парижского союзов русских писателей и журналистов.
- 255 Из всего написанного с 1828 г. М. Ю. Лермонтов опубликовал в 1831 г. только стихотворение «Ангел».
- 256 Сведений об отце Н. В. Устрялова установить не удалось.
- 257 Речь идет о Городском саде в Калуге, устроенном в 90-е гг. XIX в. на высоком мысу, образуемом Березуйским и Серебряковским оврагами.
- 258 Дуэль Лермонтова с Мартыновым состоялась у подножия горы Машук 15 июля 1841 г. в 7 часов вечера.
- 259 На месте дуэли в 1881 г. был поставлен первый временный обелиск. Окончательный вариант памятника с горельефным портретом поэта был установлен здесь в 1915 г. (скульптор Б. М. Микешин, архитекторы Л. А. Волков и В. В. Козлов).
- 260 Н. В. Устрялов имеет в виду трагические периоды в жизни великих людей: в 1821 г. на острове Святой Елены в южной части Атлантического океана умер в ссылке французский император Наполеон I; события русско-японской войны, первой русской революции и последовавшая вслед за ними реакция повлияли на решение Л. Н. Толстого покинуть Ясную Поляну и отправиться в октябре 1910 г. в Болгарию к духовборам.
- 261 С 20 мая по 15 июля 1841 г. М. Ю. Лермонтов занимал две комнаты окнами в сад в доме В. И. Чилаева в Пятигорске. В 1912 г. Кавказским горным обществом здесь был открыт мемориальный музей.
- 262 С 1894 г. жена Николая II и российская императрица.
- 263 Восточная промышленная часть Лондона, отличающаяся большой скученностью населения.
- 264 Известно, что Н. В. Устрялов выступал под литературным псевдонимом П. Сурмин. Псевдоним «ПЭЛ» прежде не встречался.
- 265 В январе 1936 г. по инициативе Компартии Испании был создан Народный фронт, победивший на выборах в феврале 1936 г.; в июле 1936 г. в Мадриде вспыхнул военно-фашистский мятеж, поддержанный Италией и Германией. В ответ на него развернулся «Красный фронт» (народная национально-революционная воина).
- 266 После государственного переворота в июле 1932 г. ЦК Компартии Германии предложил руководству Социал-демократической партии Германии совместные действия против реакции путем развертывания «Антифашистской акции». На выборах в ноябре 1932 г. СДПГ потеряла 2 млн голосов в пользу КПП. Успех коммунистов повлек ускорение передачи власти нацистам. 30 января 1933 г. А. Гитлер стал рейхсканцлером.
- 267 Имеется в виду беспосадочный перелет по маршруту Москва—остров Удд на Дальнем Востоке, начавшийся 21 июля 1936 г. Самолет (АНТ-25), созданный в технической лаборатории авиаконструктора О. К. Антонова (1906–1984), преодолел расстояние в 11 тыс. км. Пилотировали его летчики-испытатели В. П. Чкалов (1904–1938), Г. Ф. Байдуков (1907–1994) и Беляков А. В. (1897–1982).
- 268 Роман «Герой нашего времени» был напечатан в 1840 г., когда М. Ю. Лермонтову было 26 лет.
- 269 На вилле, построенной в Сочи в начале века, по прихоти ее хозяина был разбит парк, представляющий собой уникальную коллекцию древесных пород. Он послужил основой Сочинского парка «Дендрарий».
- 270 Речь идет о построенном в начале века на отвесной скале над морем замке, принадлежавшем потомкам из рода немецкого графа Ольденбурга (XV в.). До 1936 г. Тифлисом назывался Тбилиси — столица Грузии.
- 272 Имеется в виду одна из концепций французского

- писателя и философа Ж. Ж. Руссо (1712–1778), согласно которой «правда жизни» — в удовлетворении жизненных потребностей «естественного человека».
- 273 В 1920 г. в Москве в Доме отдыха для престарелых ученых ЦеКуБу при СНК (2-й Неопалимовский пер., 5) в одной комнате жили В. И. Иванов и М. О. Гершензон. Из их переписки возникла книга «Переписка из двух углов» (издана в Петрограде в 1921 г.), о которой здесь, скорее всего, идет речь. Гершензон призывал в ней к анархическому бунту против цивилизации, заявлял о своем желании «кинуть в Лету», чтобы смыть с себя все условности и «вынырнуть естественным человеком», о котором говорил Руссо (см. прим. 272).
- 274 Имеется в виду сцена из вставной новеллы «Великий Инквизитор» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1879–1880).
- 275 улицу
- 276 На живописной территории Зеленого Мыса расположен Батумский ботанический сад.
- 277 Речь идет о венском вальсе И. Штрауса (сына) (1825–1899) «На прекрасном голубом Дунае».
- 278 Одно из прошений Ектении во время богослужения.
- 279 Перефразированное высказывание Гамлета, героя трагедии У. Шекспира (1564–1616) «Гамлет принц Датский» (1601), обращенное к его другу. Наиболее близким к оригиналу признан перевод: «Есть многое на свете, друг Горацио, что наша философия не знает».
- 280 Имеются в виду видные государственные деятели дореволюционной России: Столыпин П. А. (1862–1911) — министр внутренних дел, с 1906 г. председатель Совета министров. О Милукове П. Н. см. прим. 165.
- 281 Верхарн Э. (1855–1916) — бельгийский поэт-символист и драматург, мастер «словесной живописи».
- Рубенс П. П. (1577–1640) — фламандский живописец, воплощавший реальные объекты в декоративных живописных формах.
- 282 С XVII в. самый обширный торг в Москве. В XIX в. средоточие московской торговли. Охотный ряд реконструирован в 1930 г.
- 283 Историческое название 208 километровой дороги, открытой в 1799 г. через Главный Кавказский хребет. Подавляющее большинство населенных пунктов, упоминаемых в связи с путешествием по Военно-Грузинской дороге, приобрели свое значение только при советской власти — в 1921–1926 гг.
- 284 Рион ГЭС и Туматская ГЭС построены в Кавказском экономическом районе по плану ГОЭЛРО (см. прим. 251).
- 285 Земо-Авачинская ГЭС им. Ленина на реке Куре строилась в 1923–1938 гг. по плану ГОЭЛРО (см. прим. 251).
- 286 19–24 августа 1936 г. в Москве проходил первый открытый московский процесс над 16 обвиняемыми по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» (Бакаев, Евдокимов, Зиновьев, Каменев, Мрачковский, Тер-Ваганян и др.). Все обвиняемые подтвердили свои признания в причастности к убийству Кирова, в связях с Троцким, в заговоре против Сталина и были осуждены на смертную казнь.
- 287 Зиновьев (Радомысльский) Г. Е. (1883–1936) — председатель Петроградского Совета (1917–1926), председатель Исполкома Коминтерна (1919–1926). Из партии исключался в 1926, 1927, 1932, 1934 гг.
- Каменев (Розенфельд) Л. Б. (1883–1936) — председатель Моссовета (1918–1926), исключался из партии в 1926, 1927, 1932, 1934 гг.
- 288 Троцкий (Бронштейн) Л. Д. (1879–1940) — председатель Реввоенсовета РСФСР (1918–1925), член Президиума ВСНХ СССР. В 1927 г. исключен из состава ЦК и из членов ВКП(б), в 1929 г. по обвинению в антисоветской деятельности выслан за рубеж, в 1932 г. лишен советского гражданства. За границей Троцкий не прекращал политической деятельности, выступая с критикой по всем основным вопросам стратегии и тактики рабочего движения.
- 289 Руины замка царицы Грузии Тамары (XII в.) сохранились на вершине скалы в долине реки Терек.
- 290 Кайзерлинг Т. (1880–1946) — немецкий философ-иррационалист, проповедовал обращение к восточной мудрости, с помощью которой возможно достижение целостности человеческого бытия.
- 291 Жирондисты представляли собой политическую группировку торгово-промышленной и земледельческой буржуазии, препятствующей развитию Великой французской революции. Дантон Ж. Ж. (1759–1794) — вождь якобинцев, занял опасную примиренческую позицию в отношении жирондистов.
- 292 В журнале «Звезда» (1936. № 8) была помещена статья Д. П. Мирского «Об Ал. Блоке» (с приложением неопубликованной прозы, неизвестных стихов и писем поэта за 1903–1915 гг.).
- 293 Имеются в виду антигуманные силы 30-х гг.: Гестапо — тайная государственная полиция Германии, созданная в 1933 г.; С. Араки (1877–1966) — военный министр милитаристской Японии; Гитлер — см. прим. 98.
- 294 Клемансо Ж. (1841–1929) — французский политический деятель левых взглядов, прогрессивный буржуазный республиканец. Под «тезисом Клемансо» подразумевается его фраза, сказанная в 1906 г. членом делегации от восставших горняков Па-де-Кале: «Мы с вами на разных сторонах баррикады».
- 295 Живя с 1933 г. в Европе, Л. Д. Троцкий стремился создать «интернационалистическую левую оппозицию». Его сторонники действовали во Франции, Испании, Греции, Китае, США, Южной Америке и других странах. В своих статьях и выступлениях Л. Д. Троцкий открыто говорил о лживости политических процессов 1936–1938 гг., о необходимости смещения И. В. Сталина с занимаемого поста и принципиальных изменениях самих методов управления советским хозяйством. Идеи Л. Д. Троцкого использовались врагами СССР.
- С 1933 г. Геббельс Й. (1897–1945) возглавлял пропагандистский аппарат Германии; Розенберг А. (1893–1946) руководил Отделом внешней политики рейхстага.
- 296 Идиоматическое выражение восходит к рассказу о греке Герострате, который, желая обессмертить свое имя, сжег в 356 г. храм Артемиды в Эфесе, считавшийся одним из чудес света. Здесь в значении — честолюбивый человек, добивающийся славы любой ценой.
- 297 Имеется в виду Юридический институт, созданный в 1930 г. на базе юридического факультета Московского университета.
- 298 Здесь перечислены фамилии бывших коллег

- Н. В. Устрялова по юридическому факультету в Московском университете.
- 299 Речь идет о концепции «Нового порядка», основанной на национал-патриотических идеях, пропагандируемых СДПГ
- 300 Идеологами фашизма было взято на вооружение учение родоначальника немецкой классической философии И. Канта (1724–1804): идея бога, свободы и долга перед родиной стали основами «практического разума» и нравственности германского патриота.
- 301 Имеется в виду ежедневная (с осени 1936 г.) программа Всесоюзного радио, подготовленная сотрудниками секции Коминтерна и освещающая международные события.
- 302 Главные часы Великобритании (Биг-Бен) находятся на башне Парламента, здание которого входит в комплекс построек Вестминстерского аббатства (XI в.).
- 303 В октябре 1936 г. бои велись в испанских городах Овьедо, Алькуьерре, Монтеро, Вилья-Франка, Олиас, Сигуэнса и др.
- 304 Возможно, речь идет о корриде или названии красного столового вина «Бычья кровь».
- 305 СССР оказывал интернациональную помощь «Красному фронту» Испании (см. прим. 265).
- 306 Скорее всего, имеется в виду министр иностранных дел Испании — Альварес дель Вайо.
- 307 Розенберг М. И. (1896–?) — с 1926 г. зам. зав. Национальным сектором ЦК ВКП(б), затем советник Полпредства СССР в Риме (1930) и в Париже (1931). В 1936–1937 гг. полпред в Мадриде.
- 308 Речь идет о выступлении Геббельса Й. (см. прим. 295) на самом большом стадионе довоенного Берлина в честь юбилея СДПГ
- 309 В 1936 г. генерал Б. Франко (1892–1975) возглавлял вооруженный фашистский мятеж против Испанской республики. Военными действиями был охвачен весь Мадрид, в том числе и его центральная часть, где располагались правительственные учреждения. (Здесь упомянут один из залов Парламента.)
- 310 Имеются в виду ближайшие к Калуге пригородные станции.
- 311 25 ноября—5 декабря 1936 г. в Москве работал VIII Чрезвычайный съезд Советов, обсудивший и принявший новую Конституцию СССР.
- 312 Здесь приведены сведения обо всех деятелях, упомянутых ниже в связи с открытием съезда: Акулов И. А. (1888–1937) — секретарь и член Президиума ЦИК; Ворошилов К. Е. (1881–1969) — нарком обороны СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б); Жданов А. А. (1896–1948) — секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б); Каганович Л. М. (1893–1991) — член ЦК ВКП(б), нарком путей сообщения СССР; Калинин М. И. (1875–1946) — член ЦК ВКП(б), председатель ЦИК СССР; Литвинов М. М. (1876–1951) — нарком иностранных дел СССР; Любченко П. П. (1897–1937) — Председатель СНК УССР; Молотов В. М. (1890–1986) — член ЦК ВКП(б), Председатель СНК и СТО СССР; Орджоникидзе Г. К. (1886–1937) — член Политбюро ЦК ВКП(б), нарком тяжелой промышленности СССР; Петровский Г. И. (1878–1958) — член ЦК ВКП(б), председатель Всеукраинского ЦИК; Постышев П. П. (1887–1939) — член ЦК ВКП(б), первый секретарь Харьковского и Киевского обкомов ВКП(б); Рудзутак Я. Э. (1887–1938) — член ЦК ВКП(б), зам. Председателя СНК и СТО СССР; Сталин И. В. (1878–1953) — Генеральный секретарь ЦК ВКП(б); Сулимов Д. Е. (1890–1937) — член ЦК ВКП(б), Председатель СНК РСФСР; Хрущев Н. С. (1894–1971) — первый секретарь МК и МГК ВКП(б); Червяков А. Г. (1892–1937) — с 1920 г. Председатель ЦИК БССР; Яковлев Я. А. (1896–1938) — член ЦК ВКП(б), зав. сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б).
- 313 Имеется в виду эпизод, описанный в «Губернских очерках» (1856–1857) сатирика и публициста М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826–1889).
- 314 Слова из доклада И. В. Сталина на VIII съезде Советов использованы как заголовок передовой статьи газеты «Правда» от 28 ноября 1936 г. («Девятнадцать лет стоит СССР как маяк... Как бы ни бесновались враги Советского Союза — сие от них не зависит»).
- 315 Речь идет об эпизоде романа Н. В. Гоголя «Мертвые души» (1842), в котором дворовая девочка Пелагея, пытаясь указать дорогу кучеру Чичикова, перепутывает право и лево.
- 316 29 октября 1936 г. в Московском Камерном театре, организованном в 1914 г. актером и режиссером А. Я. Таировым (1885–1950), состоялась премьера комической оперы А. П. Бородина на слова Демьяна Бедного «Богатыри». 14 ноября 1936 г. последовало постановление Политбюро ЦК ВКП(б), в котором осуждалось искажение в пьесе исторического прошлого русского народа и рекомендовалось ее исключение из репертуара театра. 16 ноября 1936 г. в Комитете по делам искусств состоялось совещание театральных работников, явившееся откликом на это постановление.
- 317 Керженцев (Лебедев) П. М. (1881–1940) — историк, публицист, государственный деятель. С 1936 г. председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР.
- 318 5 декабря 1936 г. на VIII съезде Советов был утвержден проект Конституции СССР.
- 319 Дюги Л. (1859–1928) — французский юрист, автор идеи надклассового (корпоративного) государства. Россию он приводил как пример одной из форм авторитарного политического режима, характерного для фашистского государства.
- 320 Мазай М. Н. (1910–1941) — сталевар Ждановского металлургического завода. В 1936 г. выступил инициатором соревнования за «высокие съемы стали».
- 321 Выражение, возникшее в 1921 г. на основе высказывания В. И. Ленина в статье «Удержат ли большевики государственную власть» (конец сентября — 1(14) октября 1917 г.) (ПСС. Т. 34. С. 287–339).
- Афоризм о маршальском жезле приписывается наполеоновскому маршалу И. Мюрату (1767–1815).
- 322 Ортега-и-Гасет Х. (1883–1955) — испанский философ-идеалист, представитель концепции «массовой культуры» и «теории элиты». О Кайзерлинге см. прим. 290.
- 323 Скорее всего, имеются в виду политические процессы января 1935 г. и августа 1936 г. (см. прим. 286).
- 324 Дом советских ученых был открыт в Москве в 1922 г. в особняке Архаровых на углу Пречистенки и Мертвого переулка (назван по фамилии домовладельца — Мертваго). Здесь — иносказание.
- 325 Здесь в тексте дневника приклеено небольшое изображение И. В. Сталина в профиль, скорее всего вырезанное из газеты.
- 326 Имеется в виду начавшаяся в 1925 г. под руковод-

- ством Китайской компартии национальная революция. В 1927 г. демократические силы вынуждены были отступить в отдаленные сельские районы, в 1931 г. началось наступление Японии на демократические завоевания в Китае.
- 327 Творческий разум (*греч.*).
- 328 Площадь перед Большим и Малым театрами была украшена сквером и фонтаном. В 30-е гг. носила имя Я. М. Свердлова.
- 329 Статья Н. В. Устрялова «Самопознание социализма» была опубликована в газете «Известия» 14 декабря 1936 г. Сведения об этой статье, приведенные Н. В. Устряловым в записи от 18–19 декабря 1936 г., не точны.
- 330 Горелик И. Г. (1907–1961) — очеркист, писатель, сотрудник газеты «Известия».
- 331 Имеется в виду московская площадь, носившая до 1937 г. имя Страстного монастыря (XVII в.), разобранного в 1928 г. Здесь в начале Тверского бульвара стояло двухэтажное здание кинотеатра документального фильма.
- 332 Здание МИИТА располагалось на Бахметьевской ул. в районе Сушевского вала; туда по ул. Горького ходил трамвай. Развязка трамвайных линий, шедших в сторону Zubовского бульвара, где жил Н. В. Устрялов, находилась между площадью Охотного ряда и Моховой улицей.
- 333 Профессор Голубов являлся уполномоченным Крымской секции научных работников в Ялте (автограф его письма имеется в деле).
- 334 Брат отца Н. В. Устрялова.
- 335 Сырцов А. — бывший профессор Пермского университета (автограф его писем имеется в деле).
- 336 Иванов Вяч. И. (1866–1949) — поэт, драматург, теоретик символизма, переводчик, историк, филолог. С августа 1924 г. жил в Риме, где вероятнее всего мог познакомиться с Н. В. Устряловым, и преподавал в университете г. Павия. Эпик (*греч.*) — величаво-спокойный, бесстрастный.
- 337 Будучи учеником Е. Н. Трубецкого (см. прим. 119), Н. В. Устрялов исповедовал его оптимистическое учение о смысле жизни. Религиозные философы П. А. Флоренский (1882–1937), С. Н. Булгаков (см. прим. 214) и Вяч. И. Иванов (см. прим. 336) разрабатывали мистическую и пессимистическую проблему о невозможности согласования мирового зла и веры, греховности и богоподобности человека.
- 338 Скорее всего, имеется в виду серия статей, опубликованных Н. В. Устряловым в 1922–1923 гг. в харбинском альманахе «Русская жизнь».
- 339 16 декабря 1935 г. ЦИК СССР учредил Всесоюзный Пушкинский комитет в ознаменование 100-летия со дня смерти поэта. Первое его заседание по разработке плана мероприятий юбилея состоялось 11 апреля 1936 г. Окончательная программа Пушкинского праздника была утверждена СНК СССР 4 января 1937 г.
- 340 Имеется в виду жизнеутверждающее песнопение из 1-го акта трагедии И. В. Гете (1749–1832) «Фауст» (1808–1832).
- 341 Статья Н. В. Устрялова об А. С. Пушкине «Гений веков» была опубликована в газете «Известия» 10 февраля 1937 г.
- 342 В русских эмигрантских кругах Н. В. Устрялов был популярным журналистом. Статьи его выгодно отличались широким кругозором от «академизма кадетов» и «вульгарного романтизма эсеров и сменовеховцев». Главный редактор журнала «Россия», являвшегося органом сменовеховства в СССР, И. Лежнев писал о Н. Устрялове: «В новом общественном течении эмиграции это, несомненно, самая яркая фигура... Целая и выдержанная до конца позиция, блестящее и острое перо публициста, пафос государственника.» (*Slavica hierosolymitana*. 1981. Т. 5/6. С. 556).
- 343 Изгоев — писатель и публицист, сотрудничал в газете «Новости жизни», выходившей в Харбине в 1907–1929 гг.
- 344 23–30 января 1937 г. в Москве проходил второй процесс над 17-ю членами «Параллельного троцкистского блока» (Пятаков, Радек, Серебряков, Сокольников и др.). В вину им вменялась организация антисоветских диверсий и саботажа. 13-ти обвиняемым был вынесен смертный приговор.
- 345 Хохловский переулок находился в районе Покровского бульвара.
- 346 В древнеримской мифологии: Пенаты — боги — покровители домашнего очага; Лары — души умерших предков — покровители семьи.
- 347 31 января 1937 г. на Красной площади свыше 200 тыс. москвичей продемонстрировали свою солидарность с решением Верховного суда. Массовые выступления советских людей в поддержку приговоров открытых политических процессов были организованы также на предприятиях, в учреждениях, учебных и научных заведениях.
- 348 Главная торгово-деловая улица Берлина большой протяженности.
- 349 Ежедневная общественно-политическая, торгово-промышленная и литературная газета, выходившая в Харбине в 1907–1929 гг. под редакцией З. Г. Клиорона и С. Р. Чернявского.
- 350 Статья Н. В. Устрялова «Итальянский фашизм» была опубликована в 1928 г.
- 351 Имеется в виду советско-китайский вооруженный конфликт на КВЖД 10 июля 1929 г.
- 352 Энгельфельд был сослуживцем Н. В. Устрялова по Бюро преподавания зоны КВЖД.
- 353 К 1941 г. выдвиженцы подобного рода составили почти 50% руководителей среднего звена в промышленности, науке и образовании.
- 354 Имеется в виду философский диалог «Пир», излагающий учение Платона (см. прим. 174) об идеях.
- 355 Станция Сокольнической линии Московского метро, открыта в начале Чистопрудного бульвара в 1935 г.
- 356 Шеллинг Ф. В. Й. (1775–1854) — немецкий философ и историк искусства.
- Лопатин Л. М. (1855–1920) — философ-идеалист, председатель Московского психологического общества, редактор журнала «Вопросы философии и психологии».
- 357 Скорее всего, речь идет о жилых зданиях бывшего Голутвинского подворья на Якиманской набережной. В 1911–1912 гг. они были перестроены для нужд «Товарищества московской голутвинской мануфактуры».
- 358 Имеются в виду создатели монументальных творений в области искусств: У. Шекспир (1564–1616) — великий английский поэт и драматург эпохи Позднего Возрождения; Р. Вагнер (1813–1883) — немецкий композитор, автор произведений огромной эмоциональной силы; Ж.-Л. Давид (1748–1825) — французский художник, создатель полотен большого общественного звучания.
- 359 Пашуканис Е. Б. (1891–1937) — юрист, зам. наркома юстиции СССР, автор трудов по истории и теории государственного права. 13 февраля 1937 г. по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) он был снят с занимаемых постов за

- ошибочные взгляды и недооценку роли права в социалистическом обществе.
- 360 Союзно-республиканский Наркомат внутренних дел был образован постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. для руководства общим внутренним управлением, охраны порядка и государственной безопасности.
- 361 Гекуба — героиня древнегреческой поэмы «Илиада» (IX–VIII вв. до н. э.), потерявшая в Троянской войне своего мужа (царя Приама) и всех своих детей. В классической литературе — символ беспредельной скорби и отчаяния.
- 362 Информационные бюллетени МИИТа стали выходить в свет только в 1946 г.
- 363 Орджоникидзе Г. К. (1886–1937) — член Политбюро ЦК ВКП(б), Председатель ВСНХ СССР, нарком тяжелой промышленности СССР. В обстановке массовых репрессий покончил жизнь самоубийством (по официальной версии — скончался от сердечного приступа).
- 364 Острый ум министра иностранных дел Франции Ш. М. Талейрана-Перигора (1754–1838) породил множество афоризмов, вошедших в широкое употребление.
- 365 Соколов Ю. М. (в тексте также — Ю. М.-ч) — филолог, профессор Педагогического института им. А. С. Бубнова, созданного в 1930 г. на базе педагогического факультета 2-го МГУ.
- 366 Пятницкая ул., получившая название от местной церкви Параскевы Пятницы (XV в.), являлась одной из центральных улиц Замоскворечья.
- 367 В связи с постановлением ЦК ВКП(б) об опере «Богатыри» (см. прим. 316) в «Правде» был опубликован ряд соответствующих статей. 15 ноября 1936 г. была напечатана статья П. М. Керженцева «Фальсификация народного творчества», 20 ноября — «Исказители Былин». 21 ноября литературоведы И. Лежнев и Л. Тимофеев выступили со статьей «Бедные люди», где критиковали профессора Ю. М. Соколова (см. прим. 367), методологически неверно преподающего студентам былинные образы.
- 368 Выступая в 30-е гг. инициатором возобновления фольклорных экспедиций, А. М. Горький объяснял это тем, что историю народа нельзя понять, не учитывая его поэтического творчества. В феврале 1929 г. на общем собрании АН СССР обсуждались вопросы научно-экспедиционной работы, в том числе и в области фольклора. В соответствии с решением XVI съезда ВКП(б) (апрель 1929 г.) о «культпоходе вглубь и вширь», началось комплексное изучение народного творчества в рамках деятельности Всесоюзного научно-исследовательского педагогического института национальностей. С лета 1934 г. во всех республиках СССР, происходит регулярный сбор фольклорных произведений, осуществляемый силами сотрудников филиалов АН СССР и республиканских НИИ языка и литературы, студентов гуманитарных вузов.
- 369 Имеется в виду открытое собрание партийной организации Московских писателей, посвященное работе над исторической тематикой. Партийный пленум ССП (февраль—март 1937 г.) проходил в русле мероприятий, посвященных юбилею А. С. Пушкина.
- 370 Тряпичкин — мелкий чиновник, к которому в письмах обращается герой комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (1836) Хлестаков.
- 371 Имеется в виду философская школа Московского университета.
- 372 Гераклит Эфесский (VI–V вв. до н. э.) — древнегреческий философ-диалектик.
- 373 «Вампука» — опера-пародия на музыку В. Эренберга, поставленная в Петербурге в 1909 г. Стала символом всего напыщенного в театральных, преимущественно оперных, постановках.
- 374 Война Польши с Тевтонским орденом в 1454–1466 гг.
- 375 Книгоиздательство «Academia» предприняло в 1936–1937 гг. выпуск главных сочинений великих философов всех времен и народов — Аристотеля, Лукреция Кара, Лейбница, Гегеля и других.
- 376 Переписка (в 10 томах) А. И. Герцена с Н. П. Огаревым впервые была издана в 1875–1879 гг. в Женеве. В 1919–1925 гг. в Госиздате была осуществлена публикация Полного собрания сочинений и Переписки А. И. Герцена и Н. П. Огарева в 22-х томах.
- 377 Немецкая писательница А.-М. Мейзенбург (1816–1897) была переводчицей «Прерванных рассказов» А. И. Герцена (изданы в 1885 г. в Гамбурге).
- 378 Художественный фильм «Последняя ночь» был поставлен кинорежиссером Ю. Я. Ройзманом (р. 1903) в 1937 г. Картина получила главный приз на Международной выставке 1937 года в Париже. (В деле имеются машинописные и рукописные тезисы Н. В. Устрялова к дискуссии в МИИТе 12 марта 1937 г.).
- 379 А. И. Герцен родился в московском доме своего дяди А. А. Яковлева. Отцом его был И. А. Яковлев, гвардии капитан в отставке.
- 380 Дон Жуан — легендарный герой, впервые появившийся в творчестве испанского писателя Т. де Молина. Образ его вдохновлял многих европейских и русских писателей.
- 381 Белоголовый Н. А. (1834–1895) — врач, друг и биограф С. П. Боткина. С 1861 г. корреспондент «Колокола».
- 382 Скорее всего, имеется в виду издательство «Международная книга», организованное в конце 1931 г. в связи с постановлением ЦК ВКП(б) «Об издательской работе» (15 августа 1931 г.). Задачей его помимо книгообмена была подготовка для заграницы переводов отечественной литературной классики, а также книг, знакомящих с достижениями СССР.
- 383 Красочный альбом «Народности СССР» вышел в свет в Госиздате в 1938 г.
- 384 Статья Н. В. Устрялова об А. И. Герцене — «Революционер-демократ» была опубликована в газете «Известия» 6 апреля 1937 г.
- 385 Цуриков Н. А. (1886–1957) — литературовед, публицист, общественный деятель. В 1920 г. эмигрировал из России. С марта 1923 г. сотрудник Русского педагогического бюро, член Парижского союза русских писателей и журналистов. В 1928–1934 гг. член редакционного комитета парижской газеты «Россия и славянство», идеолог антибольшевистского течения «Активизм». Здесь, вероятно, речь идет о несопоставимых предметах: символическом творчестве А. А. Блока («Стихи о Прекрасной Даме», 1908); «бессюжетной эссеистско-дневниковой» прозе В. В. Розанова («Уединенное», 1912; «Опавшие листья», 1913–1915); главном понятии этики И. Канта.
- 386 Символы недостижимых идеалов.
- 387 Имеются в виду слова из народной песни 20-х гг. «Гулял по Уралу Чапаев-герой», сложенной об одном из знаменитых полководцев гражданской войны В. И. Чапаеве (1887–1919), сражавшемся в Си-

- бири против войска адмирала А. В. Колчака (1873–1920).
- 388** де Местр Ш. М. (1753–1821) — французский политический деятель и религиозный философ, один из идеологов европейского клерикально-монархического движения начала XIX в.
- 389** Панглосс — герой романа Вольтера (1694–1778) «Кандид или Оптимизм» (1758), приверженец философии Г. В. Лейбница.
- 390** Имеется в виду персонаж мифических преданий «Авесты», составленных по иранским священным книгам пророком и реформатором древнеиранской религии Заратустрой (VI в. до н. э.). Здесь — символ бездумного соглашательства.
- 391** Речь идет о скульптурных изображениях древнегреческих мифологических чудовищ на парижской базилике в честь Богоматери (XII в.). Здесь — символ неосуществленной мечты.
- 392** Имеется в виду эпизод сказки датского писателя Х. К. Андерсена (1805–1875) «Снежная Королева».
- 393** Речь идет о службе Великой Пятницы, на утрени которой читаются избранные из всех 4-х Евангелистов 12 Евангельских чтений, повествующих о крестной жизни Спасителя.
- 394** Речь идет о Богоявленском храме, возведенном в Дорогомилове в 1893–1910 гг. по проекту архитектора В. Е. Сретенского. В 1917 г. он стал кафедральным собором. (Разобран в 1940–1941 гг.)
- 395** Мужской Чудов монастырь был основан в 1365 г. на территории Кремля митрополитом Алексием. С конца XV в. в нем традиционно крестили младенцев царского рода. Упразднен в 1918 г., разобран в 1928 г.
- 396** Имеется в виду Академический Малый театр.
- 397** Завеса из голубой (или пурпурной) ткани с херувимами скрывала от глаз в Храме Соломона (Иерусалим) святая святых с ковчегом. По преданию от Матфея, Завеса неожиданно разорвалась, когда Иисус умер на кресте. Апостол Павел пояснял это знамением доступа людей к Богу.
- 398** Статьи В. И. Ленина 1904–1910 гг. были посвящены классовым, аграрным, религиозным и внутрипартийным вопросам. К 1908 г. относится так же фундаментальный труд «Материализм и эмпириокритицизм».
- 399** Речь идет об экспедиции, организовавшей станцию «Северный полюс». Ее в мае 1937 г. возглавил О. Ю. Шмидт (1891–1956) — математик, геофизик, исследователь Арктики, профессор Московского университета.
- 400** Основатель Воскресенского Новоиерусалимского мужского монастыря патриарх Никон (1605–1681) предполагал воссоздать под Москвой Святую Землю христиан с точным подобием Храма Гроба Господня и его реликвиями. Архитектурный ансамбль строился здесь в 1657–1697 гг., причем подмосковная «Палестина» была осуществлена на берегу Истры как ландшафтный комплекс, включавший и мемориальное кладбище (разрушено в 1941 г.). Историко-художественный музей здесь открылся в 1920 г.
- 401** Беатриче — героиня цикла любовных сонетов последнего поэта итальянского Возрождения Данте (1265–1321). Она вдохновила его на создание поэмы «Божественная комедия» о путешествии по эта во главе с Виргилием по кругам Ада, Чистилища и Рая. Здесь — по аналогии.
- 402** В 1926 г. на сцене Московского художественного театра, основанного в 1898 г. К. С. Станиславским и Вл. И. Немировичем-Данченко, состоялась премьера пьесы К. А. Тренева (1876–1945) «Любовь Яровая».
- 403** 28 мая 1937 г. в газете «Известия» была опубликована большая статья И. Эренбурга «В гостях у старых друзей», описывающая павильон Италии на Международной выставке 1937 года в Париже (см. прим. 404).
- 404** 25 мая 1937 г. на территории в 100 га на берегу Сены открыли свои 250 павильонов 42 страны — участницы Международной выставки, проходившей под девизом «Искусство и техника в современной жизни». Здесь перечислены достопримечательности павильона Италии, располагавшегося точно напротив павильона Германии.
- 405** Имеется в виду книга В. В. Вересаева «Жизнь Пушкина», представляющая собой собрание высказываний современников о поэте (издана Гослитиздатом в 1936 г.).
- 406** В древнеримской мифологии сова считалась символом мудрости. Она была посвящена Минерве — богине государственной мудрости, ремесел, мира и искусств.
- 407** См. прим. 46.
- 408** Куприн А. И. (1870–1938) — прозаик, публицист, мемуарист. В октябре 1919 г. эмигрировал из России в Финляндию, затем во Францию. Член правления Парижского союза русских писателей и журналистов, редактор журналов «Отечество» и «Иллюстрированная Россия». Его возвращению в Россию содействовали И. Я. Билибин и М. К. Иорданская-Куприна (жена писателя до 1908 г.). А. И. Куприн приехал в Москву 31 мая 1937 г., затем переехал в Ленинград, где и скончался (с 1934 г. писатель страдал тяжелой болезнью глаз и раком пищевода).
- 409** Имеется в виду вторая жена писателя — Е. Куприна. При поддержке посла СССР В. П. Потемкина и писателя А. К. Толстого, она приняла на себя во Франции груз хлопот о возвращении в Россию.
- 410** Ставский В. П. (1900–1943) — секретарь Президиума ССП; Панферов Ф. И. (1896–1960) — писатель-прозаик, член Президиума ССП.
- 411** Гостиница «Метрополь», построенная в 1899–1905 гг. под руководством архитектора В. Ф. Витали по заказу С. С. Мамонтова, была в 30-е гг. самой красивой и комфортабельной в Москве.
- 412** 31 мая и 1 июня 1937 г. на последней странице газеты «Правда» были помещены два информационные сообщения в 6 и 7 строк о возвращении А. И. Куприна в Россию и о предполагаемом издании его сочинений в 2-х томах.
- 413** Гамарник Я. Б. (1894–1937) — член Оргбюро ЦК ВКП(б), начальник Политуправления РККА, ответственный редактор газеты «Красная звезда», с 1930 г. первый зам. наркома обороны СССР. Покончил с собой 31 мая 1937 г. На последней странице «Правды» от 1 июня 1937 г. в разделе «Хроника» об этом факте была помещена информация в пять строк.

«Состав и характер преступлений»

№ 1

Записка К. Е. Ворошилова¹ Н. С. Хрущеву²

Секретарю ЦК КПСС
товарищу ХРУЩЕВУ Н. С.

За период сентябрь—ноябрь с.г. нами были рассмотрены с участием Генерального прокурора СССР, Председателя Верховного Суда СССР, представителей Министерства внутренних дел СССР и Министерства юстиции СССР 8.874 ходатайства о помиловании осужденных к разным срокам лишения свободы. Из этого числа по 1.822 ходатайства Президиум Верховного Совета СССР применил помилование, а 7.052 ходатайства признано необходимым отклонить, ввиду тяжести и характера совершенных преступлений, незначительного срока отбытого наказания, неудовлетворительных характеристик о работе и поведении отдельных осужденных, а также с учетом того, что сроки наказания этим осужденным по амнистии сокращены наполовину.

Кроме того, оставлены без удовлетворения 23.228 ходатайств о помиловании осужденных за контрреволюционные преступления, бандитизм, умышленные убийства и крупные хищения социалистической собственности. В соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 5 июня 1953 года ходатайства о помиловании осужденных за эти преступления должны вноситься на рассмотрение Президиума при наличии в деле заслуживающих внимания обстоятельств, а также по специальным представлениям судебных органов, Министерства юстиции СССР и Министерства внутренних дел СССР. По указанным ходатайствам такого рода обстоятельств или представлений не имеется.

Поступившие в Президиум 13.696 ходатайств о помиловании лиц, осужденных судебными органами союзных республик, направлены на рассмотрение в Президиумы Верховных Советов союзных республик. 22.685 заявлений и жалоб на действия следственных органов и на судебные приговоры переданы на рассмотрение в порядке надзора в Прокуратуру СССР и Верховный Суд СССР и 2.818 заявлений — в Министерство внутренних дел СССР и Министерство юстиции СССР на рассмотрение и для выдачи справок и разъяснений по вопросам судимости.

На заседании Президиума Верховного Совета СССР от 2 декабря с.г. были рассмотрены и удовлетворены ходатайства о помиловании 467 осужденных, в том числе 3 ходатайства о снятии судимости и 5 ходатайств об освобождении от возмещения материального ущерба.

При рассмотрении на Президиуме ходатайств о помиловании принимались во внимание состав и характер совершенных осужденными преступлений, участие в Отечественной войне, ранения, награды, положительные характеристики о работе до осуждения, семейное положение, отношение к труду в местах заключения, отбытый срок наказания, а в отношении некоторых из них учитывались также возраст, тяжелое заболевание, инвалидность и другие заслуживающие внимания обстоятельства. По материалам 4 осужденных имелись ходатайства депутатов Верховного Совета СССР и Командующего Краснознаменной Каспийской флотилией.

Из указанного числа осужденных 442 человека осуждены за хищения государственного и общественного имущества или личной собственности граждан, из них 337 человек осуждены за хищения на сумму до 1000 руб., 425 человек не имели в прошлом судимости.

Наряду с осужденными за хищения Президиум принял решение о помиловании и освобождении от дальнейшего отбытия наказания Осинцева-Осипова А. Ф., осужденного за антисоветскую агитацию, и о сокращении срока наказания до фактически отбытого Висневскому Ю. А., Мартынюку П. Н., Пасельскому В. Д., Каленковичу Е. Н., Карпунь М. В., Кубилоте М. В., Остафиеву В. М., Савчуку П. П. и Су-тула А. И., осужденным за пособничество немецко-фашистским захватчикам и за связь с националистическими бандитами.

Эти лица отбыли уже большой срок наказания, по работе и поведению в местах заключения характеризуются положительно, многие из них преступление совершили в молодом возрасте и активности в работе бандитских организаций не проявляли.

По всем ходатайствам лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, Генеральный прокурор СССР тов. Руденко Р. А.³ представил в Президиум Верховного Совета СССР положительные заключения.

Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил также ходатайства Иванова И. Д., Крыжановского Л. Я., Ширгина В. Н., Сидорова И. И. и Скороходовой З. Ф. об освобождении их от дальнейшего возмещения материального ущерба по приговорам судов. Указанные лица были осуждены за халатное отношение к исполнению служебных обязанностей, часть причиненного ущерба возместили.

По ходатайствам Виленского И. Я., Егоровой-Михайловой М. Т. и Серяковой С. А. Президиумом Верховного Совета СССР принято решение о снятии с этих лиц судимости. Отбыв назначенный им срок наказания, они в настоящее время занимаются общественно-полезным трудом и положительно характеризуются по работе.

Постановления Президиума Верховного Совета СССР о досрочном освобождении 459 человек, о снятии судимости с 3 человек и об освобождении 5 человек от возмещения материального ущерба направлены для исполнения в Министерство юстиции СССР*

К. Ворошилов.

12 декабря 1953 г.

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 21. Д. 553. Л. 101–103. Подлинник, машинопись, подпись—автограф.

№ 2

Сопроводительная записка отдела административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС

В ОБЩИЙ ОТДЕЛ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПСС

Сдается письмо Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. Ворошилова К. Е. на имя секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н. С. о результатах рассмотрения Президиумом Верховного Совета СССР ходатайств о помиловании осужденных.

Указанное письмо тов. Хрущеву Н. С. доложено**

Зав. сектором Отдела административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС

Куликов

Инструктор Отдела административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС

Чистяков

- * Имеется запись: «Доложено 15/XII. (Подпись неразборчива)».
- Имеется датировка отдела: «22/XII-53 г.» и запись: «Арх[ив]. В. Горбунов».

Там же. Л. 104. Подлинник, машинопись, подписи—автографы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ворошилов К. Е. (1881–1969) — советский партийный и государственный деятель. В 1953–1960 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС в 1926–1960 гг.
- 2 Хрущев Н. С. (1894–1971) — советский партийный и государственный деятель. В 1953–1964 гг. первый секретарь ЦК КПСС, одновременно с 1958 г. Председатель Совета Министров СССР. Член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС в 1939–1964 гг. С 1964 г. на пенсии.
- 3 Руденко Р. А. (1907–1981) — советский государственный деятель. В 1953–1981 гг. Генеральный прокурор СССР.

«Формально и поверхностно исследуют материалы дела»

№ 1

Записка председателя Военной Коллегии Верховного суда СССР
генерал-лейтенанта юстиции Чепцова в ЦК КПСС

13 февраля 1954 г.
№ 003894

СЕКРЕТНО

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА АДМИНИСТРАТИВНЫХ И ФИНАНСОВО-ТОРГОВЫХ
ОРГАНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС
тов. ДЕЛОВУ А. Л.*

По просьбе тов. Кузнецова¹ сообщаю о проделанной работе Военной Коллегией по исправлению ошибок, допущенных военными трибуналами по делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-8, 17-58-8 и 19-58-8 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик².

В 1952 году Военной Коллегией было отменено и изменено приговоров по делам этой категории в надзорном порядке в отношении 153 человек.

Упомянутые дела были внесены на рассмотрение Военной Коллегии с протестами Генерального прокурора СССР в отношении 59 человек и с протестами Председателя Верховного Суда СССР в отношении 94 человек.

Протесты Председателя Верховного Суда СССР были принесены по жалобам осужденных в отношении 53 человек и по представлениям Министерства Юстиции СССР и председателей военных трибуналов в отношении 41 человека.

Из приведенных данных видно, что по большинству дел (61%) было отменено и изменено приговоров в порядке надзора по протестам Председателя Верховного Суда СССР.

Рассмотрение этих дел в Военной Коллегии показало, что военные трибуналы по делам этой категории допустили много ошибок, сущность которых заключалась в вынесении приговоров по явно недоследованным делам и в неправильной квалификации преступления.

В результате этого, в 1952 году Военной Коллегией было отменено приговоров с передачей дел на новое рассмотрение и на доследование в отношении 105 человек; изменено приговоров в отношении 78 человек и прекращено дел в отношении 3 человек.

В связи с усилением надзора за судебной деятельностью военных трибуналов по рассмотрению дел этой категории, количество измененных и отмененных приговоров в 1953 году значительно возросло.

Так, в 1953 году Военной Коллегией в порядке надзора было переквалифицировано со ст. 58-8 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик на иные статьи УК в отношении 307 человек. В отношении 27 человек приговоры были отменены и дела производством прекращены. В отношении 96 человек приговоры были отменены и дела переданы на новое рассмотрение со стадии предварительного и судебного следствия.

По некоторым делам военные трибуналы назначали явно чрезмерно суровую меру наказания, без учета характера совершенного преступления и личности осужденного, ввиду чего Военная Коллегия снизила меру наказания в отношении 48 чел.

Всего же было отменено и изменено приговоров в 1953 году по делам этой категории в надзорном порядке в отношении 478 человек и в кассационном порядке (по частным протестам военных прокуроров) в отношении 34 человек.

Кроме того, приговоры были отменены и изменены в отношении 46 человек, осужденных к высшей мере наказания.

* На бланке Военной коллегии Верховного суда Союза ССР. В публикации сохранены особенности орфографии и синтаксиса документов. — *Ред.*

Отмена и изменение приговоров в порядке надзора имели место по протестам Председателя Верховного Суда СССР в отношении 274 человек (57,3%), по протестам Генерального прокурора СССР — в отношении 204 человек (42,7%).

Протесты Председателя Верховного Суда СССР были принесены:	
по жалобам осужденных в отношении	106 чел.
по представлениям Председателей военных трибуналов	93 чел.
по представлениям Министерства Юстиции СССР	74 чел.

Таким образом, из приведенных данных видно, что по большинству дел были принесены протесты на отмену и изменение приговоров военных трибуналов по инициативе Военной Коллегии.

В 1953 году Военной Коллегией была изучена и обобщена надзорная практика Военной Коллегии за 1952 год и первое полугодие 1953 года по делам на осужденных по статье 58-8 УК РСФСР.

Обобщение надзорной практики показало, что военными трибуналами, и особенно бывшими военными трибуналами войск МВД, было допущено много ошибок. Предварительное и судебное следствие по этой категории дел проводилось на низком уровне, по многим делам допускалась неправильная квалификация преступления и имели место случаи необоснованного осуждения.

Было также установлено, что военные трибуналы предъявляли недостаточные требования к следственным органам о всестороннем расследовании дел и нередко сами поверхностно исследовали материалы дела в судебных заседаниях.

Некоторые военные трибуналы расширительно толковали ст. 58-8 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик и в ряде случаев, ввиду перестраховочной позиции в оценке состава преступления, заведомо допускали неправильную квалификацию преступления.

В результате изучения и обобщения надзорной практики Военной Коллегией по делам на осужденных по ст. 58-8 УК РСФСР был составлен обзор, который 16 сентября 1953 года направлен начальнику Управления военных трибуналов. Затем этот обзор был разослан по военным трибуналам для осуждения на оперативных совещаниях и принятия соответствующих мер к недопущению отмеченных в нем ошибок.

Ввиду значительного количества отмененных и измененных приговоров по делам на осужденных по ст. 58-8 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, в обзоре было обращено внимание военных трибуналов округов на необходимость проверки всех этих дел и, в случаях обнаружения дел, по которым возникнут сомнения в правильности осуждения, представления их в Военную Коллегию для просмотра в порядке надзора.

После рассылки данного обзора по военным трибуналам поступление этих дел на осужденных по ст. 58-8 УК РСФСР в Военную Коллегию для просмотра в порядке надзора значительно увеличилось.

Сущность ошибок, допущенных военными трибуналами по этой категории дел, подробно изложена в обзоре, который при этом прилагается*.

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту на 14 листах с № мб 4149.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ЮСТИЦИИ

* См. документ № 2. — *Ред.*

ЧЕПЦОВ

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 21. Д. 617. Л.84—86. Подлинник, машинопись, подпись—автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Кузнецов Д. И. — в указанное время инструктор Отдела административных и финансово-торговых органов ЦК КПСС.
- 2 Ст. ст. 58-8, 17-58-8 и 19-58-8 действовавшего тогда УК РСФСР предусматривали уголовное нака-

зание за совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций.

ОБЗОР
надзорной практики Военной Коллегии по делам
на осужденных по статье 58-8 УК РСФСР*

Совершенно секретно
Экз. № 1

За 1952 год и первое полугодие 1953 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР в надзорном порядке отменила и изменила приговоры в отношении 228 осужденных по ст. ст. 58-8, 17-58-8 и 19-58-8 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

Итоговые данные надзорной практики Военной Коллегии показывают, что качество предварительного и судебного следствия по этой весьма важной категории дел о государственных преступлениях является низким. Ввиду этого в отношении большого количества лиц, а именно на 99 человек, Военная Коллегия отменила судебные решения и дела возвратила на доследование, либо на новое судебное рассмотрение.

По многим делам допускается неправильная квалификация преступления: в отношении 115 чел., признанных военными трибуналами виновными в совершении террористических актов, подготовке или подстрекательстве к совершению терактов, Военная Коллегия переквалифицировала содеянное ими на неконтрреволюционные преступления (воинские или общеуголовные), или на статьи 58-10, 58-12 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик.

В отношении же 9 человек, признанных военными трибуналами виновными в террористической деятельности, Военная Коллегия дела в уголовном порядке прекратила за отсутствием состава преступления.

Причину столь существенных изменений, внесенных Военной Коллегией в решения военных трибуналов, можно объяснить лишь тем, что военные трибуналы предъявляют недостаточные требования к следственным органам о всестороннем, полном расследовании дел и нередко сами формально и поверхностно исследуют материалы дела в судебных заседаниях, а также тем, что некоторые судьи расширительно толкуют ст. 58-8 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик, а в ряде случаев занимают перестраховочную позицию в оценке состава преступления, вследствие чего заведомо допускают неправильную квалификацию преступления.

Изучение указанной категории дел показало, что вследствие перестраховочной позиции, занимаемой отдельными следственными и судебными работниками, невиновные лица нередко привлекаются к уголовной ответственности по обвинению в тяжких государственных преступлениях, с последующим осуждением их на длительные сроки лишения свободы за деяние, не содержащее в себе состава уголовного преступления.

Например:

* Заголовок документа. — *Ред.*

Военный трибунал войск МГБ Орловской области (председательствующий по делу подполковник юстиции Сурнакин) осудил по ст. 17-58-8 УК РСФСР к 25 годам лишения свободы старшину КУЗЬМИНА за то, что он, зайдя в служебный вагон и увидев на стене вагона портрет одного из руководителей партии и Советского правительства, в присутствии проводника вагона Берлова сорвал портрет со стены, порвал его пополам, а затем передал портрет Берлову и предложил его сжечь.

Во время оборудования другого служебного вагона КУЗЬМИН взял в купе вагона портрет одного из членов Советского правительства, передал его солдату Резову, сказав при этом, чтобы Резов этот портрет выкинул.

Военная Коллегия по материалам дела установила, что в приговоре неправильно изложены обстоятельства дела. В действительности было так: КУЗЬМИН по роду своих служебных обязанностей следил за оборудованием вагонов, предназначавшихся для размещения конвоя.

Перед убытием одного из служебных вагонов в рейс КУЗЬМИН, проверяя находившееся в вагоне имущество и заметив, что в одном из купе висел на стене запыленный и местами поврежденный портрет одного из руководителей партии и Советского правительства, решил этот портрет снять и заменить другим.

Когда КУЗЬМИН, взявшись за нижний угол портрета, попытался рывком снять его со стены, портрет ввиду его ветхости и имевшихся на нем повреждений порвался пополам. После этого КУЗЬМИН встал на скамью, снял остальную часть портрета и передал его проводнику Берлову для сожжения.

Утверждение единственного свидетеля Берлова, что КУЗЬМИН в грубой форме сорвал хороший, чистый и целый портрет, КУЗЬМИН отрицал, а наличие приобщенного к делу в качестве вещественного доказательства портрета опровергало показания Берлова о том, что портрет был чистый и целый.

Из имеющейся в деле характеристики командования видно, что КУЗЬМИН длительное время добросовестно и без замечаний работал по оформлению вагонов.

Обвинение КУЗЬМИНА в том, что он якобы предлагал солдату Резову выкинуть портрет одного из членов Советского правительства, материалами дела не подтверждено.

По делу установлено, что Резов в свое время об этом эпизоде никому не заявлял и что отношения между КУЗЬМИНЫМ и Резовым были неприязненными.

Военная Коллегия в своем определении от 14 марта 1953 года указала, что обвинение КУЗЬМИНА не соответствует материалам дела, так как в деле отсутствуют доказательства, изобличающие КУЗЬМИНА в совершении преступления, предусмотренного ст. ст. 17-58-8 УК РСФСР.

Ввиду этого Военная Коллегия приговор отменила, а дело в отношении КУЗЬМИНА производством прекратила за отсутствием в его действиях состава преступления.

В феврале 1952 года военным трибуналом войск МГБ Гродненской области (председательствующий по делу полковник юстиции Радлинский) по ст. 22-70 УК БССР был осужден к 25 годам лишения свободы в ИТЛ МИХАЙЛОВ.

МИХАЙЛОВ был привлечен к ответственности, а затем признан судом виновным в том, что он, будучи озлоблен на Советскую власть, выполняя работу по художественному оформлению заводской колонны демонстрантов, допустил антисоветский террористический выпад в отношении руководителей ВКП(б) и Советского правительства, выразившийся в том, что прикрепил гвоздями к древку портреты руководителей партии и Советского правительства посредине изображения.

На предварительном следствии и в суде МИХАЙЛОВ себя виновным не признал и показал, что картон, на который он прикреплял портреты, был деформирован, вследствие чего портреты в средней своей части не прилегли плотно к картону. Желая укрепить их более прочно и предотвратить срыв их ветром на демонстрации, он прикрепил портреты гвоздями по линии древка, проходившей посредине картона и изображения портретов, не придав этому значения и не имея в этом умысла на глумление.

Это объяснение МИХАЙЛОВА по делу ничем не опровергнуто. Никаких данных, указывающих на то, что он сделал это с контрреволюционной целью, в материалах дела нет.

Утверждение в приговоре, что МИХАЙЛОВ озлоблен на Советскую власть, не только не подтверждено материалами дела, но и противоречит фактическим обстоятельствам дела.

Из материалов дела видно, что МИХАЙЛОВ, 1927 года рождения, после окончания техникума с 1947 года по день ареста по настоящему делу работал на фабрике в качестве инженера, к работе относился исключительно добросовестно, член ВЛКСМ с 1943 года, являлся членом фабричного комитета комсомола, руководил кружком по изучению биографии И. В. СТАЛИНА.

Дирекция фабрики, партийная и комсомольская организация фабрики и горком комсомола характеризует МИХАЙЛОВА только положительно.

Брат МИХАЙЛОВА, как это видно из письма отца осужденного, погиб на фронте Отечественной войны.

Никто из допрошенных свидетелей не уличал МИХАЙЛОВА в каких-либо антисоветских высказываниях или поступках.

Военная Коллегия в своем определении от 14 марта 1953 года указала, что при изложенных обстоятельствах у органов следствия и суда не было оснований расценивать поступок МИХАЙЛОВА, выразившийся в неправильном прикреплении портретов, как террористический выпад против руководителей Партии и Советского правительства.

Ввиду этого Военная Коллегия приговор отменила и дело в уголовном порядке производством прекратила за отсутствием в действиях МИХАЙЛОВА состава преступления.

Анализ измененных приговоров показал, что следственные органы и военные трибуналы, расширительно толкуя ст. 58-8 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик, часто необоснованно квалифицируют высказывания угроз убийством в отношении должностных лиц, советских активистов и начальствующего состава Советской Армии как подготовку или подстрекательство к совершению террористического акта.

Иногда эти ошибки в квалификации преступления допускаются также и вследствие неумения отдельных следственных и судебных работников дать политически правильный и юридически обоснованный анализ состава преступления.

Неправильность же квалификации преступлений по данной категории дел влечет за собой, как правило, вынесение необоснованных приговоров.

Например:

Военным трибуналом войск МВД Приволжского округа (председательствующий по делу полковник юстиции Бобров) была осуждена по ст. ст. 17-58-8 УК РСФСР и ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР к 25 годам лишения свободы в ИТЛ гражданка ОРКИШ.

ОРКИШ по приговору признана виновной в том, что, будучи враждебно настроена в отношении партийного и советского актива, в декабре 1949 года изготовила и направила в адрес первого секретаря Обкома ВКП(б) письмо, в котором высказала в отношении его террористические намерения и допустила антисоветскую клевету на материальное положение трудящихся Советского Союза.

Рассмотрев дело в порядке надзора, Военная Коллегия установила, что военный трибунал дал неправильную оценку мотивов и содержания написанного Оркиш письма, в результате чего неправильно квалифицировал совершенное ею преступление.

Как установлено материалами дела, Оркиш написала в адрес секретаря Обкома партии анонимное письмо, в котором выразила недовольство плохой организацией торговли мукой; при этом она допустила оскорбительные ругательства по адресу секретаря Обкома, а также угрожала совершить над ним насилие.

Письмо это носило характер обывательской брани и не могло рассматриваться ни как подстрекательство к совершению террористического акта, ни как призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти. Содержавшиеся в письме Оркиш высказывания, хотя и выраженные в недопустимой форме, были направлены не против политики Советского правительства, а против якобы допущенных местными органами власти отдельных недостатков в организации торговли в гор. Пензе, в силу чего действия Оркиш нельзя было рассматривать как совершенные с контрреволюционным умыслом.

Выводы органов следствия и трибунала о враждебном настроении Оркиш в отношении советско-партийного актива не соответствуют имеющимся в деле материалам.

Допрошенные по делу свидетели, хорошо знавшие ОРКИШ, показали, что они никогда не слышали от нее высказываний антисоветского характера и недовольства своим материальным положением. ОРКИШ является пенсионеркой, сын ее погиб на фронте Великой Отечественной войны.

В определении от 21 января 1953 года Военная Коллегия указала, что высказанная Оркиш угроза совершения насилия над секретарем обкома партии содержит состав преступления, предусмотренный ст. 73 ч. 1 УК РСФСР, а не ст. ст. 17-58-8 УК РСФСР.

Ввиду этого Военная Коллегия переквалифицировала преступление ОРКИШ на ст. 73 ч. 1 УК и определила ей наказание в виде 6 месяцев исправительно-трудовых работ.

Военный трибунал войск МВД Приволжского округа (председательствующий по делу подполковник юстиции Сурнакин) квалифицировал преступление Сутягина по ст. 58-8 УК РСФСР и приговорил его к 25 годам лишения свободы в ИТЛ за то, что он в ночь на 30 сентября 1951 года поджег дом председателя сельсовета Рожкова, в разговоре с Ромашиним и Ульяниним высказывал намерение убить Рожкова, а после восстановления Рожковым своего дома предлагал своим односельчанам Абрамову и другим снова поджечь дом Рожкова.

В октябре 1951 года СУТЯГИН в разговоре с РОМАШИНЫМ высказал намерение поджечь дом обработчика РО МГБ МОЗДАКОВА.

Проверкой дела в порядке надзора Военная Коллегия установила, что СУТЯГИН поджег дом Рожкова не из контрреволюционных побуждений, а на почве недовольства на него за то, что Рожков не оплатил ему работу по заготовке и подвозу хвороста для личного хозяйства Рожкова и по продаже на рынке его сена. Угрозы в адрес Рожкова и Моздакова СУТЯГИН высказал не в связи с их служебной деятельностью, а по личным мотивам.

Ввиду этого, Военная Коллегия своим определением от 21 января 1953 года переквалифицировала преступление СУТЯГИНА со ст. 58-8 на ст. 175 ч. 2 УК РСФСР, снизив соответственно наказание.

В феврале 1953 года Военным трибуналом войсковой части 92401 (председательствующий по делу подполковник юстиции Зинченко) были осуждены на основании ст. ст. 19-58-8 УК РСФСР к 25 годам лишения свободы в ИТЛ каждый — ЩЕРБАКОВ и СЕРГЕЕВ.

ЩЕРБАКОВ и СЕРГЕЕВ признаны виновными в том, что 16 января 1953 года в состоянии опьянения учинили хулиганские действия, а когда лейтенант Кулигин приказал им прекратить бесчинство, они проявили неповиновение и свыше часа продержали Кулигина под угрозой оружием.

Военная Коллегия установила по материалам дела, что ЩЕРБАКОВ и СЕРГЕЕВ не имели намерения убить офицера Кулигина, а их действия, связанные с угрозой оружием, представлявшие собой оказание сопротивления с применением оружия, предусмотрены ст. 193-3 п. «б» УК РСФСР, в связи с чем переквалифицировала их преступление со ст. ст. 19-58-8 УК на ст. 193-3 п. «б» УК РСФСР, снизив соответственно каждому меру наказания.

Военным трибуналом Ленинградского военного округа (председательствующий по делу подполковник юстиции Ферштман) был осужден на основании ст. ст. 58-10 ч. 1 и 17-58-8 УК РСФСР с санкцией ст. 58-2 УК РСФСР к заключению в исправительно-трудовые лагеря сроком на 25 лет с поражением в правах на пять лет, с конфискацией всего имущества военнослужащий Нигматуллин за то, что он, будучи дневальным, написал антисоветскую листовку с призывом к совершению террористических актов над коммунистами, к свержению Советской власти, к вредительству и восхвалял в ней одно из империалистических государств. Эту листовку он наклеил на наружной входной двери казармы.

Рассмотрев данное дело в порядке надзора, Военная Коллегия в своем определении указала, что хотя в написанной Нигматуллиным антисоветской листовке и содержится призыв к совершению террористических актов над коммунистами, но поскольку этот призыв носит общую форму, преступные действия Нигматуллина полностью охватываются статьей 58-10 ч. 1 УК РСФСР.

В связи с этим Военная Коллегия исключила из приговора статью 17-58-8 УК РСФСР, квалифицировав содеянное Нигматуллиным только по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР.

Военный трибунал войск МГБ Ростовской области (председательствующий подполковник юстиции Дурникин) 23 марта 1953 года осудил на основании ст. ст. 17-58-8 УК РСФСР с санкцией ст. 58-2 УК РСФСР к заключению в исправительно-трудовые лагеря на 10 лет без поражения в правах, с конфискацией всего имущества, ученика Иштутина за то, что он 22 января 1953 года в г. Ростове-на-Дону в школе № 32 лезвием безопасной бритвы порезал два портрета руководителей Коммунистической партии и Советского государства.

Проверкой дела установлено, что Иштутин, 1936 года рождения, ученик 8 класса, за плохую успеваемость и недисциплинированность из школы был исключен. Имея намерение отомстить директору за то, что его исключили из школы, Иштутин лезвием бритвы порезал портреты.

Учитывая характер действия Иштутина, его возраст, мотив совершения преступления и отсутствие у него контрреволюционного умысла, Военная Коллегия приговор военного трибунала изменила, переqualифицировав преступление Иштутина со ст. ст. 17-58-8 на ст. 74 ч. II УК РСФСР.

По приговору военного трибунала войск МГБ Приволжского округа (председательствующий по делу майор юстиции Мильгром) был осужден по ст. 19-58-8 УК РСФСР КИРЮШКИН за то, что в мастерской совхоза в присутствии ряда лиц сделал враждебный выпад в отношении коммунистов и высказал террористические намерения по адресу директора совхоза — депутата Райсовета и члена Пленума райкома партии ЛИТВИНОВА.

Квалифицировать данное преступление КИРЮШКИНА по ст. 19-58-8 УК РСФСР не было оснований.

По материалам дела установлено, что КИРЮШКИН допустил враждебный выпад в отношении коммунистов и высказал угрозу убийством по адресу ЛИТВИНОВА на почве недовольства, вызванного задержкой в восстановлении его, Кирюшкина, на работе в должности тракториста; эти его действия полностью охватываются ст. 58-10 ч. 1 и ст. 73-1 УК РСФСР.

Своим определением от 7 января 1953 года Военная Коллегия переqualифицировала преступление КИРЮШКИНА со ст. ст. 19-58-8 УК на ст. ст. 58-10 ч. 1 и 73-1 УК РСФСР.

По многим делам этой категории, рассмотренным в порядке надзора, Военная Коллегия отменяла приговоры ввиду существенной неполноты предварительного и судебного следствия, а также за нарушением порядка расследования и рассмотрения дел, проводимого зачастую поверхностно и формально.

Примером формального подхода к расследованию дела со стороны следственных органов и суда может служить дело КОЖИНА-СОСНИНА, осужденного 21 апреля 1952 года военным трибуналом войск МГБ Западно-Сибирского округа (председательствующий по делу майор юстиции Напалков) на основании ст. ст. 19-58-8 и 58-10 ч. 1 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы с конфискацией всего имущества.

КОЖИН-СОСНИН был признан виновным в том, что в конце января 1952 года составил 5 писем и 179 листовок антисоветского содержания, в которых содержались призывы к свержению государственного строя в СССР, клевета на одного из руководителей партии и Советского правительства и террористические намерения в отношении коммунистов. Три письма были им направлены в адрес школьников, проживающих на Украине, а остальные 2 письма и 179 листовок разбросаны в разных местах города Омска.

Проверив дело в порядке надзора, Военная Коллегия установила, что следствие по нему органами расследования и судом было проведено крайне поверхностно и односторонне.

Несмотря на то, что КОЖИНУ-СОСНИНУ было 14 лет и что во время расследования он находился в реактивном состоянии, его допросы в ходе следствия и в суде проводились в отсутствие педагога и врача-психиатра, хотя их присутствие в таких случаях обязательно. Органы расследования и суд совершенно не пытались выяснить, не являлся ли Кожин-Соснин слепым орудием в руках взрослых.

По делу осталось непроверенным заявление КОЖИНА-СОСНИНА о том, что написать антисоветские листовки его научил некий Михаил, с которым он вместе пас коров, и что в листовках он излагал то, что слышал от гражданки Завренко, которая допускала антисоветские высказывания в их квартире более двух лет тому назад, когда ему было 12 лет. Не были проверены показания двух свидетелей о том, что антисоветские суждения высказывала мать Кожина-Соснина.

Несмотря на сомнения в состоянии психики обвиняемого, который на следствии часто менял свои показания и даже не мог назвать имя своей сестры, по делу была проведена лишь амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза, выводы которой нельзя было признать удовлетворительными, так как она не располагала подробным анамнезом Кожина-Соснина.

В силу этого Военная Коллегия отменила приговор в отношении Кожина-Соснина, возвратив дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

С существенной неполнотой было проведено также расследование по делу Бивол и др., осужденного 10 апреля 1953 года военным трибуналом войск МВД Молдавской ССР (председательствующий

по делу полковник юстиции Доценко) на основании ст. 54-8 УК УССР к 25 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет и конфискацией всего имущества.

БИВОЛ признан виновным в том, что в ночь с 18 на 19-е августа 1952 года выстрелом из огнестрельного оружия смертельно ранил бригадира и члена правления колхоза ЧАБАН за его активную общественную деятельность.

Кроме того, БИВОЛУ вменены покушение на убийство звеньевых колхоза ЦОНУ и подготовка террористических актов в отношении других членов колхоза, фамилии которых он занес в так называемый «черный список» с условным обозначением намечавшихся форм расправы над ними.

Военная Коллегия установила, что обвинение БИВОЛ в террористической деятельности основано, главным образом, на показаниях осужденного по этому же делу ДАМАСКИНА и косвенных показаниях свидетеля ПИСАРЬ, которые никакими другими объективными данными не подтверждены. Между тем, сам Бивол категорически отрицал свою вину, а в деле имелись самые разноречивые данные о лицах, причастных к убийству Чабан, в том числе и показания против Дамаскина, который по данному делу осужден лишь за недоносительство.

Следственные органы и суд не провели тщательной проверки взаимоотношений обвиняемых по делу, а также их взаимоотношений со свидетелями, хотя это настоятельно диктовалось обстоятельствами дела.

По делу не было тщательно проверено заявление ДАМАСКИНА о его алиби, не исследован в достаточной степени вопрос о незаконном хранении оружия Бивол и гражданином Руссу, не расследован вопрос о том, при каких обстоятельствах и в связи с чем Бивол якобы говорил свидетелю Писарь о его намерениях «покалечить» одного-двух человек в селе Зембрены, хотя все эти обстоятельства имели существенное значение для установления истины по делу.

Своим определением от 10 июня 1953 года Военная Коллегия отменила приговор в отношении Бивол и Дамаскина, возвратив дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Суммируя изложенное, надлежит сделать следующие выводы:

1. Предварительное и судебное следствие по этой весьма важной категории дел проводится неудовлетворительно, в связи с чем по делам, рассмотренным в порядке надзора, за неполнотой предварительного и судебного следствия отменено 43% приговоров.

2. Ввиду перестраховочной позиции, занимаемой отдельными судебными работниками, в судебной практике военных трибуналов все еще имеют место случаи необоснованного осуждения по ст. 58-8 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик невиновных лиц, в действиях которых состав преступления отсутствует.

3. Многие судебные работники, расширительно толкуя ст. 58-8 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик, дают неправильную квалификацию преступления. В силу этого по этой категории дел, рассмотренных в порядке надзора, Военная Коллегия в отношении 50% всех осужденных переквалифицировала преступления со ст. 58-8 УК РСФСР и соответствующих ей статей УК других союзных республик на иные статьи УК.

4. Имеется необходимость дать военным трибуналам указание о более глубоком и вдумчивом подходе к рассмотрению дел этой категории, недопущении расширительного толкования ст. 58-8 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, об улучшении качества предварительного и судебного следствия и повышении ответственности судей за вынесение необоснованных приговоров.

5. Ввиду наличия значительного количества отмененных и измененных приговоров по делам указанной категории, представляется целесообразной проверка всех этих дел военными трибуналами округов с тем, чтобы дела, по которым основательность осуждения вызывает сомнение, были затем представлены в Военную Коллегию для просмотра в порядке надзора.

6. Настоящий обзор полагаю целесообразным разослать всем военным трибуналам.

Врио ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ЮСТИЦИИ

И. МАТУЛЕВИЧ

16 сентября 1953 года

Там же. Л. 87—100. Подлинник, машинопись; заверено гербовой печатью
Военной коллегии Верховного суда СССР.

«Подписью с приложением печати удостоверяется»

Революция 1917 г. и гражданская война в России вызвали к жизни невиданный ранее расцвет всевозможных удостоверений и мандатов. Публикуем два образца такого рода документов, отно-

сящихся приблизительно к одному и тому же времени, но созданных в противоборствовавших в гражданской войне лагерях. В публикации дореволюционная орфография заменена современной.

№ 1

Командующий
2-й армией
революционных войск
Курской губ.¹
15 апреля 1918 года
№ 156

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие матросу 1 Сводно-партизанского отряда моряков Красной Балтики тов. БОЛЬШАКОВУ² в том, что он назначается военным диктатором гор. Обояни и Обоянского уезда, все его приказания и распоряжения исполнять беспрекословно, что подписью с приложением печати удостоверяется.

Командующий 2 армией

подпись неразборчива

печать начальника
1 Сводно-партизанского
отряда моряков

РГАВМФ. Ф. р-423. Оп. 1. Д. 4. Л. 27. Подлинник. Машинопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Сведений о «2-й армии революционных войск Курской губ.» не обнаружено. Видимо, так именовало себя одно из многочисленных в первые месяцы

гражданской войны полупартизанских формирований.

2 Сведений об этом лице не обнаружено.

№ 2

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 584

Дано сие от Воздушной станции «Бухта Нахимова» морскому летчику авиационному механику Павлу МУРЗИНУ¹ в том, что он ни в каких большевистских партиях не участвовал, в походы против Дона и Украины не ходил, а вел себя на службе исполнительно и аккуратно.

10 мая 1918 г. Севастополь

Что подписью и приложением казенной печати удостоверяю
 Помощь начальника Воздушной ст. «Бухта Нахимова»
 губер[нский] секретарь² Мурзин³
 Морской летчик подпоручик Протопопов⁴
 Приписка: удостоверение, выданное братом брату, не может считаться действительным.
 Подпись неразборчива.

РГАВМФ. Ф. р-72. Оп. 1. Д. 79. Л. 1. Рукописный подлинник, подписи — автографы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Мурзин Павел Павлович, морской летчик, авиационный механик, упоминается и в других документах Черноморского флота белых за 1918 г. Сведений о его дальнейшей судьбе не обнаружено.
- 2 Губернский секретарь — гражданский чин 13 класса по Табели о рангах.
- 3 Мурзин Александр Павлович, губернский секретарь, упоминается в документах ЧФ белых за 1918–1920 гг. (последнее упоминание — 8 апреля 1920 г.).
- 4 Протопопов Вадим Федорович, морской летчик, подпоручик по адмиралтейству, упоминается в документах ЧФ белых по 2 апреля 1920 г.

«Просит выдать доставленную Вам свинью»

Письмо Отдела рабочего снабжения Севастопольского главного военного порта в Севастопольскую городскую милицию от 4 ноября 1934 г.

В Севгормилицию

ОРС Севглавоенпорта просит выдать нашу доставленную Вам свинью Рудметаллторгом. Последняя при выгрузке с «Красного Водолея» упала за борт в ночное время в 10 час. 1 ноября 1934 г. и переплыла на противоположную сторону¹, где была задержана рабочим и доставлена; живой вес определяется до 70 кило,

Начальник ОРСа
 Главвоенпорта МСЧМ²

Репин

РГАВМФ. Ф. р-363. Оп. 2. Д. 543. Л. 227. Копия. Машинопись.

ПРИМЕЧАНИЕ

- 1 Одной из севастопольских бухт.
- 2 Морских сил Черного моря.

«На дверях уборной обнаружена антисоветская надпись»

Начальнику Политуправления ТОФ*
 Бригадному комиссару т. Савелову.

7 мая 1940 г.
 № 0868

Доношу, что 4-го мая с/г в Управлении ВВС ТОФ на дверях уборной была обнаружена антисоветская надпись следующего содержания: «Разобрать жизнь Альфа и Омега, почин и конец ихний. 40 год даст пить кто хочет. Религия непобедима Христос воскрес». Надпись произведена чернильным карандашом.

Немедленно как мне стало о этом известно от канд. ВКП(б) тов. Собко мною были приняты меры.

1. Дверь в уборную была забита и 5-го мая сфотографирована.
2. Поставлен в известность особый отдел. Снимок отсылается им.
3. Доложил Бригадному комиссару т. Блох¹

На очередном закрытом партсобрании данный факт будет доведен до сведения всех коммунистов с целью мобилизации коммунистов на усиление бдительности.

Приложение: фотоснимок 1 лист.

За Военкома штаба УВВС ТОФ
 старший политрук

• ТОФ — Тихоокеанский флот. — *Ред.*

Деньщик

РГАВМФ. Ф. р-1012. Оп. 3. Д. 673. Л. 46. Подлинник. Машинопись. Подпись—автограф.

ПРИМЕЧАНИЕ

1 Сведений об этом лице не обнаружено.

Публикация **Алексея БОЧАРОВА**
 г. С.-Петербург

НОВЫЕ КНИГИ издательства «Российская политическая энциклопедия»

Письма во власть. 1917–1927 гг. М. 1997. 664 с.

В основу этой книги положены различные формы апелляции граждан к государству (письма, жалобы, доносы и др.), относящиеся к периоду гражданской войны и новой экономической политики. Рассчитана на широкий круг читателей.

Милосердие. Учебное пособие. М. 1998. 214 с.

Это одна из первых отечественных работ, посвященных благотворительности и милосердию. Книга раскрывает социальный и нравственный смысл деятельности в сфере милосердия, проводимой светскими, общественными и религиозными организациями.

Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.

Распятые революцией: Российские и советские прокуроры. XX в. 1922–1936 гг.
М. 1998. 511 с.

Эта книга рассказывает об истории советской прокуратуры. В ней воссоздаются портреты первых советских прокуроров. Книга богато иллюстрирована и предназначена всем, кто интересуется историей Отечества.

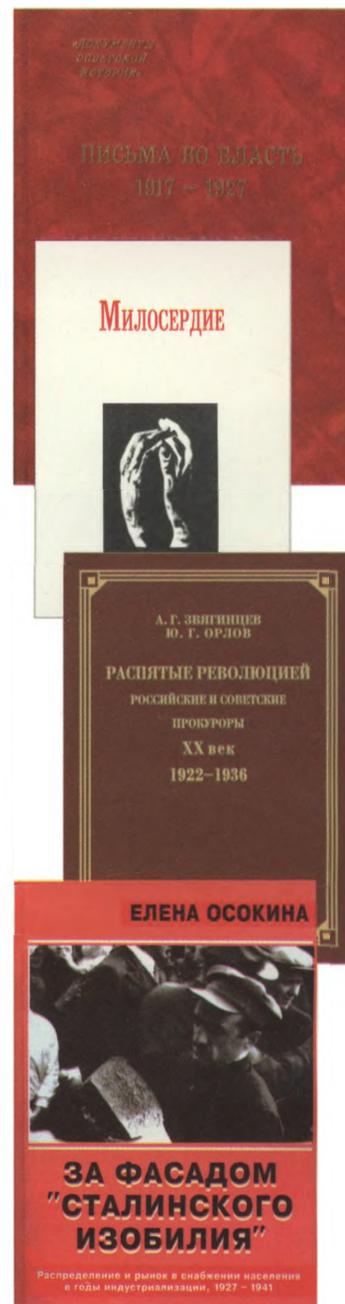
Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 гг.

М. 1997. 271 с.

Эта работа возвращает читателя к истокам социалистической торговли в легендарные первые пятилетки. В центре внимания — повседневная жизнь общества в условиях огосударствления экономики, разрушения и возрождения рынка.

Книги (без торговой наценки) можно приобрести в издательстве «Российская политическая энциклопедия» по адресу:

**Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2, отдел маркетинга.
Тел.: 181-34-57.**

*Формат 84x108/16. Тираж 5000 экз. Заказ № 547
Адрес редакции: 103025, Москва, ул. Новый Арбат, 19.
Тел.: 203-45-54.*

*Типография ОАО ПО «Пресса-1», 125865 ГСП, Москва, ул. Правды, 24.
© Редакция журнала «Родина», 1999. Цена договорная*

5 1 1 5

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Августейшая почта

«На меня смотрят как на преступника...»
Письма опального князя Михаила Михайловича.

Внешняя политика

«Путем секретной переписки...»
О царской дипломатии в начале XX века.

Фотоархив

Мир семейных фотографий купцов Басниных.

Ученый и власть

«Сидим голодные и без новостей»
Академия наук СССР в эвакуации 1941–1943 гг.

Как это было

«Союзники нажимают на тебя для того, чтобы сломить у тебя волю...»
*Переписка Сталина с Молотовым и другими членами Политбюро
по внешнеполитическим вопросам
в сентябре—декабре 1945 г.*